

REVISTĂ DE ISTORIE A MOLDOVEI

ISSN 0236—3100

МОЛДАВСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Anul I

1990

2 (2)

Academia de științe a R.S.S.M.

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A R.S.S. MOLDOVA
Institutul de istorie «I. S. Grosul»

REVISTĂ DE ISTORIE A MOLDOVEI

МОЛДАВСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2 (2) 1990

aprilie—iunie

Revistă științifică
Fondată în 1990
Apare de patru ori pe an
în limbile moldovenească și rusă



CHIȘINĂU „ȘTIINȚA“ КИШИНЕВ 1990

COLEGIUL DE REDACȚIE

*Vladimir I. Țaranov (redactor-șef),
Demir D. Dragnev (redactor-șef adjunct),
Nicolae V. Babilungă, Petru A. Boico,
Nicolai N. Cervencov, Eugeniu E. Certan,
Iacov M. Copanschi,
Andrei I. Eșanu, Ion I. Jarcuțchi, Victor I. Jukov,
Vasile D. Isac,
Artiom M. Lazarev,
Iziaslav E. Levit, Ion T. Niculiță,
Anatolii A. Novoselțev,
Lucheria E. Repida, Pavel V. Sovietov, Chiril V. Stratievski,
Valeriu M. Opincă (secretar responsabil)*



STUDII ИССЛЕДОВАНИЯ

Pavel V. Sovetov

MIRON COSTIN ȘI EPOCA SA*

„Iară nu sîntu vremile supt cîrma
omului, ce bietul om supt vremi“

Miron Costin

Prin creația sa Miron Costin a lăsat o urmă adîncă în istoria culturii moldovenești. De sub pana lui Costin au ieșit cronică tradițională moldovenească a evenimentelor dintre anii 1595—1661 și o inspirată cronică în versuri, o primă monografie istorică în Moldova, un poem filozofic, panegirice, precum și creații epistolare. Astfel, pregnant și laconic, a caracterizat moștenirea acestui om remarcabil cunoscutul cercetător al creației sale — Eugeniu Russev.

Însă acordul final în aprecierea moștenirii culturale a lui Miron Costin, joncțiunea creației sale cu epoca cultural-istorică căreia îi aparține ca poet și savant, gînditor și istoric, în știința noastră literară și istorică încă n-a fost elucidată. Numai o viziune asupra epocii cultural-istorice, în care, într-o măsură sau alta, se înscrie creația lui Miron Costin, permite să pătrundem dimensiunile, locul și importanța acestei personalități în istoria culturii europene și moldovenești. Creația fiecărui scriitor și poet, gînditor și istoric este inseparabilă de epoca în care el a trăit și a creat, indiferent de faptul în ce măsură a anticipat-o geniul său. De înțelegerea justă a acestei epoci depinde și posibilitatea aprecierii mai ample a creației scriitorilor și gînditorilor, care au fost contemporani epocii sau au perceput-o.

Cercetarea operei lui Miron Costin și a epocii sale cultural-istorice în literatura noastră științifică postbelică era legată la început cu prioritate de evul mediu „pur“, viziune ce poate tălmăci doar creația unor așa croniciari din sec. al XVI-lea ca Azarie, Macarie, Eftimie și chiar, într-o oarecare măsură, Grigore Ureche și epoca sa, dar nu poate explica creația lui Costin, deși ei au trăit în același secol — al XVII-lea. Faptul că asemenea abordare a devenit depășită demult era cu desăvîrșire limpede în știința literară și în istoriografia moldovenească. Dar, cum se întîmplă adeseori în astfel de cazuri, cînd n-am înțeles, și ca urmare am subapreciat locul nostru în istoria civilizației mondiale și europene, n-am putut corela just și înscrie sincronic în epoca respectivă creația și personalitatea unui șir de scriitori și savanți proprii, inițial acționează cel mai simplu reflex de „mișcare inversă“ în privința celor trecute cu vederea atît de dezonorat. Se începe probarea rectiliniei, deseori formală a celor mai „prestigioase haine“ de talia istoriei culturii mondiale. În asemenea împrejurări a apărut și întrebarea: avem sau nu posibilitatea de a analiza creația lui Miron Costin drept o pagină a epocii Renașterii europene.

Însă ideea de încadrare directă a lui Miron Costin în epoca renascențistă nu putea să se încununeze de succes în aceeași măsură ca și tendința de a referi creația lui numai la „purul“ ev mediu. Dar confruntarea cu epoca Renașterii europene nu a trecut în zadar. Ea ne-a făcut să înțelegem, că în căutarea legăturilor cu Renaissance-ul și izvoarele sale trebuie să mergem întrucîtva pe o altă cale, mai complexă, nu atît de rectilinie și simplistă. Mai cu perspectivă s-au dovedit a fi căutările întreprinse în ultimul timp de un șir de savanți din Europa de Est (Polonia, Ucraina, Bielorusia, Lituania, Rusia ș. a.). Cît privește Rusia, apoi acum, conform

părerii larg răspândite, unei alte epoci istorico-culturale i-a revenit aici într-o anumită măsură rolul Renaşterii — epocii barocului. Ea a cultivat societăţii ruse unele idei ale Renaşterii, într-o măsură sau alta umaniste şi progresiste prin spiritul său.

Ştiinţa istorică moldovenească, medievistica şi ştiinţa literară, trebuie să constate astăzi cu o oarecare întârziere că, la fel ca şi ştiinţa rusă la început, au trecut cu vederea epoca aceasta, caracteristică pentru istoria civilizaţiei europene, fenomen ce nu ne-a ocolit, după cum se vede, nici pe noi. La fel cum Rusia Moscovită n-a cunoscut Renaşterea, n-a cunoscut-o nici Moldova, deoarece în Moldova, că şi în Rusia, n-au fost premise istorice corespunzătoare, pentru o cotitură culturală atât de profundă. Samovolnicia neînfrînată şi sfidarea ordinii de drept, după opiniile istoricilor literaturii ruse (colectivul de autori în frunte cu D. Lihaciov) sînt incompatibile cu Renaşterea.

Dar, în schimb, în Moldova, ca şi într-un şir de alte ţări ale Europei de Sud-Est şi de Est, anume epoca baroco a început să cultive societăţii multe idei, preluate de la Renaştere, a făcut să capete răspîndire elementele aceluia patos umanist, care în istoria culturii moldoveneşti îl distinge pe Miron Costin de predecesorii săi.

În ultimele decenii în U.R.S.S., ca şi în alte ţări ale Europei a fost efectuată o muncă migăloasă de cercetare pentru reconstituirea imaginii adevărate a epocii istorico-culturale baroco². Ca rezultat sînt interpretate şi apreciate într-un nou mod multe realizări din istoria literaturii. S-a lărgit considerabil diapazonul geografic al acestei epoci, cum se recunoaşte acum, proprie întregii Europe, căpătînd de asemenea răspîndire în Europa de Est şi de Sud-Est, de la Rusia (unde a fost literalmente „descoperit“ din nou barocul moscovit din a doua jumătate a secolului al XVII-lea), şi încheindu-se cu varianta bulgară, mult mai tîrzie, reţinută de stăpînirea apăsătoare otomană. Peste tot se dovedeşte că aceasta este o parte componentă a aceluiaşi proces cultural general european, deşi n-a decurs pretutindeni sincron, dar a avut trăsături tipologice comune. Dacă în Rzecipospolita, învecinată cu Moldova, fenomenul ia naştere concomitent cu Europa de Vest (sfîrşitul secolului al XVI-lea), în Cehia, Ungaria, Ucraina, Bielorusia — la mijlocul secolului al XVII-lea, apoi în Moldova se răspîndeşte aproximativ în aceeaşi perioadă ca şi la Moscova — în a doua jumătate a secolului al XVII-lea. În Europa de Sud-Est, inclusă nemijlocit în statalitatea turcească (Serbia, Bulgaria ş. a.) pătrunde cu mult mai tîrziu.

Tendinţa universală a barocului, mai exact a barocului literar (trăsăturile definitorii ale căruia nu sînt încă elaborate suficient în poiză zecilor de monografii şi a sutelor de articole, ce-i drept, în R.S.S.M. deocamdată nici una) nu constituie o mărturie indispensabilă a existenţei unui centru unic de dezvoltare a unui model unic sau etalon. Şi totuşi, după părerea lui D. Lihaciov, această primă tendinţă atoteuropeană în literatură este „în genul său un simbol al timpului“, „o primă manifestare generală a cristalizării culturii şi literaturii atoteuropene“. E o altă chestiune că în unele cazuri manifestările barocului au devenit dominante şi au determinat chipul epocii, în altele au coexistat doar cu diverse tendinţe.

Miron Costin a fost unul dintre primii promotori şi, în acelaşi timp, expresia acestei epoci istorico-culturale general-europene în Moldova³, adică într-una dintre perioadele cele mai grele din istoria ţării, care gemea sub dominaţia otomană; în perioada campaniilor turco-tătare şi a invaziilor străine, în perioada declinului maximal al economiei moldoveneşti, în perioada apogeeului asupririi feudale a maselor populare şi a storcerii din ţară în folosul Imperiului Otoman a unor enorme mijloace materiale. Acestea erau vremurile ruinării sociale a celor mai vechi familii moldoveneşti de proprietari funciari şi a păturilor sluji-

torești (de curteni, nemeși, mazili), a decăderii vieții urbane, vremurile pauperizării nemaipomenite a maselor populare, precum și a celei mai catastrofale decăderi a standartului de viață feudală din Principatul Moldovei.

Condițiile în care a trăit Miron Costin conferă o semnificație deosebită creației gânditorului și cronicarului, istoricului și poetului moldovean, care încadra patria sa grav rănită de asuprairea otomană în epoca istorico-culturală a Europei contemporane lui. Și aici noi trebuie să ne mai referim tangențial la o enigmă a istoriei moldovenești⁴, deocamdată puțin explicată în știință: de ce avîntul literaturii moldovenești, însoțit de numele cele mai scilpitoare în toată epoca feudalismului din Moldova — Grigore Ureche, Miron Costin, Varlaam, Dosoftei, Nicolae Costin, Nicolae Milescu-Spătaru, Dimitrie Cantemir, Ioan Neculce, precum de asemenea și a cronicarilor anonimi, revine nu numai perioadei de dominație străină, dar în majoritate — timpului de cel mai dezastruos pentru țară declin economic și ruinare corporativă socială, de fapt, a majorității păturilor feudale⁵. Răspunsul la această întrebare, după toată probabilitatea, poate fi numai unul. În Moldova, ca și într-un sir de alte țări, în cadrul uneia și aceleiași formații social-economice, avîntul culturii spirituale nu coincide întotdeauna cu avîntul social-economic al dezvoltării societății. K. Marx a menționat în această privință că anumite perioade ale înfloririi culturii nu întotdeauna „se află în concordanță cu dezvoltarea generală a societății, și, prin urmare, la fel cu dezvoltarea bazei materiale a ultimei, care constituie, parcă, scheletul organizării ei”⁶.

În varianta moldovenească a fenomenului dat s-a evidențiat o particularitate interesantă. Protestul intern împotriva stăpînirii străine a imensului Imperiu Otoman — una dintre cele mai mari puteri militare din lume a evului mediu (caracteristică dată de K. Marx) — a dus la aceea că o țară mică, care nu era în stare să scuture prin forță militară acest jug, a elaborat în schimb o puternică armă a consolidării spirituale. Și ca urmare un sir de pagini remarcabile din istoria culturii poporului moldovenesc a început să depășească starea social-economică a societății.

Au fost și catalizatori de ordin extern, care au favorizat o asemenea dezvoltare. Ei veneau de la popoarele vecine europene, de la care pătrundeau multe impulsuri culturale la fondarea în Moldova a tiparnițelor, la dezvoltarea învățămîntului. La fel, confesiunea identică în viața religioasă însufla încredere în contrapunerea comună nu numai expansiunii musulmane, dar și celei catolice. Anume pe această cale, cum vom vedea în continuare, pătrund în Moldova, care gemea sub presiunea jugului otoman, și elementele culturii europene a epocii barocului.

Acestea sînt, după părerea noastră, împrejurările de ordin intern și extern ale contradicției surprinzătoare, care se observă între decăderea catastrofală a economiei moldovenești agrare și a vieții urbane, pe de o parte, și în același timp, avîntul literaturii moldovenești originale, cel mai înalt pentru întreaga perioadă a feudalismului și a jugului turcesc din țară. Această situație tragic de contradictorie, e și ea o trăsătură caracteristică a epocii, în care s-a format marele cîrturar moldovean Miron Costin.

Încheind caracteristica generală a aspectului cultural al epocii în care a trăit și a creat Miron Costin, și reconstituind în același timp căile de dezvoltare și răspîndire a culturii baroco, e necesar să mai remarcăm o chestiune importantă. Între căile de pătrundere a curentului european cultural și literar — baroco — în Rusia și Moldova sînt multe puncte de tangență, uneori coincidind pînă la o identitate uimitoare. La izvoarele acestei prime direcții literare în Rusia era Simion Polotki și un sir de scriitori și poeți de obîrșie din teritoriile incluse în Regatul Polon, care

au studiat cele „șapte arte liberale” la Academia Moviliană din Kiev, sau care au învățat la școli identice cu cea la care a studiat Miron Costin. Ce-i drept, cel mai des nu la Bar, ci în Lituania la Wilno, (Wilnius) și în același timp — anii 40 ai secolului XVII-lea. Interesant e și faptul că, după opinia colectivului de autori ai istoriei literaturii ruse (D. Lihaciov), anume „latiniștii” au implantat inițial în mediul literar rus curentul baroc european. În sensul dat, probabil, nu întâmplător pentru Moldova, aceasta a făcut-o Miron Costin — primul dintre scriitorii și poeții moldoveni, care a menționat rădăcinile latinești în limbă, cultura și istoria poporului moldovenesc, considerat de către el moștenitor al civilizației romane⁷. Ideea latină a devenit o idee fundamentală pentru întreaga cultură, începând cu Miron Costin, continuând cu Dimitrie Cantemir și mai apoi cu Școala ardeleană.

Ajungem și noi la aceeași presupunere, emisă de colectivul de autori ai volumului I al istoriei literaturii ruse în frunte cu D. Lihaciov. La fel, ca și în mediul literar rus, în cel moldovenesc curentul baroc a pătruns din afară, iar aici el a fost adaptat la tradițiile și condițiile locale. Dar există o deosebire destul de esențială și trebuie s-o subliniem. Spre deosebire de Rusia Moscovită din jumătatea a doua a secolului al XVII-lea, unde, precum menționa V. I. Lenin, s-a început o perioadă nouă a istoriei sale și erau concepute elementele noilor relații capitaliste. Moldova, stărbită de dominația otomană, se găsea în plină stăpânire a relațiilor feudale și ale evului mediu. Aceste condiții locale au amplificat, desigur, curentul medieval în creația cronicarului și scriitorului nostru, dar nu puteau întrerupe adaptarea lui Miron Costin și a altor cărturari moldoveni, la epoca istorico-culturală a Europei, sădită de educația lor în mediul barocului european⁸ al Poloniei și Ucrainei de Vest.

Conform opiniei unanim recunoscute astăzi, epoca barocă, într-o formă sau alta de manifestare, nu a cunoscut bariere lingvistice. Miron Costin cunoștea trei limbi necesare, care l-au inițiat în această epocă. El cunoștea latina, poloneză și ucraineana. Cunoașterea și a limbilor — elina și slava veche — îi permiteau, folosindu-le toate împreună, să se adreseze literaturii antice atât de venerată de acest curent literar artistic.

Miron Costin se înscrie în primul curent literar general-european din această epocă istorico-culturală, cu multe fire vizibile și invizibile. În primul rând despre asta mărturisește enciclopedismul și adresarea la antichitate — trăsături caracteristice scriitorilor, care au creat în stil baroc. Trăsăturile date urmează în repetate rânduri și în metoda activității literare a lui Miron Costin, care era prin excelență istorică, păstrând în memorie mai multe fapte istorice. Ele ofereau cititorului cel mai amplu codice de cunoștințe din diferite domenii ale științei, între care istoria universală, greacă, romană, bizantină, precum și medievală europeană, inclusiv mitologie, anecdote istorice. Miron Costin cunoaște opera lui Ovidiu și Horatius, se adresează către Homer și Vergiliu, se inspiră din Plutarh. Gînditorul apelează la autoritatea filozofiei antice, incontestabilă pentru scriitorii epocii barocului. „Dzice Aristotel filozoful — scrie Miron Costin, — că tot omul a ști din firea sa pofteste. Credz, că tot omul pofteste a ști, — și adaugă gînditorul nostru, — iar nu tot omul a ști nevoieste. Și alta nu deosebeste pe om de dobitoace și de hiare așa ca cunoștința. Și din cunoștință se naste știința...”

Înaltul simț al responsabilității, caracteristic savantului moldovean, este exprimat destul de limpede în prefata la monografia, dedicată etnogenezei poporului moldovenesc. Polemizînd în monografia sa cu Simion Dascălul, interpolatorul cronicii lui Grigore Ureche, despre proveniența moldovenilor, chipurile, de la tîlharii romani. Miron Costin scrie: „Nici este sagă a scrie ocară vecinică unui neam, că scrisoarea ieste un lucru vecinicu... Eu voi da seama de ale mele, cîte scriu”. Desigur, interpolarea aceasta a lui Simion Dascălul la cronica lui Grigore Ureche nu re-

zistă criticii izvoarelor, iar Miron Costin într-o anumită măsură a tins spre ea, precum și mulți autori adepți ai epocii barocului⁹.

Elementele de umanism, însușite de scriitori de stil baroc, au adus și în cazul lui Miron Costin la utilizarea critică a tuturor surselor accesibile, la împărtășirea ideii despre necesitatea competenței multilaterale pentru istoric și scriitor la crearea lucrărilor sale, a antrenării cunoștințelor multilaterale din domeniul geografiei, arheologiei, etnografiei, numismaticii, epigraficii, lingvisticii, toponimicii ș. a. m. d. Drept consecință a acestei influențe binefăcătoare, cercetările aprofundate ale lui Miron Costin au constituit un aport în dezvoltarea istoriografiei feudale, obol de preț în patrimoniul culturii moldovenești. În monografia sa Miron Costin a depășit etapa de acumulare a cunoștințelor istorice, cărora le corespunde parțial cronica sa, și s-a ridicat pînă la nivelul unuia dintre promotorii (alături de Dimitrie Cantemir) științei istorice în Moldova la nivel de monografie, corespunzător așa numitei istoriografii dvorene în Rusia (Tatișcev, Caramzin).

De epoca cultural-istorică a barocului și de stilul ei artistic Miron Costin s-a apropiat deosebit de mult în poemul său „Viața lumii“, pe care el îl deschide prin imnul versificării și poetizării: „În toate țările, iubite cetăți, se află acest fel de scrisoare, care elinește ritmos se cheamă, iară slovenește stihoslovie și cu acest chip de scrisoare au scris mulți lucrurile și laudile...“ Totodată el nu pierde ocazia să menționeze, că și în limba maternă e posibilă versificarea: „...să se vadă că poate și în limba noastră a fi acest fel de scrisoare, ce se cheamă stihuri. Și nu numai aceasta, ce și alte dăscălii și învățători ar putea fi pre limba românească, de n-ar fi covârșit vacul nostru acesta de acum cu mare greotăți și să fie și spre învățători scripturii mai plecate a lăcuitorilor țării noastre voie“.

În poemul „Viața lumii“ Miron Costin a utilizat simbolica, alegoriile, jocul de cuvinte, sublinierea detaliilor naturaliste în comparații, căpătînd caracterul de simbol, în determinarea anumitor idei abstracte, toate proprii stilului baroc.

Trec zilele ca umbra, ca umbra de vară...
Spuma mării și nor suptu cer trecătorii.

Poetul leagă aceasta de gîndurile despre nestatornicia și caracterul efemer al bunăstării terestre. Cu acest gînd începe și poemul însuși:

A lumii cîntu cu jale cumplită viața,
Cu griji și primejdii, cum iese și ața
Prea suptre și-n scurtă vreme trăitoare
O, lume hicleană, lume înșălătoare.

E caracteristic faptul că peste cîteva decenii un alt mare reprezentant al literaturii moldovenești de la sfîrșitul secolului al XVII-lea începutul secolului al XVIII-lea, Dimitrie Cantemir, care a plătit, de asemenea, tribut stilului baroc, în „Istoria ieroglifică“ reconstituie în aceeași manieră literară meditățile și dispozițiile lui Miron Costin, predecesorul său.

A lumii cîntu cu jale cumplita viață,
Cum se trece și se rupe, că cum ar fi o ață.

Tendința spre interpretarea simbolică a lumii, specifică scriitorilor epocii baroce în prezența cărora fenomenele apar în lume ca simboluri, iar lucrurile drept metafore, sînt urmărite la Miron Costin în repetate rînduri. Obiectele și fenomenele reale pierd semnificațiile lor cotidiene obișnuite și devin elemente ale limbii, cu ajutorul cărora se reconstituia o altă lume — superioară, — lumea semnificațiilor:

Și ca apa în cursul său cum nu să oprește,
Așa cursul al lumii nu se contenește
Fum și umbră sîntu toate, visuri și părere.

Ce nu petrece lumea și-n ce nu-i cădere?
Spuma mării și nor suptu cer trecătorii.

În tabloul lumii, prezentat de Miron Costin, cu desăvîrșire după canoanele epocii baroce, se manifestă noi calități, tragice prin pierderea omului în această lume mare și incognoscibilă și eroice prin eforturile sale de a cunoaște această lume, legile care o cîrmuiesc, și, astfel, de a găsi în ea locul său. În poemul lui Miron Costin nu se simte, desigur, armonia naturală a Renașterii. În schimb are loc armonia metafizică interior tensionată a stilului baroc. Maniera de abordare a lui Miron Costin capătă în poem, ca la om al epocii baroco, proporții cu adevărat cosmice, deoarece de justetea alegerii depindea, după închipuirea poetului, acel etern și netrecător, ce este cuprins în fiecare personalitate.

Ca și în întregime în epoca barocului, în creația lui Miron Costin se dezvoltă începutul personal în literatură și artă, se forma tendința spre originalitate, care vreme îndelungată nu intra în numărul tendințelor artistice dominante. Apariția acestei direcții însemna schimbarea tipului de conștiință artistică, în primul rînd, pe seama creșterii interesului pentru personalitatea umană.

În epoca barocului au fost răspîndite pe larg și calitățile artistice ale literaturii panegirice, care glorifica personalitățile suveranilor acestei lumi. În „Labirintul” său, scris cu un an mai tîrziu după încheierea cronicii, în anul 1676, Miron Costin apelează și la această formă de literatură. El inventează aici alegoriile și simbolurile neașteptate, apelează la forme rafinate și bizare, la modalitățile complicate de compoziție, împrumutînd imagini din literatura antică. Anume ideea acestui împrumut, la care scriitorii epocii barocului apelau de obicei în mod evident, ca și cum drept moștenire de la Renaștere, deschide „Labirintul” lui Costin: „Antichitatea cea plină de spirit și înțeleaptă în născocirile ei a inventat și a păstrat obiceiul ca la sărbătorile anuale supușii să exprime regilor, slugile stăpînilor, prietenii prietenilor, unul față de celălalt, îndatoririle și bunăvoința lor, să ureze noroc și fericire... nu numai prin cuvîntări pline de spirit, dar și prin graiul păsărilor mute, învățate să vorbească, care exprimau triumful prin aceste cuvinte (adresate lui Cesar August, de pildă): „Să trăiești mulți ani...”

În Moldova secolului al XVII-lea, unde din cauza jugului otoman s-a conservat epoca medievală și domina integritatea sistemului artistic caracteristic ei, ca și unitatea gusturilor estetice, pana lui Miron Costin, fie și pe baza reluării elementelor epocii baroco din Europa, a utilizat posibilitatea alegerii metodei artistice. Astfel apar direcțiile artistice. Barocul este primul dintre stilurile europene, apărute nu numai în literatura rusă, dar și în cea moldovenească.

Desigur, toate ornamentele stilistice și formele artistice, toate trăsăturile și particularitățile acestui complicat curent atoteuropean, în creațiile lui Miron Costin, noi, cel puțin deocamdată, nu le-am putut sesiza. Dar un șir de particularități pot fi menționate și astăzi. Asupra unora dintre ele, rezultate din conservarea relațiilor feudale, a perioadei de declin economic a Moldovei, a jugului apăsător otoman, ne-am referit mai sus. Aici am vrea să menționăm și particularități de alt ordin.

Ca și scriitorii și poeții moscoviți din epoca baroco, mulți dintre acei care au căpătat cunoștințe în aceleași școli ca și scriitorul și poetul nostru, Miron Costin preferă să evite extremele, să atenueze spiritul zbuciumat și exaltat al barocului, care în cercurile oficiale, cărora el însuși aparținea, se distingea întotdeauna prin moderație. Aceasta a dus la o aparentă uzură a multor procedee artistice, mai ales a stilului, și, concomitent, la reliefarea altora.

Începutul rațional, caracteristic în întregime epocii culturale descrise, s-a manifestat la Miron Costin și în tendința spre ritorism¹⁰, spre contraste ritorice („cursul lumii ați cercatu, lumea cursul vostru au

tăiat..."). Această tendință la rîndul său, avea la bază dorința de a povățui și educa cititorii. Ea, de fapt, într-o măsură oarecare, înăbușea sarcina învecinată de a mișca și distra. Acest început didactic rațional trece prin toată creația lui Miron Costin, începînd cu „Letopisețul Țării Moldovei” și pînă la monografia „De neamul moldovenilor, din ce țară au ieșit strămoșii lor” („...că letopisețile nu sîntu numai să le citească omul, să știe ce au fostu în vremi trecute, ce mai mult să hie de învățătură, ce este bine și ce este rău, și de ce-i să se ferească și ce va urma hie cine... urmadză pre cel cînsteș, cînstit, cine urmadză pre cel rău, rău ieste și rău să va săvîrși”).

Elementele umanismului în opera lui Costin, precum și în lucrările altor scriitori ai Europei de Est din epoca baroco erau limitate la orînduirea feudală, de rămășițe, ba chiar și de straturile de convingeri providențialiste medievale. Ele reflectă, ca și pretutindeni în această epocă, o treaptă sau alta a sintezei și a corelației moștenirilor și influenței evului mediu și a Renașterii în aliajul lor ciudat, care și constituie esența specificului baroc în toată Europa (apare ca negare a Renașterii și concomitent, în virtutea dezvoltării consecvente a civilizației, preia de la ea ceva esențial după legile negării negației: proclamînd unele trăsături ale providențialismului, asimilează concomitent elementele umanismului).

Și într-adevăr, doar în cultura barocului european locul omului renescentist (ca manifestare superioară a umanismului), într-o oarecare măsură strîmtorîndu-l, îl ocupă iarăși Dumnezeu — cauza primordială și scopul existenței terestre. Acest suflu medieval a contribuit la însușirea elementelor baroce atît în Rusia, cît și în Moldova, pentru care cultura medievală nu constituia cîtuși de puțin un trecut îndepărtat. Iată de ce și marele nostru cărturar nu se poate rupe definitiv din cleștele predestinării divine. El împărtășește părerea, conform căreia oricîte ostenele n-ar depune omul, cele statornice de la Dumnezeu nu pot fi schimbate. Aici e prezentă moștenirea providențialismului medieval. Dar și în limitele acestei, date de la Dumnezeu, orînduiri, pe care nimeni nu poate să o schimbe, gînditorul nostru are totuși o anumită poziție de așteptare a schimbărilor. Ea a fost relevată recent de către savanții moldoveni, grație curentului apărut în istoriografia sovietică legat de studierea tipologiei feudalismului în Moldova.

Înainte de a trece la această interesantă și nouă problemă e necesar să ne referim la concepția notorie despre orînduirea social-economică, care a fost stabilită în patria marelui cărturar și gînditor moldovean. În așa caz va fi posibil mai apoi să fie evidențiată mai pronunțat noutatea originală a abordării tipologice, care deschide prin intermediul modelării universale nu numai generalul, dar și particularul de un colorit specific în istoria feudalismului moldovenesc¹¹.

Caracterizînd la început acest destul de cunoscut tablou al viziunii asupra feudalismului în cel mai general mod, trebuie să luăm în considerație faptul, că printre cărturarii și savanții, scriitorii și poeții, istoricii și gînditorii, pe care i-a dat meleagul moldovenesc, în secolul al XVII-lea nimeni nu pune la îndoială orînduirea socială feudală dominantă în acel timp. Miron Costin apare de asemenea în rolul unui sincer apărător al inegalității sociale în stat și predică ierarhia feudală și diviziunea socială. „Domnul, — spune el, — trebuie să se poarte cu boierul ca cu un boier, cu slujitorul ca cu un slujitor, cu țăranul ca cu un țăran”. Inchistarea în tagmă a păturii superioare — boierimii — este subliniată de el cu o vigoare deosebită prin exemplul unui dregător al domnitorului Radu Mihnea, care s-a dovedit a nu fi capabil prin a sa „hirea omenească” să devină boier. El are cuvînte de laudă cînd spune despre Radu vodă Mihnea: „Domnul hiecare, cîndu giudecă pre un boierinu cu un curtean, ochii domnului să fie pre boierin, iară giudețul pre calea sa

să margă". Personalitatea monarhului și puterea sa este, după părerea lui Miron Costin, de proveniență divină. În „Poema polonă” el scrie direct, că monarhul este „namesnicul” lui Dumnezeu în scaunul domnesc al țării, însăși ideea că monarhul poate să provină din păturile de jos este respinsă de el cu toată hotărârea prin exemplul lui Dragoș.

În conformitate cu viziunile sale generale Miron Costin privește chestiunile războiului și păcii, deosebit de importante pentru Moldova subjugată, care ducea lupta de eliberare împotriva dominației otomane. Legătura dintre religie și război, deși poate fi urmărită la cronicar, este mult mai rară decât la predecesorul său Grigore Ureche. Smulgându-se din cleștele providentialismului, concepțiile lui lasă mult spațiu pentru activitatea personală a omului, domnitorului și conducătorului de oști, a artei militare, a curajului și devotamentului ostenilor din părțile beligerante. Războaiele cotropitoare, prin însăși esența lor, cronicarul le condamnă cu tot patosul, de care este capabil cugetătorul micii noastre țări asuprite de turci. Pentru autoritate el apelează la cuvântul lui Plutarh despre aceea că înțelepciunea domnilor și monarhilor se vede mai bine din cuvinte și sfaturi bune, decât din războaiele pe care le duc. Dacă însă războiul trebuie să izbucnească, atunci, după părerea lui Miron Costin, el trebuie să fie dus într-un cadru legitim pentru omenire. În spiritul teoreticienilor dreptului internațional al epocii sale (Gentili, Hugo Groțiu s. a.) el îi aprobă pe acei suverani, care înainte de începutul războiului îl anunțau, desigur, în interesele populației pașnice.

Prezintă interes și părerea lui Miron Costin despre tendința către dominația mondială și crearea în așa mod a monarhiei feudale mondiale, teorie urzită în evul mediu de cercurile feudale reacționare ale Europei, și devenită standard al Imperiului Otoman, care a cotropit și a strivit fără milă Moldova lui natală. „Multe împărății în lume.—preîntîmpina el.—vrînd să ia alte țări, s-au stîns pre sine”. Așa a pierit statul lui Darius, Cartagina, Pirul. „Așa se împlină—continuă el,—cu toate împărățiile, cînd prea să suie la mare țarie, ne avînd loc să să mai suie, cad...”

Imperiul Otoman, care a cucerit un teritoriu imens de la frontierele fostelor posesiuni ale lui Darius și Cartagina străveche pînă la Moldova lui natală, consideră Miron Costin, trebuia cîndva să se risînească sub loviturile dinăuntru și dinafara hotarelor sale. El ca și cum îndemna spre aceasta.

Adversar al dominației mondiale a unei singure puteri a monarhiei feudale mondiale, Miron Costin, desigur era adentul eliberării patriei sale de sub jugul străin. El cheamă la o acțiune comună împotriva cotropitorilor turci. Dar, manifestînd înțelepciune de mare om de stat, el previne contra unei acțiuni pripite, fără o pregătire necesară „...însă cu înțelepciune, nu fără socoteală și fără temei în loc de folosul țării să-i aducă perire...”

Și în cazul unei asemenea eliberări Miron Costin ar fi dorit în spiritul concepțiilor sale să vadă în fruntea țării un monarh cult și deștept, care nu se dedă trîndăviei, politic înțelept și diplomat fin.

El însuși în repetate rînduri se manifestă în rol de politician experimentat, tinzînd să nu admită îndignarea fără sens a maselor populare, care amenință la egal interesele sociale atît ale domnitorilor, cît și ale păturii dominante, căreia îi aparține și cronicarul nostru. „O, Moldovă.—exclamă el.—di ar hi domniî tăi, care stăpînesc în tine, toți înțelepți, încă n-ai peri așa lesne. Ce domniile neștiutoare rîndul tău, și lacome, sînt pricina perirei tale”.

În vasta literatură despre Miron Costin acest monolog se consideră, de obicei, drept cea mai vibrantă înțelegere de către cugetător a situației Moldovei în secolul al XVII-lea, unde domnitorii (uneori străini,

care nu cunoșteau datinile locale), deveneau protejații sultanului turcesc. În realitate Miron Costin vedea mult mai profund cauzele încălcării vechilor obiceiuri moldovenești și îngrozitoarele necazuri, care decurgeau de aici, și care, după părerea lui, amenințau de pieire patria natală.

Acest aspect al concepției lui Miron Costin s-ar reliefa mai clar, dacă vom reveni aici la chestiunea privitoare la cele mai recente cercetări ale istoriografiei moldovenești contemporane în problema tipologiei formației feudale și vom trece de la caracteristicile generale ale orînduirii sociale la aprecierea varietății tipologice a feudalismului moldovenesc. Pînă mai ieri (fără a admite pluralismul de opinii) nu se făcea deosebire în varietatea multiaspectuală a formelor de feudalism în știință, și drept consecință a acestui fapt, nu se deosebea nici varietatea opiniilor social-politice, care rezultau din posibilitatea acestor alternative deosebite de dezvoltare istorică a fiecărei țări sau regiuni în perioada feudalismului.

Formația feudală în Moldova în perioada jugului otoman de la sfîrșitul secolului al XVI-lea și pînă în secolul al XVIII-lea, nu păstrează una și aceeași formă tipologică solidificată, conservativă (vechile obiceiuri, conform părerii lui Miron Costin, necunoscute noilor domnitori protejați ai sultanului turcesc), care era proprie țării în ajunul și în primele decenii ale dominației otomane (adică în sec. al XV-lea — mijlocul sec. al XVI-lea). Viceversa, de la sfîrșitul sec. al XVI-lea și pînă în sec. al XVIII-lea au loc modificări destul de esențiale și ca rezultat se schimbă șirul tipologic al formației social-politice feudale în Moldova. Desigur, aceste mișcări nu erau rezultate pur și simplu numai din cauza „relei intenții a domnitorilor lacomi“.

Miron Costin, ca și toți contemporanii lui din Europa, desigur, nu putea să înțeleagă adevăratul sens social al transformărilor ce aveau loc atunci, cu atît mai mult în acel mod pe care îl vedem noi acum, fiind dotați cu metodologia modernă, cu teoria despre formațiile social-economice. Dar intelectul lui dezvoltat, perspicace nu putea să nu manifeste, în limitele gândirii aceluia timp în Europa, atitudinea sa față de aceea că, deși epoca feudalismului în Moldova, în care trăia, se păstra și se conserva prin dominația otomană, totuși aspectul ei tipologic se schimba în mod considerabil, chiar sub ochii lui.

Feudalismul seniorial, așa numitul „clasic“, de tip european, care domina pînă la stăpînirea otomană (vechile bune obiceiuri, pe care le regreta Miron Costin), în permanență și, mai ales, în sec. al XVII-lea — mijlocul sec. al XVIII-lea slăbea simțitor, iar odată cu el în masă sărăcea și pătura, căreia îi aparținea Miron Costin — pătura proprietarilor de pămînt moldoveni, chiar și vechile familii de boieri pămînteni, care erau amenințate de „peire“¹². În schimb se întăresc în permanență formele feudalismului de stat. El lua forme tot mai josnice, barbare, asiatice, proprii, după cum consideră K. Marx, feudalismului otoman însuși. Avea loc etatizarea tuturor laturilor vieții sociale în Moldova sec. al XVI—XVIII-lea¹³. Catalizatorul de bază al acestor deplasări tipologice în direcția feudalismului de stat și etatizării vieții feudale în Moldova era Imperiul Otoman, care storcea din principat prin intermediul exploataării feudal-statale a maselor populare — venitul de bază a țării. Ultimul atîngea la sfîrșitul secolului, în care trăia Miron Costin, mai mult de jumătate din întregul plus-produs, obținut de la masele populare din Moldova. O parte din boierimea moldovenească locală și mulți originari din Imperiul Otoman, încadrați în componența lor, s-au adaptat la această albie de bază a veniturilor feudale, căpătate din contul dărilor și impozitelor de stat. Aceasta a fost marea boierime cu dregătorii și printre ei însuși Miron Costin, care ocupa posturile supreme în ierarhia

feudală de stat: sulger, păharnic, pîrcălab, mare comis, mare logofăt, mare vornic, staroste de ținut.

Dar, fiind boier cu dregătorii ce aduceau mari venituri, el a devenit și unul din cei mai mari proprietari funciari (89 de sate întregi, și părți de sate — a treia ca mărime ocină din țară). Și cu toate că Miron Costin ca boier dregător beneficia din plin de acea bunăstare, pe care i-o oferea tipul relațiilor feudale dominante în țară, el a făcut alegerea sa. De aceea avem tot temeiul să considerăm, că anume Miron Costin a fost autorul cunoscutului memoriu către regele polonez din anul 1684 despre trecerea Moldovei sub ocrotirea regelui în scopul eliberării țării cu ajutorul lui de sub jugul turcesc. Această adresare scrisă din numele păturii feudale a Țării Moldovei conține rugămintea de a stabili aceleași rînduiri feudale și drepturi sociale, pe care le are „șleahța polonă din țările coroanei și ale Lituaniei“, adică renunțarea la formele de feudalism de stat, dominante atît în Moldova, cît și în Turcia și stabilirea formelor lui europene (de preferință senioriale) mai pronunțate, ca și în Rzeczpospolita. Miron Costin se pronunța, vom spune noi în cuvintele științei contemporane, îndeosebi împotriva formelor asiatică, orientale de feudalism, pe care le implanta în Moldova Imperiul Otoman, se pronunța împotriva consolidării puterii domnitorilor ca protejați ai sultanului turcesc, văzînd în ei nu numai cauza ruinării multor familii de moldoveni proprietari funciari, dar și a Moldovei natale însăși. De aceea, printre altele, cugetătorul moldovean admite dreptul de împotrivire domnitorilor, inclusiv pînă la răscoală. Prin urmare, predeterminarea divină a puterii domnului țării se referă, după părerea lui, numai la esența puterii, dar obținerea și aplicarea ei pot fi contra voinței divine. În acest caz supușii, prin care el are în vedere numai pătura sa feudală, pot să refuze supunerea domnului tiran. Ideile de luptă împotriva tiraniei ale cugetătorului nostru erau, însă, limitate de interesele sociale ale oligarhiei boierești, care, după cum cugeta el întotdeauna, trebuie să împartă puterea cu domnitorul și să-l limiteze.

Dreptul la rebeliune, chiar sub drapelul de luptă împotriva tiraniei, este inadmisibil pentru țărani și păturile de jos ale orașelor. Aici, dimpotrivă, părerea cronicarului despre binefacere este substituită prin ideea de supunere în fața puterii feudale. Aceasta e deosebit de evident din acel loc al letopisetului, unde autorul vorbește despre evenimentele groaznice ale primei. în secolul al XVII-lea. răscoale populare din anul 1633: „Nespasă vrăimășie a prostimii“. Apropo, anume a celui an 1633, în care el s-a născut, răscoală de la care marcăm și noi astăzi 350 de ani.

În cîrînd după rebeliune familia Costineștilor cu pruncul de un an Miron părăsește pentru multi ani ținutul natal, pleacă în regatul Poloniei, unde primește indigenatul polonez, titlul de noblețe poloneză, instruirea și educația la un nivel european, ce a determinat pentru mulți ani nu numai simpatiile lui Miron Costin și a întregii sale familii, ci și multe trăsături ale concepției lui. De aceea el — adept al eliberării Moldovei natale de sub insuportabilul jug otoman — o așteaptă de la Polonia. Lui Miron Costin încă nu-i fusese dat să vadă în Rusia acea putere, a cărei forță atunci abia creștea, un aliat puternic în luptă contra Imperiului Otoman. Miron Costin — prizonier din armata înfrîntă de polonezi lîngă Viena — se adresează deocamdată către învingătorul turcilor, regele polonez Jan Sobiecki. În prizonieratul său onorabil la castelul vînătoresc de lîngă Dașava el scrie „Poema polonă“ dedicată regelui — ca un simbol al speranței sale de a izbîndi eliberarea Moldovei de otomani cu ajutorul regelui. Lui Miron Costin nu i-a fost dat încă să vadă criza Poloniei șleahțice care se apropia și a decăderii ei ulterioare.

Însă, grație nu numai geniului său, dar și impresiilor, și instruirii

căpătate în Rzeczpospolita care a cunoscut mai devreme epoca Renașterii, iar apoi a înscris cea mai timpurie pagină în epoca ulterioară a barocului în Europa Centrală și de Est, Miron Costin a devenit promotor al ideilor umaniste, progresiste pentru timpul său în Moldova sa natală.

Apreciind orientarea istorico-culturală și literară, în care se înscrie prin multe pana lui Miron Costin, nu se poate să nu menționăm o dată în plus: dacă barocul european în întregime a fost sesizat în atitudinea sa față de Renaștere, apoi răspîndirea elementelor epocii barocului în Moldova, ca și barocul moscovit, au avut ca predecesori în propria țară nu Renașterea, ci tradiția medievală. Înaintaș al lui Miron Costin și a altor cărturari care au perceput această epocă, a fost Grigore Ureche, adică, în temei, tradiția medievală.

Epoca pe care a deschis-o pentru Moldova Miron Costin nu s-a încheiat cu moartea lui tragică în anul 1691, ea continua să se dezvolte la nivelul elementelor așa-numite ale „barocului de sus” în unele creații ale lui Dimitrie Cantemir, de pildă, „Istoria Ieroglifică” și a „barocului de jos” legat mai mult de folclor și tradiția orală, decît de adresarea către antichitate în creația lui Ioan Neculce¹⁴.

Miron Costin a fondat cu pana sa o etapă nouă, progresistă, în istoriografia și literatura moldovenească, le-a înscris în prima epocă cultural-istorică atoteuropeană, fără a pătrunde, bineînțeles, în semnificația acestei realizări pentru viitorul culturii în țara sa natală.

Dar el înțelegea altceva cînd răsună acordul final — „din Scriptură... facem fericită viața, agonisim nemuritoriu nume”. Și într-adevăr, a menționat pe drept cuvînt unul dintre cercetătorii contemporani de vază ai culturii moldovenești din sec. XVII-lea: „prin strădania sa scriitoricească și prin cărțile sale umanistul Miron Costin și-a meritat nemurirea.”

Transformîndu-se într-un bun al poporului moldovenesc, creațiile lui Miron Costin trăiesc a doua sa viață. Iar aceasta e recunoștința supremă la care doar putea spera ilustrul creator — 350 de ani de la nașterea căruia noi sărbătorim astăzi.

Note

¹ Referatul a fost prezentat la 15 decembrie 1983 în cadrul conferinței științifice, organizate de Uniunea scriitorilor din Moldova și Academia de Științe a R.S.S.M., dedicate aniversării de 350 de ani de la nașterea lui Miron Costin. Textul referatului este publicat pentru prima dată. Unele trimiteri la referat au fost completate recent.

² Complexul de categorii istorico-culturale și filozofic-estetice care a căpătat denumirea de baroco, la început era utilizat pentru caracterizarea stilului artistic, apoi a curentului literar și artistic, și în sfîrșit, pentru determinarea unei întregi epoci istorico-culturale.

³ Elementele epocii barocului, într-o măsură sau alta, pot fi urmărite în diferite domenii ale culturii moldovenești din acel timp (pe lingă literatură, în arhitectură, pictură bisericească și laică, în arta plastică ș. a.). În întregime această pagină interesantă din istoria Moldovei n-a devenit deocamdată obiect de studiu special, este una dintre sarcinile de neamînat a istoriografiei, științei literare, a studiului artelor în Moldo-

va. Ea poate deschide drum spre spații noi, neexplorate încă, pentru a determina locul culturii moldovenești a secolelor al XVII—XVIII-lea în cadrul civilizației europene.

⁴ Intr-o anumită măsură aceasta se referă și la alte laturi ale dezvoltării culturii: afirmarea definitivă a scrierii în limba moldovenească, apariția tiparului, dezvoltarea noilor motive în folclor (acuitatea cărora era îndreptată acum nu numai contra asupritorilor băștinași, dar și a celor străini), o treaptă nouă a învățămîntului (Academia slavo-greco-latină), deși fără a atinge în timpurile jugului turcesc nivelul instruirii universitare, ca în Polonia vecină. Semnificativ este însă faptul, că anume acolo, în vechiul regat al Poloniei, ce a pășit din Renașterea sa în baroc, a învățat și tînărul Miron Costin.

⁵ Dintre numele enumerate mai sus, care constituie mîndria literaturii moldovenești din epoca feudalismului dezvoltat, numai Grigore Ureche și, parțial, Varlaam au trăit în ajunul declinului economic, care a cuprins țara în a doua jumătate a sec. al

XVII-lea și începutul sec. al XVIII-lea.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 12. С. 736.

⁷ G. Ureche resimțise, cum scria P. Panaitescu, numai importanța faptului că „de la Rîm ne tragem”.

⁸ Termen, acceptat în știința literară sovietică și în istoriografia contemporană. Despre această chestiune există literatură originală considerabilă, care stă la baza analizei motivelor baroce în referatul de față și în formulările științifice corespunzătoare.

⁹ Mai târziu această polemică a fost reluată de Dimitrie Cantemir (în creația căruia se întîlnesc de asemenea elementele culturii baroce) și a continuat un timp îndelungat în istoriografia moldovenească. Însă de dragul adevărului trebuie să menționăm că ea a fost îndelung interpretată unilateral. Nimeni dintre participanții la discuție n-au atras atenția asupra faptului că Simion Dascălul, propriu zis, a inserat în textul cronicii lui Grigore Ureche nu indicația despre proveniența întregului neam moldovenesc ca atare, ci numai a protipendadei ei feudale — a boierimii. Asemenea specificare necesită o oarecum altă interpretare a discuției tradiționale, care a început încă în secolul al XVII-lea și continuă pînă în zilele noastre. Interpolatorul Simion Dascălul (spre deosebire de marii boieri-dregători Ureche și Costin) era de proveniență din cele mai de jos straturi ale păturii slujitoare (curteni și nemeși). Ultimii se ruinau în corpore din cauza dominației exploatare excesive a populației din partea statului feudal, fapt din care trăgeau foloase, pe lingă otomani, și boierii mari cu dregătorii a Principatului Moldovei. Astfel „ponegrirea” prin interpolarea sa S. Dascălul a făcut-o la adresa păturii feudale superioare, adică a marii boierimii cu dregătorii, care a știut să se adapteze la condițiile afirmării formelor feudalismului de stat în principat, în timp ce o mare majoritate a micilor proprietari funciari și a vechii nobilimii moldovenești se ruina din cauza lui. Dar toate acestea nu sînt de acum chestiuni ale atitudinii critice față de surse, caracteristice scriitorilor curentului baroc, ci probleme ale interpretării lor de pe pozițiile sociale și din interiorul clasei feudale.

¹⁰ În literatura contemporană românească a fost atrasă atenția asupra influenței retoricii baroco și la alți cărturari moldoveni din secolul al XVII-lea. Este menționat în acest sens „Răspuns la catehismul calvinesc” al mitropolitului Varlaam.

¹¹ Din păcate, pînă mai ieri modelarea feudalismului din Moldova era proiectată de pe modelele feudalismului rus, în aceeași măsură, în care feudalismul în Rusia era copiat într-o

anumită măsură de pe modelul „clasic” francez, al tipului seniorial, fără a ține seama de confruntarea istoriei ruse și moldovenești cu abordarea tipologică la scara universală, pe calea studierii generalului și particularului. La 5—7 aprilie 1989 în orașul Chișinău a avut loc conferința unională „Generalul și particularul în dezvoltarea feudalismului în Rusia și Moldova”. Vezi referatele conferinței: «Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации. Чтения, посвященные памяти академика Л. В. Черепнина». Тезисы докладов и сообщений. — М., 1988.

¹² Făcînd parcă, bilanțul acestei tendințe, peste cîțiva ani feciorul lui Miron Costin, cronicarul Nicolae Costin, scria că pînă la sfîrșitul sec. al XVII-lea — începutul sec. al XVIII-lea s-au stins cele mai vechi familii boierești din țară. „Piereau” și se ruinau familiile apărute și mai tîrziu (sec. al XVI—XVII-lea). În lista lui D. Cantemir de la începutul sec. XVIII-lea sînt 75 de familii boierești. În ea găsim numai 20 de familii menționate la sfîrșitul sec. al XVI-lea — începutul sec. al XVII-lea.

¹³ Despre etatizarea relațiilor formaționale antagoniste de clasă au scris clasicii marxism-leninismului (K. Marx, V. I. Lenin). V. I. Lenin a folosit direct în lucrările sale teoretice termenii „capitalismul de stat”, „feudalismul de stat” (Lenin V. I. Opere complete, vol. 16, p. 310). În ultimul timp tot mai des se vorbește și se scrie despre etatizarea orînduirii social — economice și politice a țării noastre, despre „socialismul de stat” (Ф. Бурлацкий, Какой социализм народу нужен. — Литературная газета, № 16, 20 апреля 1988 г.). M. S. Gorbaciov a utilizat pentru aceasta termenul „socialismul birocratic”. Vezi deasemeni: «Иного не дано». — М., 1988, С. 86, 359, 554—564; «Правда», 1989, 3 марта, № 62, С. 6; Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. — М., 1988; Феодализм в России. — М., 1987, С. 112—119; Булетиул Академией де Штинине а РСС Молдова, 1986, № 2, П. 50—57; № 3. П. 42—49.

¹⁴ Moștenirea antică are o semnificație determinantă doar pentru Renașterea vest-europeană, mai ales italiană, în schimb tradiția folclorică foarte probabil că e cea mai semnificativă în formarea multor scriitori care au suportat influența Renașterii sau barocului în alte țări. Ei prezentau așa-numitul acum în știința literară „baroc de jos” în care se resimțea în mod deosebit continuitatea culturii populare, dar lipsea înaltul cenz de instruire, în locul căruia erau utilizate liber formele artei și a creației populare.

Резюме

Мирон Костин оставил неизгладимый след в истории молдавской культуры: традиционная молдавская летопись событий 1595—1661 гг. и вдохновенная стихотворная хроника, первые в Молдове историко-этнографическая монография и философская поэма, панегирики и эпистолярные творения. Творчество выдающегося молдавского летописца, историка, писателя, мыслителя и государственного деятеля XVII в. изучено достаточно глубоко. Однако остается нераскрытым один чрезвычайно важный аспект: в какую историко-культурную эпоху оно вписывается.

Использованная в литературе идея отнести его творчество только к «чистому» средневековью, как и последующие попытки прямолинейно вписать Мирона Костина в эпоху европейского Ренессанса, не увенчались успехом. Более перспективным оказалось проверенное на истории Польши, Чехии, Украины, Литвы, Белоруссии, России и других стран Центральной и Восточной Европы исследование первой общеевропейской историко-культурной эпохи — эпохи барокко, которая сыграла в большинстве стран роль Возрождения. Она прививала обществу некоторые идеи Возрождения, в той или иной степени гуманистические и прогрессивные по своему духу. Молдавская историография и литературоведение пока что прошли мимо этой эпохи, характерной для истории европейской цивилизации. Вместе с тем в Молдову, как и в ряде других стран Восточной и Юго-Восточной Европы, именно эпоха барокко впервые начала прививать обществу ряд идей, воспринятых от Возрождения, дала элементы того гуманистического пафоса, который отличает Мирона Костина от его предшественников в истории молдавской культуры.

В статье показано, что между путями проникновения общеевропейского культурного и литературного течения барокко в Россию и Молдову есть много общего, иногда совпадающего до удивительной идентичности. По мнению авторского коллектива «Истории русской литературы» (руководитель Д. Лихачев), именно «латинствующие» впервые пересадили на русскую почву европейский стиль барокко. В этом смысле, по-видимому, не случайно для Молдовы, это сделал Мирон Костин — первый из молдавских писателей и поэтов, отметивший латинские корни в языке, культуре и истории молдавского народа, который он считал наследником римской цивилизации.

К историко-культурной эпохе барокко и ее художественному стилю Мирон Костин наиболее близко подошел в своей поэме «Жизнь мира», которую он открывает гимном стихосложению. В статье показано, каким образом М. Косин использовал в поэме свойственные стилю барокко символику, аллегории, игру слов, подчеркивание натуралистических деталей, приобретающих характер символов определенных абстрактных идей.

Элементы гуманизма у Костина, как и у многих других писателей Восточной Европы эпохи барокко, были ограничены феодальным строем, остатками, а то и пластами провиденциалистских убеждений. Они отражали, как и повсюду, в эту эпоху, ту или иную степень синтеза и соотношения наследий и влияний средневековья и Ренессанса в их причудливом сплаве, который и составляет суть особенностей барокко (рождается как отрицание Ренессанса и в то же время, в силу последовательного развития цивилизации, что-то существенное от него воспринимает по закону отрицания отрицания: провозглашая черты провиденциализма, воспринимает в то же время элементы гуманизма).

В статье показано, что в летописных представлениях Костина об общественном строе, как данном навсегда богом и которого никто изменить не может, наш мыслитель имеет все же определенную позицию ожидания перемен. Ее помогло выявить возникшее сейчас в советской молдавской медиэвистике направление по изучению типологии феодализма в Молдавии.

Раскрывая затем подробно мировоззренческие взгляды Мирона Костина на разные стороны феодального общественного и государственного строя в истории Молдавии, автор показывает в статье, с позиций сегодняшнего уровня науки (плюрализма и внутриформационной многовариативности античного мира, феодализма, капитализма и социализма), что молдавский мыслитель и писатель XVII в. не только был сторонником феодального строя (что давно известно), но и выступал против одного из типов этой формации: государственного феодализма, установившегося в Молдове периода турецкого ига, стремился к переходу в случае освобождения от иноземного владычества к другой европейской модели феодализма, основанной на разгосударственной сеньориальной модели феодального общества.

ISTORIOGRAFIE ИСТОРИОГРАФИЯ

Ю. П. Датий

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КОЛХОЗОВ ССР МОЛДОВА В 60-е — НАЧАЛЕ 80-х гг.

Решение задач, стоящих ныне перед нашей страной, делает весьма актуальным глубокое изучение уроков прошлого, анализ содержания и форм проявления механизма торможения во всех сферах жизни общества. В этом смысле особое внимание исследователей привлекают 60-е — начало 80-х гг., ибо негативные тенденции, накапливавшиеся в эти годы, являются серьезнейшим препятствием на пути обновления общества.

Перед обществоведами ставится задача дать объективные, взвешенные оценки этого периода. Важнейшим во всей деятельности историков советского общества должно стать преодоление упрощенных подходов, создание реальной картины исторического процесса. Особенно актуально для нашего общества всестороннее, объективное изучение проблем аграрной истории этого отрезка времени, так как без понимания процессов, протекавших тогда в сельском хозяйстве, сложно не только разработать реальную аграрную политику, соответствующую нынешнему этапу развития страны, но и найти конкретные пути выхода из кризисной ситуации в отрасли.

Другими словами, аграрная история 60-х — начала 80-х гг. нуждается в новом осмыслении. Необходимы честные, объективные работы, анализирующие аграрную политику, проводившуюся в стране, влияние административно-командной системы на развитие сельскохозяйственного производства, исследования по истории совхозов, колхозов, форм собственности, сельского населения, социальных вопросов, в том числе социальной психологии, многих других проблем. Нужны нетрадиционные подходы, которые позволяли бы высветить все многообразие исторического процесса.

В настоящее время в связи с переосмыслением исторического пути, пройденного страной за годы Советской власти, на первый план выдвигаются вопросы переустройства сельского хозяйства, осуществленного у нас в стране, коллективизации, развития колхозов. Изучение этих проблем приобретает особую актуальность не только в научном отношении. Оно актуально и в практическом плане. Сегодня крайне необходимо выяснить причины невысокой эффективности колхозов, выявить жизненные формы и методы хозяйствования, а также архаические формы организации и оплаты труда, управления, которые стали сейчас тормозом на пути внедрения хозрасчета, коллективного подряда, арендных отношений.

Объективно должно быть оценено место колхозно-кооперативной собственности в системе социалистической собственности, освещены взаимоотношения колхозов и государства. В исследовании нуждаются вопросы экономической политики в сельском хозяйстве, развития колхозного производства и социальные аспекты.

Изучение этих проблем важно как на общесоюзном, так и на региональном уровне. Аграрная история отдельных регионов страны требует серьезного переосмысления, ибо до сих пор в этой области преобладал определенный шаблон, усредненный какой-то «среднесо-

юзный» подход. Нередко работы историков-аграрников по разным регионам страны были похожими, как две капли воды, и отличались лишь статистическими данными. Во многих трудах не было достаточного учета специфики республик, исторического опыта населяющих их народов в аграрной сфере. Это порой серьезно искажало конкретно-историческую ситуацию.

В этом смысле несомненный интерес представляет изучение колхозов ССР Молдовы. Колхозно-кооперативный сектор занимал в исследуемые годы преобладающие позиции в сельскохозяйственном производстве республики. В 1985 г. 368 колхозов ССРМ производили более половины валовой продукции сельского хозяйства — 99% валового производства сахарной свеклы, 74 — подсолнечника, 55 — овощей, 67% — мяса, значительную долю другой продукции. Сельскохозяйственное производство в колхозах было более эффективным, чем в совхозах: уровень рентабельности составлял соответственно 33 и 18%. Убыточными были 23,2% совхозов и 2,9% колхозов¹. В колхозах проживала значительная часть населения республики: удельный вес колхозного крестьянства на протяжении 60—70-х гг. был значительно выше, чем в целом по стране². Имелись и другие специфические черты в развитии колхозов ССР Молдовы, требующие изучения.

Однако, несмотря на то, что колхозы играли значительную роль в производстве сельхозпродукции и по уровню интенсификации производства шли впереди совхозов, что в них проживала значительная часть населения, проблемы развития колхозов в 60—80-е гг. историками страны и республики практически не изучались. Причиной этого являлись сложившиеся в обществоведении догматические схемы, стереотипы, не имевшие связи с реальными процессами. В отношении кооперативной формы собственности существовало определенное предубеждение, она изображалась как нечто второстепенное и бесперспективное. В этих взглядах отражались устаревшие теоретические представления 30-х гг., когда некоторые экономисты рассматривали кооперативную форму организации производства лишь как переходную ступень к социализму³.

Так, на конференции аграрников-марксистов, которая состоялась в 20-е гг., многие экономисты утверждали, что пройдет еще несколько лет и полнота материальных средств в государстве достигнет таких размеров, при которых оно сможет заключить договоры с районами сплошной коллективизации о переходе их на систему совхозов⁴.

Вторая крупная научная дискуссия по данной проблеме развернулась в конце 50-х — начале 60-х гг., когда шла реорганизация МТС, велась разработка Программы КПСС. И в этот период вновь стали высказываться предложения о необходимости объявить колхозно-кооперативную собственность государственной⁵.

И несмотря на то, что практика 60—70-х гг. не подтверждала этих прогнозов, теоретические положения, выразившиеся в недооценке колхозной собственности, ее возможностей в развитии производства по сравнению с государственной формой собственности, оказались весьма живучими. Они пропагандировались и в 70-е — начале 80-х гг. О колхозах создавались представления как о неполноценной форме организации производства с низким уровнем развития производительных сил, велись разговоры о необходимости замены этих хозяйств совхозами⁶. Отдельные авторы даже пытались устанавливать сроки прекращения существования колхозно-кооперативной собственности⁷.

Однако эта точка зрения в целом не получила поддержки историков и экономистов-аграрников страны. В ряде исследований того времени доказывалось, что колхозы как форма общественного хозяйства

далеко не исчерпали своих возможностей, что они будут все более раскрываться по мере развития колхозной собственности⁸.

Новая дискуссия о перспективах колхозно-кооперативной и других форм собственности в сельском хозяйстве развернулась в последние годы. Ведется она в основном в публицистике. В ней активное участие принимают журналисты, общественные деятели, работники сельского хозяйства. Некоторые из них говорят о том, что колхозы как форма организации общественного производства себя не оправдали, что они должны быть заменены частными, фермерскими хозяйствами.

Представляется прочной не сама идея кооперации, недостаточно эффективными оказались не коллективные хозяйства вообще как форма, а та их разновидность, которая была создана у нас в стране в результате сталинской коллективизации. И задача ныне состоит в том, чтобы придать существующим колхозам характер истинно кооперативных организаций, превратить их в «кооперативы кооперативов». Это не исключает и использование других форм организации производства, других укладов.

Историография проблемы развития колхозов не ограничивается, однако, дискуссиями о перспективах колхозно-кооперативной формы собственности. В ряде серьезных работ, выпущенных в 70-х — начале 80-х гг., исследуется экономический механизм развития колхозов в 60—70-е гг.⁹ Для этих трудов характерна оценка колхозно-кооперативной собственности как формы, которая должна функционировать в социалистическом обществе наравне с государственной. Авторы этих работ доказывают, что колхозы являются таким типом кооперативного сельскохозяйственного производства, который обладает еще не использованными резервами развития. Основным их содержанием является анализ экономического развития колхозов, который привел в конце 70-х — начале 80-х гг. к выводу о необходимости хозрасчетных принципов, внесения существенных изменений в ценовой и кредитно-финансовый механизмы в целях повышения эффективности колхозного производства. Эти рекомендации свидетельствуют о существовании связи экономической науки с жизнью.

В то же время для указанных работ характерна определенная идеализация колхозов, что особенно прослеживается в главах, где говорится о «возникновении, развитии и совершенствовании созданного добровольно самим крестьянством колхозного строя в СССР как о естественноисторическом процессе»¹⁰.

Среди историков проблемой развития современных колхозов занимался В. Б. Островский. В его работах привлекался большой статистический и, что весьма ценно, социологический материал для анализа целого комплекса проблем истории колхозов: материально-технической базы, колхозно-кооперативной формы собственности, динамики производства, социальных сдвигов в колхозной деревне. Многие позитивные тенденции описаны весьма основательно. В то же время для этих работ характерен общий недостаток абсолютного большинства трудов 70-х гг. — односторонность, отрыв от жизни. И все же они имеют несомненную ценность. В них впервые подняты многие актуальные вопросы, исследование отдельных аспектов не утратило своей значимости и сегодня.

В монографии и статьях А. П. Тюриной впервые так остро поставлен вопрос о неравноправном характере экономических отношений колхозов и государства, объективно исследован вопрос о преобразованиях колхозов в совхозы в 60—70-е гг.¹¹ В работах Ю. П. Денисова впервые исследуются проблемы развития колхозной демократии¹². Некоторые подходы к изучению социального облика колхозного крестьянства разработаны П. И. Симушем¹³. Несомненно, эти работы являются определенной базой для дальнейшего исследования пробле-

мы, исследования, в ходе которого должны преодолеваются недостатки, характерные для обществоведения в целом, в том числе и для аграрной истории, отмеченные январским (1987 г.) Пленумом ЦК КПСС.

В новом осмыслении нуждается прежде всего аграрная политика нашего государства 60—70 гг. В современной литературе представлены самые различные оценки этой политики — от одобрения до исключительно отрицательных оценок. Вот почему эта проблема должна подвергаться глубокому изучению как самостоятельное направление. В ней были, конечно, как негативные, так и определенные положительные аспекты, о которых нельзя умолчать. Уже сейчас в работах некоторых историков проводится мысль о том, что аграрная политика государства, начиная с момента коллективизации в основе своей носила антиколхозный характер¹⁴. Деревня развивалась как сырьевой придаток города, как рынок для промышленного производства. Экономический обмен между городом и селом осуществлялся на неэквивалентной основе и долгие годы носил натуральный характер. Колхозы были вынуждены отдавать не только прибавочный, но нередко и часть необходимого продукта. Колхозы, созданные в немалой степени государством (а не в результате добровольного волеизъявления крестьян), являлись, по мнению этих исследователей, коллективными лишь по форме, а по содержанию в значительной мере государственными.

Вместе с тем ни один аграрник не станет отрицать, что в решениях мартовского (1965 г.), июльского (1978 г.), майского (1982 г.) и ряда других пленумов ЦК было немало хороших для того времени идей, которые обеспечили определенные, но, к сожалению, непродолжительные сдвиги в отрасли. Влияние этих мер также требует изучения, как и причины того, что многие из них не сработали. В нашей историографии изучение этих причин проводится. По мнению П. И. Гусева, политическая система не смогла обеспечить полную реализацию этих идей. Во-первых, экономические методы на практике подменялись командно-административными, весь процесс хозяйствования регламентировался до мелочей сверху. Самостоятельность колхозов была чрезвычайно ограниченной. Во-вторых, реформы вводились также сверху, без соответствующего вовлечения широких масс в их реализацию. В-третьих, эти реформы касались преимущественно самого сельского хозяйства, без увязывания с кредитно-финансовым механизмом, материально-техническим снабжением и т. д.¹⁵

По мнению А. М. Емельянова, причины затухания реформ не столько в том, что не были учтены интересы непосредственных работников, сколько в том, что в стране происходило изменение политического курса от демократии к формированию режима личного правления¹⁶.

Причины торможения в отрасли требуют, на наш взгляд, дальнейшего изучения, которое должно базироваться на комплексном подходе, учитывающем как объективные условия развития страны, связанные с недостаточностью капитальных вложений в сельское хозяйство, несовершенством системы ценообразования, так и с субъективными оценками и просчетами, приводившими к инертности, застою в методах управления. Именно неразвитость экономических рычагов хозяйствования стимулировала административно-командные методы руководства отраслью в целом, и колхозами в том числе.

Попытки выявления причин низкой эффективности общественного сельского хозяйства предпринимались отдельными исследователями¹⁷. Главной причиной они считают продолжавшееся ущемление экономических интересов крестьянства, отчуждение его от результатов труда. И несмотря на то, что этот фактор называется многими публицистами, экономистами, историками одним из главных, экономические интересы

крестьянства (даже при наличии ряда серьезных публикаций 70-х гг.¹⁸) относятся и сегодня к числу остро нуждающихся в изучении.

Отрицательное воздействие на уровень эффективности колхозов оказывало и непрерывно продолжавшееся беспрепятственное изъятие государством необходимых ему средств из аграрной сферы. Этот процесс 70-х — начала 80-х гг. также нуждается в дополнительном изучении, ибо без знания соотношения между выделявшимися колхозам капитальными вложениями, кредитами, техникой и изымаемыми средствами не может быть реальной оценка эффективности. Важно также **выявить масштабы** и каналы, по которым шло изъятие средств из колхозов и совхозов. Многие из них были названы в партийных и государственных постановлениях, исследованиях историков и экономистов¹⁹. Думаю, все это многое прояснит в экономическом положении колхозов ССРМ, где практика изъятия средств имела широкое распространение. Первая попытка такого исследования на материалах ССРМ уже предпринималась²⁰.

Необходимо особое изучение воздействия существовавшей системы заготовок сельхозпродукции на развитие колхозов. При анализе экономической политики в сельском хозяйстве нужны, по нашему мнению, новые подходы. Историками, экономистами, партийными и государственными деятелями внесен определенный вклад в изучение технико-экономических и технологических факторов развития сельского хозяйства. В литературе анализировалось развитие материально-технической базы, ее отдельных аспектов²¹.

Позитивные сдвиги в этой сфере получили отражение и в работах молдавских историков М. Ф. Ротару, Б. К. Визера, Л. Е. Бульмаги, Ю. П. Датия, в трудах экономистов²². Ими показаны увеличение капиталовложений в сельское хозяйство ССРМ, рост поставок техники, удобрений, электроэнергии, расширение мелиорированных площадей. Вместе с тем, эти работы не создают правдивой и полной картины развития сельского хозяйства в целом и колхозов, в частности. В них фрагментарно и поверхностно освещаются имевшиеся недостатки, серьезные проблемы в использовании земельных ресурсов республики, в механизации и электрификации сельскохозяйственного производства. Все эти аспекты нуждаются в комплексном, всестороннем изучении.

Следует отметить, что вышеперечисленные вопросы исследовались, как правило, в целом по отрасли, применительно же к колхозам эти направления экономической политики в молдавской историографии практически не анализировались.

С 70-х гг. активно стала разрабатываться проблема «НТП и сельское хозяйство». По этой теме вышла серия работ, основанных на союзном и республиканском материале²³. Что касается ССРМ, то особенность этих публикаций заключалась в рассмотрении социальных последствий научно-технической революции в аграрном производстве, что являлось нетрадиционным в то время. В этом смысле молдавская историография является пионером. С позиций сегодняшнего дня для этих работ характерно некоторое преувеличение масштаба НТП в отрасли, упрощенность при анализе его воздействия на социальную структуру села. Необходимы дополнительные исследования основных направлений НТП в колхозах. Следует, на наш взгляд, постоянно стремиться к показу эффективности тех или иных мер, проводимых в сельском хозяйстве. Опыт показывает, что при таком подходе (даже в ходе предварительного анализа эффективности основных направлений НТП в отрасли — механизация, электрификация, химизация, мелиорация) возможно получение весьма интересных выводов.

Среди вопросов, нуждающихся в более глубоком изучении, — проблема управления сельским хозяйством, ибо структура управления аграрным сектором, по мнению ряда ученых, являлась одним из решаю-

щих компонентов механизма торможения в сельскохозяйственном производстве²⁴. Должны еще получить объективную оценку регулярно появлявшиеся в аграрном секторе новые формы управления и планирования, необходимо показать, как применялись административно-командные методы по отношению к колхозам, как происходила подмена советских и хозяйственных органов партийными комитетами, как вопреки неоднократно принимавшимся решениям о расширении хозяйственной самостоятельности колхозов, на практике их деятельность регламентировалась до мелочей, подчинялась диктату вышестоящего аппарата. Наблюдалось пренебрежительное отношение к демократическим органам. В связи с этим в новом осмыслении нуждается действовавшая в Молдове экспериментальная система управления колхозно-кооперативным сектором — советы колхозов. В историографии возникновение этой формы руководства колхозами и межхозяйственными организациями, полностью охватывающей производственное, экономическое и социальное развитие колхозов, трактуется как объективная закономерность развития колхозно-кооперативного сектора. Авторы отдельных работ того периода, исходя из теоретической посылки о незрелости колхозно-кооперативной собственности, ее второсортности, трактуют создание советов колхозов как результат прогрессивного развития колхозного сектора в направлении дальнейшей централизации управления, приближения его к формам и методам руководства государственным сектором сельского хозяйства²⁵. В названных и многих других работах по сути дела администрирование в отношении колхозов, вмешательство республиканского и районного аппарата в их дела оценивается как положительное явление²⁶. Предстоит, однако, объективно изучить историю создания и результаты деятельности советов колхозов, выявить элементы демократизма и бюрократизма как явлений, взаимосвязь между появлением этой формы управления колхозным производством и господствовавшими взглядами о путях сближения форм собственности и др.

При анализе потенции и механизма торможения в колхозах следует обратить внимание и на то, какой вред нанесли теоретические догмы и упрощенные представления о социалистической собственности, концентрации производства, об организации труда и его оплаты. Долгие годы бытовало мнение, что чем крупнее хозяйство, тем оно должно эффективнее вести свои дела. Эта мысль прослеживалась и в ряде работ молдавских историков. И как следствие шел процесс укрупнения колхозов, создавались межхозяйственные объединения-гиганты. Размеры хозяйств часто формировались произвольно, без учета природных, поселенческих, производственных и иных факторов. Зарождалась печально известная гигантомания.

Совершенно не учитывалось, что для такой специфической отрасли, как сельское хозяйство, концентрация не всегда прогрессивна. В. И. Ленин, анализируя ее экономические аспекты, отмечал, что и в промышленности «закон превосходства крупного производства вовсе не так абсолютен и так прост, как иногда думают... В земледелии, которое отличается несомненно большей сложностью и разнообразием отношений, полная применимость закона о превосходстве крупного производства обставлена значительно более строгими условиями»²⁷. Одним из таких условий является, очевидно, наличие определенного предела прогрессивности концентрации. Предварительные расчеты, проведенные группой экономистов во главе с В. А. Тихоновым, свидетельствуют, что эффективность сельского хозяйства возрастает при концентрации производства до определенного предела для каждой страны, территории. При концентрации сверх этого предела эффективность падает.

Взаимосвязь концентрации и эффективности сельскохозяйственного производства нуждается в дальнейшем изучении как экономистами, так

и историками. Ибо, как отмечает Ю. А. Мошков, если в 30-е гг. при создании колхозов необоснованно руководствовались в значительной мере идеологическими соображениями (экономические результаты сталинского варианта коллективизации учеными не просчитывались), то сейчас требования немедленного возвращения частной собственности на землю также не опираются на серьезные экономические основы, экономические модели.

Обширная литература посвящена проблемам межхозяйственного кооперирования в ССРМ. Пожалуй, ни одна из проблем аграрного развития республики не вызвала появления такого количества монографий, сборников, отдельных статей, как эта²⁸. Однако особых различий в оценках межхозяйственной кооперации в этих публикациях нет. Усилия ученых, партийных и государственных деятелей, специалистов сельского хозяйства в этом направлении были сосредоточены главным образом на доказательствах экономической необходимости межхозяйственной кооперации, ее объективной обусловленности, преимуществах новых форм ведения хозяйства. В указанных работах отмечалось, что межхозяйственная кооперация представляет собой качественно новый этап в претворении в жизнь аграрной политики КПСС, ленинского кооперативного плана, когда кооперируются не мелкие крестьянские хозяйства, а крупные социалистические предприятия.

В имеющейся литературе немало внимания уделялось проблеме экономических предпосылок межхозяйственного кооперирования. Ее возникновение в партийных документах, а затем и в работах историков и экономистов, обосновывалось главным образом необходимостью устранения противоречий между: высоким уровнем развития производительных сил в сельском хозяйстве и многоотраслевым характером производства в колхозах и совхозах; мелкими размерами отдельных производств в многоотраслевых хозяйствах и возросшими возможностями техники и требованиями новых технологий; высокой квалификацией работников и устаревшими формами организации производства и управления ими; возможностями, созданными НТП, и их реализацией на практике; между экономическими возможностями хозяйств и их потребностями в капитальных вложениях для использования достижений науки и техники²⁹.

Многие выявленные тогда противоречия были далеки от реальной действительности (например, высокий уровень развития производительных сил и многоотраслевое производство в колхозах и др.). Однако сама попытка выявления противоречий в определенной степени свидетельствует об осознании историками и экономистами если не кризиса, то весьма тяжелого положения в сельском хозяйстве. Представляется, что и межхозяйственная кооперация — не блажь административно-командной системы, стремившейся во что бы то ни стало навредить Молдове, как это порой изображается, а попытка преодолеть кризисные ситуации в отрасли. Несомненно, сегодня должны быть предприняты попытки объективного и всестороннего осмысления процесса межхозяйственного кооперирования, наличия экономических предпосылок для широкого его распространения в республике. Думается, что со временем будет преодолена и прослеживающаяся сейчас исключительно негативная оценка межхозяйственной кооперации в ССРМ; объективно показаны как негативные, так и определенные положительные моменты в развитии этого явления.

При всей прочности одностороннего подхода к анализу того или иного исторического явления следует признать, что работы 70 — начала 80-х гг. внесли определенный вклад в освещение вопросов зарождения межхозяйственных связей в сельском хозяйстве ССРМ, деятельности первых межхозяйственных предприятий³⁰.

Не вызывает сомнения и то, что в литературе тех лет довольно обстоятельно рассмотрены основные направления и формы развития меж-

хозяйственной кооперации в сельском хозяйстве и в сфере обслуживания производства, принципы и формы организации труда.

В работах С. З. Новакова, К. В. Стратиевского, Л. С. Ерхана показан процесс зарождения межхозяйственной кооперации в Молдове. Приведенные авторами данные позволяют сделать вывод о том, что процесс межхозяйственного кооперирования стал возможным благодаря наличию у колхозов определенной самостоятельности. То, что инициатива установления межхозяйственных связей для строительства электростанций и радиузлов исходила во второй половине 40-х гг. именно от колхозов, особых сомнений не вызывает.

В последующие годы, особенно в 60—70-е гг., роль колхозов в создании межхозяйственных предприятий практически не освещалась. В эти годы в развитии межхозяйственных объединений главную роль играли уже не сами колхозы, а партийно-государственный аппарат. Подтверждением этого является неоднократно описанная в литературе история создания Молдавского республиканского межколхозного совета по строительству, производству и добыче местных строительных материалов и заготовке деловой древесины — «Межколхозстрой». Не отрицая объективных предпосылок появления в республике межколхозных объединений по строительству, хотелось бы обратить внимание на последовательность принятия решений о создании объединения «Межколхозстрой». Решение бюро ЦК Компартии Молдавии об этом было принято 30 мая 1959 г. Тогда же было утверждено положение о «Межколхозстрое». В июне 1959 г. аналогичное решение принял Совет Министров ССРМ. И лишь после всего этого 16 июля собрались представители районных межколхозных объединений по строительству и колхозов республики и выдвинули инициативу об образовании республиканского объединения.

История эта многократно описана, но ни один исследователь не высветил вопроса о действительной роли и позиции колхозов в создании этих формирований. Зато немало было доводов, довольно типичных для «аппаратного» мышления. Так, создание республиканского «Межколхозстроя» обосновывалось рядом историков и экономистов и тем, что в ССРМ этой формой кооперации было охвачено менее 50% колхозов, в то время как в Украинской ССР — почти 70%³¹.

В выявлении и изучении нуждаются и перегибы, способствовавшие дискредитации идей концентрации и специализации: нарушение принципа добровольности, давление на колхозы с целью создания межхозяйственных предприятий, игнорирование мнения колхозов, пренебрежение уровнем развития производительных сил, подготовки кадров. Серьезной и остро необходимой для изучения является проблема экономических взаимоотношений колхозов и межхозяйственных предприятий и объединений. Нет сомнения, что имеются и другие аспекты в системе «колхозы—межхозяйственная кооперация», которые требуют изучения, нового осмысления.

К числу проблем, которым обществоведы уделяли большое внимание, относится социальное развитие села. В союзной историографии им посвящено множество публикаций. Среди них есть и работы, отражающие социальное развитие колхозного крестьянства³². В них немало внимания уделяется весьма популярной в то время проблеме — определению границ класса, количественным и качественным изменениям, трудовой и политической активности, образу жизни.

Многие аспекты истории современного крестьянства получили освещение в молдавской историографии³³. Некоторые их выводы объективны и сохраняют свое значение и сейчас. К числу таких относятся исследования изменений половозрастного состава колхозного крестьянства, динамики его численности, в том числе миграции, других каналов, по которым шло сокращение крестьянства, многих вопросов внутри-

классового состава: подготовки кадров, их места в колхозном производстве и др.

Заметим, однако, определенную односторонность этих исследований. Упрощенно толковались вопросы внутриклассового состава, при анализе тенденций развития класса внимание акцентировалось главным образом на интеграционных процессах, иным тенденциям не уделялось должного внимания, более того, многие из них даже не выявлялись. Все это искажало реальную картину. Вне изучения оставалась демография колхозного села в целом (не только половозрастные изменения). Серьезной проблемой, не получившей должного освещения в молдавской историографии, является исследование занятости колхозного крестьянства, эффективности использования трудовых ресурсов. Определенное теоретическое и практическое значение может иметь изучение личных подсобных хозяйств колхозников. Если в целом по стране эта проблема в той или иной мере рассматривалась В. Б. Островским, Г. И. Шмелевым, Т. И. Заславской и др., то в республике применительно к 60-м — первой половине 80-х гг. она практически не исследовалась (кроме информации МолдНИИНТИ)³⁴. В некоторых работах молдавских историков рассматривались лишь отдельные аспекты этой темы³⁵. Между тем акцент на общесоюзном материале приводит к усреднению характеристик приусадебного земледелия и животноводства, серьезно искажает порой конкретно-историческую ситуацию. На материалах республики должны быть изучены место и роль личного подсобного хозяйства в аграрной экономике и материальном положении крестьянства, ряд других связанных с этой проблемой аспектов.

В дополнительном изучении нуждаются произошедшие изменения в сознании колхозного крестьянства, снижение престижа крестьянского уклада жизни, развитие социальной апатии, иждивенчества, равнодушного отношения к труду, на которые несомненное влияние оказывали резкое расхождение реалий сельского бытия с провозглашенными лозунгами, ситуация, когда нараставшие противоречия и четко обозначившиеся деформации в социально-экономической сфере деревни камуфлировались под «отдельные недостатки», «влияние неблагоприятных погодных условий». Адекватных реальной обстановке решений, которых требовала жизнь, не принималось.

В настоящее время как в целом по стране, так и в молдавской историографии есть необходимость в дальнейшем изучении социальной инфраструктуры колхозного села. В республике имеется солидный задел по этим проблемам³⁶.

Особое значение для историков имеет критическое переосмысление источников 60—70-х гг. Ведь не секрет, что значительная часть документов по этому периоду не содержит достаточной информации, фальсифицирована приписками. Вот почему ныне крайне остро стоит задача широкого применения самых разнообразных источников, в том числе тех, которые практически не использовались ввиду трудоемкости обработки. Шире должны использоваться и результаты проводимых в республике социологических исследований.

Таковы некоторые основные проблемы истории колхозов ССР Молдовы, нуждающиеся в первоочередном изучении.

Примечания

¹ Народное хозяйство ССР Молдовы в 1985 г. Стат. ежегод. Кишинев, 1987. С. 107.

² Датию Ю. П. Колхозное крестьянство Молдавской ССР (1965—

1980 гг.). Изменения численности и состава. Кишинев, 1985. С. 65.

³ См.: Суслов И. Ф. Механизм эффективного развития колхозов: формирование и реализация хозрас-

четных интересов. М., 1981. С. 160—165; Изменения в социальной структуре советского общества. Тем. сб. М., 1978. С. 124—126.

⁴ *Фицуловская Н. К.* Аграрные проблемы в советской экономической литературе 20-х годов. М., 1978. С. 217.

⁵ Межколхозные производственные связи. М., 1960. С. 4; Развитие колхозной собственности в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. С. 82.

⁶ *Шимшелевич Л. И.* Проблемы сближения колхозного и общенародного производства // Автореф. ... докт. дис. Л., 1971. С. 5; Методологические проблемы исследования экономики развитого социализма. М., 1976. С. 128—129.

⁷ Колхозы в экономической системе социализма. Сб. ст. М., 1974. С. 13; Рабочий класс СССР и его ведущая роль в строительстве коммунизма. М., 1975. С. 211.

⁸ *Островский В. Б.* Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967; *Он же.* Новый этап в развитии колхозного строя. М., 1977; *Тихонов В. А.* Экономика и организация применения техники в сельском хозяйстве. М., 1972; *Волков И. М., Вылцан М. А.* Советская деревня на современном этапе. Некоторые итоги и задачи исследования // История СССР. 1979. № 2; *Тюрина А. П.* Колхозное крестьянство в социальной структуре развитого социалистического общества // Ленинский кооперативный план и современная деревня. Ростов-н/Д., 1980. С. 135. *Она же.* Экономические отношения в сельском хозяйстве СССР // Вопросы истории. 1986. № 2.

⁹ *Венжер В. Г.* Социально-экономические перспективы развития колхозного строя. М., 1979; *Суслов И. Ф.* Механизм эффективного развития колхозов. М., 1981; *Гусев П. И., Суслов И. Ф.* Колхозы в условиях развитого социализма. М., 1984.

¹⁰ *Венжер В. Г.* Указ. соч. С. 60.

¹¹ *Тюрина А. П.* Социально-экономическое развитие советской деревни (1965—1980 гг.). М., 1982; *Она же.* К вопросу о преобразовании колхозов в совхозы // История СССР. 1983. № 5; *Она же.* Экономические отношения в сельском хозяйстве СССР // Вопросы истории. 1986. № 2.

¹² *Денисов Ю. П.* Развитие колхозной демократии (1946—1970 гг.). Ростов-н/Д., 1975.

¹³ *Симуш П. И.* Социальный портрет колхозного крестьянства. М., 1976.

¹⁴ *Тюрина А. П.* О механизме торможения в социально-экономическом развитии советской деревни // Взаимосвязи города и деревни в их

историческом развитии. М., 1989.

¹⁵ Вопросы истории. 1988. № 9. С. 51.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Русинов И. Д.* Аграрная политика КПСС в 50-е — первой половине 60-х гг.: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9; *Тюрина А. П.* О механизме торможения в социально-экономическом развитии советской деревни. С. 7.

¹⁸ *Игнатовский П. А.* Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. М., 1971; *Суслов И. Ф.* Экономические интересы и социальное развитие колхозного крестьянства. М., 1973.

¹⁹ Проблемы совершенствования руководства и управления сельским хозяйством в СССР. Кишинев, 1978; *Тюрина А. П.* Экономические отношения в сельском хозяйстве СССР // Вопросы истории. 1986. № 2; *Сымонович Ч.* Советская деревня в 50—80-е годы // Вопросы истории. 1988. № 2.

²⁰ *Датий Ю. П., Танасенко В. Н.* Административно-командная система и развитие колхозов в 60—80-е годы. На материалах Молдавской ССР // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. М., 1989.

²¹ *Островский В. Б.* Указ. соч.; Советская деревня на современном этапе. Воронеж, 1974; *Тюрина А. П.* Указ. соч.; *Дмитриев В. С.* Мелиорация земель — важный фактор интенсификации сельского хозяйства. М., 1967; *Лемешев В. Я.* Мелиорация как фактор интенсификации сельского хозяйства. М., 1968; *Баранов Н. Н.* Развитие производства и повышение эффективности использования минеральных удобрений. М., 1970; *Синюков М. И.* Эффективность использования техники в сельском хозяйстве. М., 1970; *Тихонов В. А.* Указ. соч.; и др.

²² *Гушкан В. Я.* Интенсификация сельского хозяйства МССР. Кишинев, 1973; *Могоряну В. И.* Материально-техническая база — основа успешного развития сельского хозяйства. Кишинев, 1973; *Сырбу И. М.* Превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального. Кишинев, 1973; *Шишов И. В.* Развитие экономики колхозов и совхозов в Молдавии в условиях научно-технического прогресса. Кишинев, 1973; *Ротару М. Ф.* КП Молдавии в борьбе за подъем сельского хозяйства (1959—1970). Кишинев, 1974; *Визер Б. К.* Развитие сельского хозяйства МССР (1951—1970). Кишинев, 1975; *Бульмага Л. Е.* Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве Молдавии (1959—1970). Кишинев, 1982; *Датий Ю. П.* Колхозное крестьянство Молдавской ССР (1965—1980 гг.). Изменения численности и состава. Кишинев, 1985.

²³ *Игнатов В. Г.* НТР и село. Социально-экономические аспекты. Рос-

тов-н/Д., 1902; Куликов В. И. НТР в сельском хозяйстве // История СССР. 1974; № 1; Зорин В. И. Аграрное производство в период НТР. Алма-Ата, 1975; Тимуш А. И. Научно-технический прогресс и социальное развитие села. Кишинев, 1977; Бульмага Л. Е. Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве Молдавии (1959—1970). Кишинев, 1982.

²⁴ Вопросы истории. 1988. № 9. С. 51.

²⁵ Зайченко Н. М. Межколхозная кооперация и совершенствование управления сельским хозяйством. Кишинев, 1975; Он же. Организация и управление производством в условиях межхозяйственной кооперации. Кишинев, 1977; Проблемы совершенствования руководства и управления сельским хозяйством в СССР. Кишинев, 1977; Социально-политические, экономические и правовые проблемы сближения двух форм социалистической собственности и совершенствование на этой основе руководства и управления сельским хозяйством. Кишинев, 1980.

²⁶ См.: Проблемы совершенствования руководства и управления... С. 124, 128, 129.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 110—111.

²⁸ Негру-Водэ А. С. Межхозяйственная кооперация: опыт и проблемы. М., 1975; Воротило А., Кодица Н. Агропромышленная интеграция и межхозяйственная кооперация. Кишинев, 1975; Межхозяйственные и агропромышленные формирования Молдавии. Кишинев, 1975; Курсом межхозяйственного кооперирования М., 1976; и др.

²⁹ См.: Визер Б. К., Епифанов К. В. Ликвидируются существенные различия. Кишинев, 1980. С. 31.

³⁰ Шахильдян А. С. Межколхозные производственные связи в Молдавской ССР. Кишинев, 1961; Афтенюк С. Я., Визер Б. К. Рост общественного хозяйства колхозов Молдавии в 1953—1958 гг. // Вопросы истории социалистического строительства в Молдавской ССР. Кишинев, 1962; Визер Б. К. Рост производства и укрепление общественного хозяйства колхозов на завершающем этапе строительства социализма // Становление и развитие колхозного строя в Молдавской ССР. Кишинев, 1971; Он же. Развитие сельского хозяйства Молдавской ССР. 1951—1970; Кишинев, 1975;

Новаков С. З., Стратиевский К. В. Объективная необходимость укрепления колхозов Молдавской ССР // Равная среди равных. Кишинев, 1972; Тимуш А. И. Социальные процессы на селе. Кишинев, 1975; Сытник М. К. Коллективизация сельского хозяйства и формирование класса колхозного крестьянства в Молдавии. Кишинев, 1975; Ерхан Л. С. Возникновение и развитие межхозяйственной кооперации в сельском хозяйстве Молдавской ССР (1950—1972 гг.) Кишинев, 1983.

³¹ Визер Б. К., Епифанов К. В. Указ. соч. С. 106; Ерхан Л. С. Указ. соч. С. 63.

³² Советское крестьянство: Краткий очерк истории (1917—1970 гг.) М., 1973; Островский В. Б. Указ. соч.; Тюрина А. П. Колхозное крестьянство в социальной структуре развитого социалистического общества // Ленинский кооперативный план и современная деревня. Ростов-н/Д., 1980; Симуш П. И. Социальный портрет советского крестьянства. М., 1976.

³³ Ентелис Г. С. Преобразование социально-классовой структуры сельского населения. Кишинев, 1974; Он же. Аграрная политика КПСС и социальная структура современного села. Кишинев, 1983; Визер Б. К. Развитие сельского хозяйства Молдавской ССР. 1951—1970. Кишинев, 1975; Бульмага Л. Е. Церэнимя колхозникэ а Молдовеи ын периада социализмулуй дезволтат. Кишинэу, 1979; Цуркану Н. В. Социальная структура коллектива агропромышленного предприятия. Кишинев, 1980; Датию Ю. П. Колхозное крестьянство Молдавской ССР. Изменения численности и состава (1965—1980 гг.). Кишинев, 1985.

³⁴ Информационный бюллетень Молдавского научно-исследовательского института научно-технической информации. Вып. II. Кишинев, 1968.

³⁵ Визер Б. К. Указ. соч.; Визер Б. К., Дороганич Ф. Д. Рост материального благосостояния трудящихся Молдавской ССР. Кишинев, 1968; и др.

³⁶ Картофяну М. Д. Новый быт молдавского села. Кишинев, 1973; Цуркан И. А. Развитие материально-технической базы культуры села (1951—1970 гг.). Кишинев, 1978; Платон М. С. Производство и социальная инфраструктура современного села. Кишинев, 1981; Он же. Социальная инфраструктура современного села. М., 1985.

PORTRETE ISTORICE
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

С. А. Мадиевский

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПУТЬ КОНСТАНТИНА СТЕРЕ (I)

Здесь не смерть — только жизнь,
Хоть и кладбище это.
Сорок лет длится спор,
И конца ему нету...

Н. Коржавин

Константин Стере — одна из самых известных, самых сложных и противоречивых фигур новой и новейшей истории Бессарабии и Румынии, вызывающих до сих пор ожесточенные споры.

В румынской литературе ему посвящен ряд книг и научных статей¹, взгляды и деятельность его рассматриваются в исследованиях по истории попоранизма и царанизма — идейно-политических течений, основоположником или ведущим теоретиком которых был Стере².

Советская литература в этом отношении гораздо беднее. Социальные идеи Стере в попоранистский период его деятельности анализируют В. Н. Виноградов, В. Я. Гросул³. Другие публикации о нем появились в нашей республике. Первая — газетная статья И. Василенко (1964 г.), имевшая цель «пробить» самое имя Стере, представила его почти исключительно с положительной стороны, в щекотливых моментах используя фигуру умолчания⁴. Это вызвало появление разностного «отпора», где не без натяжек и передержек обосновывался полярно противоположный взгляд⁵. В 1988 г., публикуя повесть Стере «По воле волн (Сибирские картины)», журнал «Нистру» сопровождал ее рядом заметок, принадлежащих перу писателей Б. Истру, В. Васиlake, И. К. Чобану, А. Козмеску, литературоведа В. Бадиу, историка А. Лазарева. Писатели и литературоведы подчеркивали ценность литературно-художественного наследия Стере, историк напомнил о его отрицательно оцениваемой роли в «Сфатул цэрий» в марте—апреле 1918 г.⁶ Спустя год тот же журнал поместил статью А. Бабия «Социологические и эстетические воззрения К. Стере»⁷. В послесловии к сборнику произведений Стере В. Бадиу горячо и, на наш взгляд, убедительно поддержал призыв И. Друцэ «открыть двери» молдавской литературы творчеству писателя⁸. Однако трудно согласиться с тезисом, что в деятельности Стере «политика иногда превалировала» (на самом деле — превалировала на протяжении большей части жизни).

Следует сказать, что публицистика Стере, сборники его речей, даже роман «Накануне революции» до последнего времени находились в спецхранах.

Отсутствие доступа к первоисточникам, всесторонней и полноценной информации порождало вокруг имени Стере своеобразный «исторический фольклор», подчас не имеющий ничего общего с фактами, порой причудливо деформирующий их.

Цель настоящей статьи — способствовать удовлетворению общественного интереса к личности Стере, представить советскому читателю одну из основных ее ипостасей — Стере-политика. Некоторые аспекты будут, возможно, интересны и для румынского читателя, более осведомленного о предмете.

Автор, говоря словами Стере, «не питает наивно-самонадеянной уверенности, что ему открылась истина в последней инстанции, дано

было сказать последнее слово в этом отношении»⁹. И не только потому, что рамки журнальной статьи не позволяют исчерпать тему, а потому, что это вообще невозможно.

Еще один момент хотелось бы затронуть в этой связи. В первый послевоенный год (1946) в Ленинграде проходила дискуссия между известными востоковедами академиками В. В. Струве и А. И. Тюменевым о положении земледельцев в Древнем Шумере. Струве использовал в качестве источника глиняные клинописные записи надзирателя Лугальгудэ, Тюменев же называл их «кривым зеркалом», ибо Лугальгудэ, по его мнению, прибегал к припискам при подсчете рабочих человеко-дней. Огорченный Струве возразил: нехорошо порочить человека, который уже не может защитить себя...

К Стере это относится как к любому деятелю, оставившему след в истории. Поэтому мы стремились по меньшей мере понять своего героя, даже если одобрить не могли.

* * *

Константин Стере родился в 1865 г. в с. Хородиште (по другим данным — с. Черепкэу) Сорокского уезда, в семье помещика. Дед Стере, по данным В. Мушат, был выходцем из Запрутской Молдовы, аромыном по происхождению¹⁰. По словам Стере, предки его были резешами, приобретшими боярство в 30-е гг. XIX в.

Обстановка в семье Стере была тягостной, отношения родителей — натянутыми. К. Константи́ну, ребенку нежеланному, мать относилась плохо. Поэтому он старался как можно меньше бывать дома, много времени проводил в обществе окрестных крестьян, играл с их детьми. Детские впечатления, видимо, заронили в его душу сочувствие к обездоленным, из них проросло впоследствии и чувство протеста против социальной несправедливости.

После нескольких лет занятий с домашним учителем, а затем в пансионе для мальчиков (в Кишиневе) Стере в 1878 г. поступил в кишиневскую мужскую гимзанию. Здесь он участвует в ученических кружках самообразования, где среди прочего изучалась и обсуждалась запрещенная литература. Участники кружков способствовали ее транспортировке. В 17 лет Стере возглавил их.

Вскоре после выпускного экзамена Стере в числе 80 других участников кружков арестовывают и несколько месяцев держат в кишиневской тюрьме. После освобождения под надзор полиции он переезжает в Одессу, где поступает в университет. Там юноша входит в состав руководства местных народнических кружков. Свои тогдашние взгляды Стере определил впоследствии как амальгаму «смутного национализма», анархизма, марксизма. В конечном счете, «все сводилось к туманному сентиментальному гуманизму с резким бунтарским оттенком»¹¹. Через полгода Стере вновь арестовывают и после многомесячного пребывания в тюрьмах высылают в административном порядке в Сибирь (1885 г.).

В Сибири Стере пробыл в общей сложности шесть лет (первоначальный срок — три года — был удвоен за участие в распространении уже во время ссылки нелегального журнала и воззваний).

Впрочем, об этой истории следует рассказать подробнее. Летом 1888 г. в Иркутске полиция обнаружила отправленный Стере на имя другого ссыльного пакет с экземплярами «Журнала политической ссылки», к каждому из которых была приложена «Программа собирания сведений о политической ссылке». Затем у разных лиц были найдены еще два документа: протест политических ссыльных в форме обращения к царю и приложенное к нему воззвание к ссыльным, призывавшее к продолжению борьбы. По словам этих лиц, документы были также получены от Стере¹².

Арестованный и препровожденный в Тобольскую тюрьму, Стере вначале все отрицал, затем заявил, что получил указанные документы по почте от неизвестных ему или умерших лиц, и, наконец, 25 ноября 1888 г. обратился к директору Департамента полиции с покаянным письмом. В нем он извинялся за пересылку нелегальных изданий, объясняя все тем, что вынужденно подчинился «общественному мнению» ссылки, и заявлял: «Я искренне и твердо решил разорвать как с этими традициями, так и со всем „подпольным“, что было в моем прошлом и моей жизни». Стере обещал «всей своей жизнью... загладить увлечение своей молодости». В заключение, ссылаясь на тяжелое нервное состояние, он просил „пощады“, а именно — замены содержания в тюрьме, которое может привести его к неизлечимой душевной болезни, иной мерой пресечения. «Я был легкомысленным, может быть, молодым человеком, но никогда не был „врагом“, — убеждал шефа полиции Стере. — Доставьте мне возможность доказать, что я искренно и глубоко раскаиваюсь... Клянусь Вам, во всю дальнейшую жизнь я не сойду с пути законности...»¹³. Через год, в письме к начальнику Тобольского жандармского управления Стере вкратце повторил изложенное выше¹⁴.

Возникает вопрос: как оценить эти письма? Как проявление малодушия? Как тактический ход в борьбе с врагом? Как свидетельство перемены убеждений? В пользу каждого из этих объяснений есть свои доводы. Вероятно, в действительности было и то, и другое, и третье.

Начнем с того, что Стере никого не выдал — он отказался назвать имена других лиц, причастных к упомянутым документам. В то же время, подчеркивая в письме, что «этим заявлением, как и всем настоящим прошением и предыдущим письмом моим к Вашему Превосходительству, я окончательно роняю себя в глазах политической ссылки», он свои обращения к полиции от товарищей по ссылке утаил. Только в 1932 г. журналы «Каторга и ссылка», а затем «Красная Бессарабия» рассказали об этой истории (последний опубликовал и текст покаянного письма по оригиналу, хранящемуся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, в фонде 102 б. Департамента полиции, 7-е делопроизводство, д. 152 «Об издании и распространении в г. Тобольске преступных воззваний и протеста, л. 4—5 об.»).

Бухарестская газета «Dimineața» взяла интервью у Стере по этому поводу, в котором он поначалу отказался от «приписываемого мне письма», заявив при этом, что оно «не представляет большого интереса» (?). Затем признал, что обращался к директору Департамента полиции с просьбой о смягчении своей участи и добавил: «Потом я никогда не мог понять, как мог подать такую просьбу, что достаточно иллюстрирует мое тогдашнее душевное состояние». Однако максимум, что может быть поставлено ему в вину, утверждал Стере, — это «мимолетные колебания и слабости» (о втором письме, написанном почти через год, он умолчал). Заявление, что он не революционер и никогда им не был, оправдывалось соображением, что власти не имели тогда доказательств противного. Заканчивалось интервью так: «Если Советы обвиняют меня в том, что я никогда не был врагом „королей, помещиков и румынских жандармов“ (фраза взята из статьи в «Красной Бессарабии». — С. М.), то мне остается только сожалеть, что этому не верят в Румынии — при всем том, что действительно после отъезда из России я, старый член партии «Народная воля», террористической партии, не разрешил себе ни одного террористического акта, чем горжусь»¹⁵.

По названному делу Стере был приговорен дополнительно к трем годам ссылки в Якутскую область. Однако туда он не попал: по просьбе ссыльного, горячо поддержанной начальником Тобольского жандармского управления 15а, директор Департамента полиции разрешил водворить его в Енисейской губернии. Просьба, по словам тобольского

жандармского чина, мотивировалась тем, что «при невозможности в Якутской области выписывать книги... и отдаться научным занятиям, безделье и отсутствие семьи невольно могут втянуть в интересы ссылки», хотя Стере «искренне отрекается от своих прежних заблуждений и какой-либо предосудительной в политическом отношении деятельности». Своего коллегу из Енисейского жандармского управления тоболец просил «в пределах законной возможности» облегчить положение Стере, подчеркивая: «главным образом желание Стери заключается в том, чтобы он был водворен... в такой местности губернии, где он мог бы не входить в ближайшее соприкосновение с другими политическими ссыльными и беспрепятственно предаться любимым научным занятиям и переписке со своими родными»^{15б}.

В годы сибирской ссылки Стере интенсивно продолжал самообразование, штудировав литературу по философии, политической экономии, социологии, праву, естественным наукам, искусствоведению. По мнению З. Орня, «не будет преувеличением сказать, что культурный облик его сформировался здесь»¹⁶.

В феврале 1892 г. Стере получил 4-месячный отпуск в Бессарабию для свидания с больным отцом. Затем отпуск был продлен до окончания срока гласного надзора — 15 ноября, после чего установлен надзор негласный. Впрочем, в декабре того же года Стере выехал на жительство в Румынию — не тайно, как иногда утверждают, а по заграничному паспорту, выданному Управлением Бессарабского губернатора^{16а}.

Выбор страны проживания не был для Стере случайным, обусловленным лишь житейскими обстоятельствами. Он ощущал себя румыном¹⁷, изучал румынский литературный язык и проч. Бессарабских молдаван он считал румынами и исходил из того, что место края — в едином румынском государстве. Это убеждение, пронесенное сквозь всю последующую жизнь, — один из ключевых ориентиров для понимания целей и мотивов его политической деятельности.

Когда Стере приехал в Румынию, ему было уже 27 лет. Поступив на юридический факультет Ясского университета, он устанавливает личный контакт с участниками местной социалистической организации (с руководителями ее он переписывался еще из Сибири), студенческой молодежью, интеллектуалами старшего поколения. Будучи старше большинства коллег-студентов, обладая более широкой, разносторонней культурой, окруженный к тому же ореолом борца и мученика за революцию, Стере быстро завоевывает в ясских (а затем и бухарестских) социалистических кругах авторитет и влияние.

После короткого промежутка, необходимого чтобы осмотреться, войти в курс местных дел, Стере начинает публицистическую деятельность. Осенью 1893 г. в ясской газете «Evenimentul» он впервые употребляет для обозначения своих взглядов термин «попоранизм» (румынская калька русского термина «народничество»). Под ним подразумевалась идеологическая и общественно-политическая доктрина, в различных формах распространенная в большинстве отсталых, преимущественно аграрных стран, где капитализм находился еще на начальных стадиях развития. Она провозглашала возможность «обойти капитализм» и создать «крестьянское общество», «крестьянское государство», в котором сельское хозяйство останется главной отраслью экономики, а крестьяне — основным общественным классом. «Крестьянство свободное и владеющее землей, кооперация на капиталистической основе, огосударствление основных отраслей промышленности, сельская демократия, доступ для народных масс к политической жизни и культуре в рамках существующего строя», — так современный румынский исследователь И. Кэпряну резюмирует попоранистскую формулу социального прогресса¹⁸.

Попоранизм претендовал на роль выразителя интересов широких народных масс — крестьянства и мелкой городской буржуазии, враждебных и крупной помещичьей, и крупной капиталистической собственности. В действительности, по оценке К. Доброджану-Геря, он представлял «главным образом интересы крестьянской буржуазии, а громадного большинства — обездоленных крестьян — лишь в той мере, в какой они согласуются или хотя бы не сталкиваются с первыми. Когда же такое столкновение происходит, попоранизм берет сторону сельской буржуазии против большинства»¹⁹.

Положительной стороной попоранистской программы был призыв к ликвидации латифундий, расширению крестьянского землевладения, к демократизации политического строя. Однако конечная цель — «крестьянское общество», «крестьянское государство» — представляла собой, по выражению З. Орня, утопию, «романтическую химеру»²⁰. Ошибочная оценка попоранизмом стадии и перспектив социально-экономического развития Румынии «негативно влияла на идеологическую, программную ориентацию и деятельность некоторых общественных кругов», отмечает И. Кэпряну²¹, в то время как требовалось единство всех прогрессивных сил для осуществления исторической задачи — завершения буржуазно-демократической революции в Румынии.

Вместо этого Стере в статьях 1893 г. высказывает мысль о возможности способствовать решению ключевых проблем социально-экономического, политического, культурного развития Румынии, действуя в одной из существовавших тогда буржуазно-помещичьих партий. Так готовилась почва последовавшего через несколько лет вступления попоранистов и правых элементов социал-демократии (т. н. «великодушных») в главную партию румынской буржуазии и обуржуазивающихся помещиков — национал-либеральную. Тогда же Стере заявил, что деятельность социалистическую полезнее было бы заменить борьбой за осуществление «национального идеала» — объединение всех румын.

В 1894 г. Стере своими печатными и устными выступлениями постепенно утверждает попоранизм как самостоятельное идейное течение (первоначально — в области литературной идеологии). Вместе с тем он не выступает еще против социализма, заявляя, что у этих течений есть общая сфера деятельности, подчас даже говорит от имени социалистов. Не будучи формально членом созданной в 1893 г. социал-демократической партии Румынии, Стере присутствует, однако, на ее съездах, заседаниях Исполкома и даже считается лидером яских социалистов.

В 1895 г. Стере заканчивает университет; через два года, защитив диссертационную работу, получает степень лиценциата права. В 1896—1899 гг. он сближается с «восходящей звездой» либералов, будущим руководителем этой партии И. И. К. Брэтиану и постепенно становится одним из доверенных лиц и советников последнего. В эти годы проходят закулисные, тщательно скрываемые от общественности переговоры о вхождении «великодушных» и попоранистов в либеральную партию. Необходимость такого шага впоследствии обосновывалась отсутствием в Румынии почвы для самостоятельной партии рабочего класса (из-за малочисленности промышленного пролетариата), отсутствием условий для деятельности независимой крестьянской партии (из-за темноты и фактического бесправия крестьянства), наконец, неудачей попыток создать массовую радикальную партию, опирающуюся на средние городские слои (в политике эти слои выступали резервом господствующих классов). Переход к либералам представлялся «великодушными» и попоранистами как средство укрепить «молодые силы» в этой партии и через них осуществить назревшие демократические реформы. По оценке З. Орня, «Стере снабдил идеологическими аргументами тех, кто еще с 1893 г. ждал с упакованным багажом возможности оставить социалистическое движение»²².

В 1899 г., во исполнение договоренности с И. И. К. Брэтиану, «великодушные» и попоранисты (всего около 40 человек) переходят к либералам; оставшаяся фактически без руководства социал-демократическая партия на несколько лет прекращает свое существование. «Неофиты» либерализма всячески подчеркивали, что примкнули к находившейся тогда в оппозиции НЛП не ради личных интересов и амбиций, а с целью защиты гражданских прав и свобод, осуществления нужных стране демократических преобразований. З. Орня полагает, что «определенные политиканские расчеты» здесь наличествовали, но у попоранистов не были единственным и даже решающим моментом. Впрочем, он признает справедливость мнения Гери о том, что история рассудит этот шаг не по намерениям действующих лиц, а по их последующим делам. И, со своей стороны, заключает: вердикт истории оказался «не в пользу попоранистов»²³.

В 1901 г. либералы вновь призываются к власти. Стере (который после окончания университета занимался адвокатурой и преподаванием, а в 1898—1899 гг. был заместителем примаря в Яссах) вместе с двумя «великодушными» избирается в парламент. Здесь он быстро завоевывает авторитет как один из видных ораторов. В первой же своей парламентской речи Стере высказался за всеобщее избирательное право (вместо существовавшей тогда цензово-куриальной системы) и улучшение положения крестьян. Хотя оба тезиса формально значились в программе либералов (первый как «конечная цель»), премьер-министр Д. А. Стурдза заявил, что экономический и финансовый кризисы ставят перед страной более насущные задачи. Возглавляемое им помещичье крыло партии явно стремилось оттянуть реформы до греческих календ.

Оставалось надеяться на смену Стурдзы И. И. К. Брэтиану и по мере сил содействовать этому, тем более что с такой переменной связывалась и возможность реализации личных планов Стере. Как уже отмечалось, он входил тогда в ближайшее окружение Брэтиану. Но положение его было нелегким: Брэтиану привык к диктату по отношению к своим сторонникам, что явно задевало самолюбие Стере. Недовольный отведенной ему ролью, он угрожает даже уходом из партии. По-видимому, в связи с этим Стере в июне 1908 г. ставят во главе яесской организации либералов. Двумя годами ранее в Яссах начинает издаваться журнал «*Viața românească*», основанный К. Стере и Г. Ибрэилу и вскоре ставший одной из самых влиятельных публикаций в стране. Это также способствует повышению политических акций Стере.

Однако еще до описанных событий, в конце 1905 г., бросив все дела — университет (где он с 1901 г. читал курс конституционного и административного права), начатые хлопоты по организации журнала, Стере почти на год уезжает в Бессарабию (он и ранее неоднократно посещал ее, считалось — по личным и семейным делам). На этот раз поездки были связаны с начавшейся в России революцией. О целях предприятия Стере впоследствии писал: «Меня интересовала в Бессарабии не столь сама по себе русская революция, ...сколько положение румын за Прутом и перспективы деятельности, направленной на то, чтобы при последующем развитии событий достичь национального воссоединения»²⁴.

В Кишиневе Стере организовал выход газеты «*Basarabia*» (заголовки печатались латиницей, текст — кириллицей), которую впоследствии назвал «первой румынской газетой» в этом крае. По словам Шт. Чобану, удалось это «с большим трудом», «после многих совещаний с представителями молдавских националистических групп»²⁵. Редактором числился Ем. Г. Гаврилицэ, в газете сотрудничали П. Халиппа, И. Пеливан, И. Инкулец, В. Строеску, А. Ноур, В. Оату,

М. Вынту, Н. Поповский, А. Матеевич и др. Официальная программа издания, написанная Стере, содержала требования автономии Бессарабии, создания для управления краем выборного «Совета страны» («Сфатул цэрий»), проведения земельной реформы и пр. Была, однако, и «сверхзадача», которую Стере доверительно изложил сотрудникам. Один из них, Н. Поповский, вспоминал в 1937 г.: «Стере один предвидел, куда должно привести это движение, и в бесчисленных беседах, которые вел с этими молодыми романтическими националистами, раскрывал им смысл их миссии... Именно на одном из этих собраний Константин Стере, говоря о судьбах Бессарабии, бросил идею тесной, не только культурной, но и политической связи между Бессарабией и Румынией. «Или вы к нам, или мы к вам, иначе жить нельзя», — заявил Стере»²⁶.

Из позднейших свидетельств Стере (который подчеркивал, что не считает полезным вдаваться в детали своей деятельности в Бессарабии) явствует, что миссия его пользовалась одобрением и поддержкой правящих кругов Румынии. О ней знал тогдашний премьер-министр, глава консерваторов Г. Гр. Кантакузино (по словам Стере, оказывавший ему всемерное содействие), знал, естественно, И. И. К. Брэтиану. Средства для издания газеты «*Basarabia*» предоставил фактический глава Национального банка Румынии Е. Карада (как вспоминал Стере, «через сложный механизм опосредованных переводов» они поступали на имя Ем. Г. Гаврилицэ)²⁸.

В 1906 г., когда революционная волна в России пошла на спад и пребывание здесь стало опасным, Стере возвращается в Румынию. Вскоре его направляют со столь же ответственной и конфиденциальной миссией в Трансильванию. На протяжении последующих лет Стере выполняет роль связного между руководством национал-либеральной партии Румынии и Румынской национальной партии Трансильвании. Он неоднократно посещает Трансильванию, участвует в заседаниях Комитета национальной партии, выступает арбитром в конфликтах между его членами.

Во внутренней политике Стере демонстрирует «гибкость». Он заявляет, что в качестве переходного этапа ко всеобщему избирательному праву готов удовлетвориться единой избирательной коллегией для всех грамотных и обладающих правами гражданства мужчин (неграмотные, составлявшие огромное большинство населения, по-прежнему голосовали бы двухстепенно). В аграрном вопросе вместо принудительного выкупа государством помещичьих земель и последующей продажи их крестьянам — учреждением Сельской кассы, при посредничестве которой крестьяне могли бы приобретать добровольно продаваемые крупными собственниками земли.

В марте 1907 г. вспыхнуло самое крупное в истории Румынии крестьянское восстание (Стере за несколько месяцев до него в беседе с одним из лидеров консерваторов Т. Ионеску предсказал неизбежность взрыва отчаяния угнетенных масс). Стоявшие тогда у власти консерваторы сочли за благо уступить «честь» подавления восстания либералам. В кабинете, который снова сформировал Д. А. Стурдза, ключевой пост министра внутренних дел занял И. И. К. Брэтиану. Он назначил Стере префектом Ясского уезда (что вызвало, кстати, протест со стороны царского правительства); аналогичные назначения получили еще несколько «великодушных» и попоранистов. Приняв их, Стере и его единомышленники оказались в изначально ложном положении: они должны были участвовать в усмирении крестьян, чье право на землю и человеческое обращение на словах признавали и отстаивали.

Стере приложил отчаянные усилия, чтобы выйти из этого положения с наименьшими политическими и нравственными потерями. С

одной стороны, он, чтобы успокоить крестьян и не довести дело до применения воинской силы, обещал со всем вниманием рассмотреть их требования и, действительно, давил на помещиков и крупных арендаторов уезда, заставляя смягчать условия договоров с издольщиками и исполщиками. С другой стороны, предупреждал крестьян, что в случае неповиновения «беспорядки будут подавлены самым суровым образом, без всякой пощады».

По данным архивов и прессы, за месяц, в течение которого Стере возглавлял префектуру, в Ясском уезде не было столкновений между крестьянами и войсками, не было, следовательно, и жертв. Но в других уездах, особенно в Мунтении и Олтении, где восстание приняло большой размах, подавление отличалось крайней жестокостью. По некоторым данным, было убито и замучено свыше 11 тыс. крестьян — больше, чем потеряла страна в войне за независимость 1877—1878 гг. И попоранисты, оправдывавшие эти репрессии как «печальную необходимость», должны были, конечно, разделить и ответственность за них. Они скомпрометировали себя в глазах прогрессивной общественности, «замарались», как не без злорадства констатировали «старые кадры» либеральной партии, относившиеся к «сибирскому революционеру» и его друзьям с почти нескрываемой враждебностью.

Урон, нанесенный их общественной репутации, не мог не беспокоить попоранистов. На протяжении ряда лет они пытались оправдать себя, либеральную партию, правительство Д. А. Стурдзы — И. И. К. Брэтиану. В открытом письме к К. Доброджану-Гере (1910 г.) Г. Ибрэилян горячо вопрошал: «А что бы вы делали на месте г-на И. Брэтиану? Дали бы крестьянам наводнить города и разрушить крохи цивилизации, имеющиеся в нашей стране? Дали бы восстанию распространиться на все села? Стояли бы со скрещенными руками, ожидая, пока придут иностранные войска, чтобы подавить восстание, а заодно похоронить нашу независимость?»²⁹. Лишь через тридцать лет после событий, у края могилы Стере дал волю подспудному чувству вины, не оставившему его, как видно, все эти годы. Ваня Рэуту, герой упомянутого автобиографического романа, наедине с собой признает: «Вместе с префектурой в Чубэрешть (Яссах. — С. М.) он принял на себя и личную ответственность, прямую, неотвратимую за всех жертв карательных экспедиций, за тысячи могил, спрятанных в покрытых трауром полях. Не пролилась кровь в Чубэрешть в бытность его префектом! Но за каждую каплю крестьянской крови, оросившую землю Мунтении или Олтении, он, Ион Рэуту, префект, представитель государственной власти, не в меньшей мере в долгу перед румынским народом, ... трагическом долгу, от которого никакой софистикой не отделаешься»³⁰.

Репрессии оправдывались попоранистами и таким аргументом, как «искренняя решимость правительства безотлагательно провести затем реформы», которые устранят причины восстаний³¹. Однако, когда проекты реформ были внесены на рассмотрение парламента, Стере, участвовавший в их выработке, вынужден был признать, что главную причину нищеты и бедствий крестьян — чудовищно несправедливое распределение земельной собственности (тысяча латифундий имела площадь бо́льшую, чем миллион крестьянских хозяйств) они вообще не затрагивают. Проекты, по его определению, призваны были лишь смягчить некоторые последствия этого распределения, устранить наиболее грубые и явные злоупотребления в отношениях между крестьянами, с одной стороны, помещиками и крупными арендаторами — с другой. Это, однако, не помешало «*Viața românească*» через несколько лет объявить аграрное законодательство правительства либералов после подавления восстания 1907 г. «почти революционным»³².

Несмотря на гибкость Стере, его отношения с Брэтиану в 1908—

1910 гг. ухудшаются. Став в 1909 г. лидером партии и премьер-министром, Брэтиану все чаще, почти в открытую, дает понять Стере, что в его советах более не нуждается. Мечта Стере — стать министром (он стремился к этому не столько из тщеславия, как для реализации идей, упрочения позиций своей группировки) — не осуществляется. Стурдза, а затем Брэтиану предпочитают ему лидера «великодушных» В. Г. Морцуна как более послушного, «кадрового» либерала Ал. Джувару и пр.

Оскробленный Стере начинает флиртовать с созданной в 1908 г. Т. Ионеску новой буржуазно-помещичьей партией — консервативно-демократической. Но порвать с либералами, правое крыло которых продолжает блокировать осуществление его планов, все же не решается. Стере ограничивается фрондой: критикует некоторые меры правительства, демонстративно отсутствует на заседаниях парламента, угрожает отставкой с поста руководителя ясской организации НЛП. Пускаются слухи, что попоранисты хотят создать на основе так называемых «народных банков» и сельских кооперативов независимую крестьянскую партию. В 1910 г. Стере снова требует у Брэтиану министерский портфель и, получив отказ, возобновляет альянс с ясской организацией такистов³³.

Несколько ранее происходит «выяснение отношений» Стере с социализмом и рабочим движением. В 1905 г., в известной мере под влиянием первой русской революции, в Румынии начинается подъем социалистического движения. Это, естественно, не устраивало тех, кто полагал, что с социал-демократией здесь покончено надолго, если не навсегда. В 1907—1908 гг. Стере помещает в журнале «*Viața românească*» большую работу «Социал-демократизм или попоранизм?», призванную теоретически обосновать отсутствие в Румынии почвы для социал-демократической партии и революционной политики с помощью известных уже доводов. Аргументированный ответ ему был дан тогда же на страницах теоретического органа социалистов «*Виторул социал*» К. Доброджану-Герей, Х. Раковским, О. Кэлином³⁴.

В 1907—1909 гг. правительство либералов обрушило репрессии на рабочее движение. «Великодушные» не только не мешали расправам со своими бывшими товарищами, но, по оценке Гери, подчас выступали их инициаторами. Попоранисты в этой кампании не выделялись усердием, но и не были против, хотя претендовали на роль последовательных защитников демократических прав и свобод.

В 1910 г. либералы, сильно «износившиеся» и скомпрометировавшие себя за время пребывания у власти, перешли в оппозицию. Вскоре, стремясь подправить запятнанную репутацию, завоевать кредит в обществе, они начинают муссировать идею реформ. Соответственно и даже опережающими темпами активизируются попоранисты. С согласия И. И. К. Брэтиану Стере готовит предложения об аграрной и избирательной реформах. После обсуждения руководством партии и согласования с королем эти предложения анонсируются «программным воззванием» Брэтиану от 28 августа 1913 г.

В январе 1914 г. либералы вновь призываются к власти. Но Стере опять не получает министерского портфеля. В качестве компенсации ему поручают быть докладчиком парламентской комиссии по пересмотру конституции. Однако и эта честь обусловлена отступлением от провозглашенных в 90-х гг. принципов попоранизма. Уже отмечалось, что Стере «на время» принял избирательную систему, при которой огромное большинство населения должно голосовать через выборщиков (хотя сам квалифицировал ее как унижительную, позволяющую фальсифицировать волю избирателей). Теперь он согласился с ограничением выкупа помещичьей земли «излишками» ее в крупнейших (площадью более 1000 га) имениях с последующей продажей «достой-

ным хозяевам»³⁵. Единственным результатом осуществления этого проекта было бы усиление сельской буржуазии. Как видим, это отвечало социальной сути попоранизма, но официальная доктрина течения требовала, конечно, гораздо более масштабных мер. Стере поэтому пошел на «прагматический компромисс» после длительного и трудного торга, «убедившись, что мощные силы реакции не согласятся уступить больше»³⁶.

Впрочем, и после этого обсуждение проектов реформ, по выражению Н. Иорги, «тащилось от отсрочки к отсрочке»³⁷, пока вспыхнувшая в июле 1914 г. мировая война не послужила правительству и оппозиции отличным поводом вообще отложить дело «до лучших времен».

В июне этого же года имел место еще один компромисс со стороны Стере — так называемая «констанцкая Каносса», наделавшая в свое время немало шума. По случаю визита Николая II в Констанцу Стере был включен И. И. К. Брэтиану в число лиц, которые должны были представляться царю. В беседе с русским посланником Брэтиану мотивировал это «выдающимся политическим положением» Стере, который является «одним из вероятных кандидатов к занятию министерской должности». Премьер добавил, что за последнее время Стере «неоднократно беспрепятственно посещал Бессарабию». Посланник Поклевский поддерживал эту просьбу перед МИДом, подчеркнув: «За время моего пребывания в Румынии Стере ничем враждебным по отношению к России (читай: царскому правительству — С. М.) себя не проявил». Петербург, однако, ответил отказом. «Очень огорченный» Брэтиану, понимая вероятную причину, просил посланника передать, что считает «его (Стере) прегрешение в России грехом молодости, в коем он бы теперь принес повинную в Констанце»³⁸. Такой оборот, видимо, устроил Петербург. Среди румынских сановников, приветствовавших царя на набережной в Констанце, находился и Стере. Румынская общественность не знала, естественно, закулисной подоплеки события: толковали его по-разному, но большинство считало, что «Стере был доставлен туда в знак капитуляции перед русским царизмом, против которого он некогда восстал»³⁹. Никто, конечно, не мог бы принудить его к участию в этой встрече. По-видимому, оно было одним из условий занятия министерского поста.

Однако плодов этих уступок Стере не довелось пожать — война привела к разрыву отношений его с Брэтиану и другими либералами. С началом войны перед правящими кругами Румынии встала проблема: к кому примкнуть, когда? Большая часть политиков в августе 1914 г. высказалась за «вооруженное выжидание», пока обстановка не прояснится. Стере принадлежит к числу тех считанных, кто выступил за выполнение условий тайного союзного договора, который с 1883 г. связывал Румынию с Центральными державами — Германией и Австро-Венгрией. Участие в мировой войне на стороне этих держав (по расчетам Стере, они должны были победить) позволит, полагал он, обезопасить Румынию от угрозы экспансии царизма и присоединить Бессарабию⁴⁰.

Что касается миллионов румын, проживавших в составе Австро-Венгерской империи, то объединение с ними, по мнению Стере, можно было осуществить путем вступления Румынии в переустроенную на федеративных началах монархию Габсбургов (эту идею еще в 1906 г. выдвинул один из деятелей румынского национального движения в Трансильвании А. К. Попович), где румыны могли пребывать, покуда та не распадется.

Ясно, однако, что перспектива утраты государственной независимости никак не могла воодушевить общественное мнение Румынии. Политически активные слои общества все более склонялись к союзу

с Антантой. Отсюда резкая перемена в положении Стере — буквально за несколько недель из «героя дня», каким он был в первой половине 1914 г., лидер попоранистов превратился в изгоя, публиковавшего свои заметки под заголовком «Из блокнота отшельника».

После двух лет секретных переговоров с Антантой об условиях присоединения к этому блоку правительство И. И. К. Брэтиану в августе 1916 г. бросило Румынию в пламя войны. Осенне-зимняя кампания окончилась тяжким поражением румынской армии, войска Четверного союза (Германии, Австро-Венгрии, Болгарии, Турции) оккупировали 2/3 территории страны. Лишь на линии р. Сирет они были остановлены подошедшими на помощь русскими. Король, правительство, парламент эвакуировались в Яссы. Но политики-германофилы (П. Карп, Т. Майореску, А. Маргиломан, К. Арион, К. Стере и др.) предпочли остаться в Бухаресте.

Маргиломан и Стере остались с ведома и даже по поручению Брэтиану, так сказать, «в резерве», для ведения переговоров с немцами на случай поражения Антанты. Впоследствии Стере утверждал, что решил остаться на оккупированной территории, так как в Молдове, где находились русские, не чувствовал бы себя в безопасности⁴¹. На вопрос одного из друзей о причинах его решения, Стере ответил иначе: «Нос Клеопатры» (имелась в виду А. Радович, ставшая впоследствии его второй женой)⁴². Видимо, решение было обусловлено сочетанием личных и политических факторов.

Весной 1917 г. Стере посещает Вену и Берлин для вручения представителям соответствующих правительств «меморандума по румынскому вопросу». Осенью того же года с разрешения оккупационных властей он основывает в Бухаресте газету «Lumina» (название, которое, по выражению В. Н. Виноградова, «в непроглядном мраке оккупационного режима звучало издевательски»⁴³). На ее страницах Стере резко критикует внешнюю политику правительства И. И. К. Брэтиану, прежде всего за союз с Россией. Одновременно он стремился внушить Берлину, что в его интересах — существование сильной, дружественной немцам Румынии, которая могла бы стать «преградой против славянской лавины»⁴⁴.

Поскольку к концу 1917 — началу 1918 г. Австро-Венгрия уже явно дышала на ладан, Стере отказывается от планов включить Румынию в состав реформированной монархии Габсбургов и выступает с новой идеей — объединиться с самой Германией. Это мыслилось в форме личной унии двух государств под скипетром Вильгельма II, который должен был посадить в Бухаресте вице-короля. Такая уния, считал Стере, спасет Румынию от территориальных урезок в пользу победителей, а когда Австро-Венгрия развалится, немцы отдадут Трансильванию Румынии. О ясских политиках, которые в это время начали переговоры с Четверным союзом об условиях мира, Стере отзывался с глубоким презрением («ясские ничтожества», «они подпишут что угодно», «спасение короля и собственных персон, по-видимому, единственная их забота»)⁴⁵.

«Lumina» советовала правительству Брэтиану принять участие в брест-литовских переговорах, которые Советская Россия вела с Германией и ее союзниками. Но кабинет Брэтиану—Ионеску предпочел заключить отдельное перемирие с Центральными державами в Фокшанах 26 ноября (9 декабря) 1917 г., совместно с белогвардейским командованием Румынского фронта и Украинской Центральной Радой. А еще через три месяца, 21 февраля (5 марта) 1918 г., в Буффе (под Бухарестом) уполномоченные нового румынского правительства, возглавленного генералом Авереску, парафировали предварительные условия сепаратного мира. Они были тяжелейшими: Румыния теряла Добруджу, горную полосу по границе с Трансильванией, экономичес-

ки превращалась в полуколонию Германии и Австро-Венгрии. Но — сохраняла династию и получала «добро» на присоединение Бессарабии.

Румынские войска заняли этот край еще к концу января 1918 г., после чего местные советы вынужденно прекратили деятельность. Но попытка переправиться через Днестр была отбита, в самой Бессарабии войскам было очень неудобно. Фокшанское перемирие представлялось шатким. Поэтому правительство Авереску сочло за благо заключить с советскими представителями (5—9 марта 1918 г.) соглашение о выводе своих войск из Бессарабии в двухмесячный срок. Почти одновременно, однако, был подписан упомянутый прелиминарный договор в Буфте. Получив от немцев карт-бланш в вопросе о Бессарабии, румынское правительство, которое с 18 марта возглавил Маргиломан, махнуло рукой на соглашение с Советами. Председатель «Сфатул цэрий» И. Инкулец и председатель Совета генеральных директоров Д. Чугуряну⁴⁶ были приглашены в Яссы, где Маргиломан и министр иностранных дел К. Арион объявили им о решении присоединить Бессарабию. Было особо подчеркнуто, что это решение согласовано с Центральными державами. «Сфатул цэрий» предоставлялась возможность обсудить предварительно вопрос об объединении, но, как сказал Арион, «если не объединение, то будет аннексия»⁴⁷.

Руководство «Сфатул цэрий» и командование румынских войск обеспечили должную атмосферу обсуждения. Состав «Сфатул цэрий» к тому времени значительно изменился. Ряд членов покинул его; пятеро, осудившие ввод румынских войск, были расстреляны (руководители III Бессарабского губернского крестьянского съезда, открывшегося в Кишиневе 18(31) января 1918 г.). Освободившиеся места заняли сторонники объединения с Румынией. 27 марта (9 апреля) 1918 г. в здании, охраняемом румынскими войсками, началось решающее заседание.

Дискуссия длилась несколько часов. Представители Молдавского блока выступили за присоединение к Румынии. Ряд членов крестьянской фракции, фракции национальных меньшинств, представитель рабочих заявили, что «Сфатул цэрий» не имеет полномочий решать такой вопрос, что право это принадлежит населению края (референдум) или всенародно избранному Бессарабскому учредительному собранию. Однако при голосовании за присоединение к Румынии на началах автономии было подано 86 голосов, против — 3 (36 членов воздержались, 13 отсутствовали).

На результат голосования, по ряду свидетельств, оказал ощутимое влияние Стере. Как только в Яссах было сформировано правительство Маргилмана, он, получив от германского командования разрешение на переход демаркационной линии, прибыл туда. П. Халиппа писал впоследствии: «Маргиломан ... был одним из первых, кто понял необходимость присутствия Стере в Кишиневе в преддверии великих и тяжких дней, накануне голосования за объединение в «Сфатул цэрий». По моей просьбе он принял все меры, чтобы Стере мог заблаговременно прибыть в Кишинев»⁴⁸.

Приехав вместе с Инкульцом и Чугуряну 24 марта, Стере сразу же развил активную деятельность. 25 марта он выступил на трех совещаниях — Совета генеральных директоров, Молдавского блока и крестьянской фракции «Сфатул цэрий». На последнем, единственно сложном, он, по свидетельству очевидца, «пустил в ход все искусство», убеждая членов фракции голосовать за присоединение к Румынии⁴⁹. 27 марта по предложению Молдавского блока Стере был введен в состав «Сфатул цэрий» и на упомянутом заседании выступил основным оратором. Обращаясь к одной фракции за другой и переходя с румынского на русский и обратно, Стере призывал принять единственно возможное, по его словам, решение. «Румыния, — заявил он, —

Маргиломана означало бы совершить политическое самоубийство. Поэтому он демонстративно отказывается от руководства, практически и от участия в деятельности «Сфатул цэрий»⁵⁵.

В конце октября 1918 г. правительство Маргиломана под нажимом держав Антанты уходит в отставку. В Австро-Венгрии к тому времени началась, а в Германии назревала революция, обе державы стояли перед лицом военного краха. Новый румынский премьер генерал К. Коанда (фактически ширма для Брэтиану) ультимативно потребовал от немцев в 24 часа (!) вывести свои войска из Румынии. Это требование было предъявлено 9 ноября. А 11 ноября вступило в силу Компьенское перемирие между Германией и Антантой. Румыния была названа в нем среди стран-победительниц.

1 (13) декабря королевская семья, правительство, которое снова возглавил Брэтиану, вернулись из Ясс в Бухарест. Начались аресты коллаборационистов. Среди арестованных были и сотрудники «Lumi-na» во главе со Стере. Но после трех недель пребывания в тюрьме Вэкэрешть Стере вдруг освобождают, без передачи дела в суд и без официального его прекращения. Смысл этого маневра ясен. Напрасно требовал сам Стере прояснить его положение, напрасно просили об этом Брэтиану друзья Стере. До конца его жизни дело находилось в том же «подвешенном» состоянии⁵⁶, и противники могли эксплуатировать (действительно эксплуатировали) ситуацию вовсю.

По некоторым данным, в начале 1919 г. Брэтиану через посредников передал Стере «дружеский» совет — на пару лет исчезнуть с политической арены, лучше всего уехать из страны, а потом вернуться в либеральную партию, где ему будет обеспечено «достойное место». Стере и в самом деле уехал, жил в Женеве и в Румынию вернулся лишь в 1921 г. Но — не к либералам. Его политические ученики П. Халиппа, Д. Буздуган, С. Ницэ и др., основавшие в 1919 г. царнистскую партию Бессарабии, предложили Стере возглавить ее, обеспечили и избрание в румынский парламент (заочно он был избран еще в 1919 г. но, находясь за границей, отклонил мандат).

Однако возвращение Стере на политическую сцену в качестве лидера одной из конкурирующих группировок было воспринято либералами, и не только ими, резко враждебно. Обвиняя его в «предательстве», в «сговоре с врагом» во время войны, политические соперники утверждали, что избрание такого человека в парламент — «национальный позор», требовали лишить Стере депутатского мандата. Парламент, где большинство тогда составляли авересканцы, после бурных многодневных дебатов все же признал полномочия Стере⁵⁷. Но тогдашние политические союзники царнистов — националисты-демократы во главе с Н. Иоргой — на почве этого спора порвали блок с ними.

В ноябре 1921 г. царнисты Бессарабии и Старого королевства создали единую партию. Проект ее программы был выработан при решающем участии Стере. Он включал ряд старых идей попоранистов. Так, крестьянство рассматривалось как единый класс, который в процессе аграрной реформы может освободиться от пережитков феодализма, а затем защитить себя от социального расслоения и капиталистической эксплуатации путем развития кооперации. Официальной целью партии оставалось создание «сельской демократии», «крестьянского государства». Вместе с тем, наряду с провозглашением примата сельского хозяйства и крестьянства, признавалось и развитие промышленности, рабочего класса. Партия пролетариата именовалась в проекте «авангардным отрядом», вместе с которым царнисты обещали «вести общую борьбу за освобождение и возвышение всех трудящихся». Эти положения, равно как и признание классовой борьбы, необходимости создания нового миропорядка, основанного на принци-

пах социальной справедливости, отражали социально-экономические и социально-политические сдвиги, происшедшие в стране, влияние идей Октября, атмосферу революционного подъема. Следует, однако, иметь в виду, что «основные координаты доктрины, сформулированной и изложенной Константином Стере, никогда не принимались и не применялись полностью царанистской партией»⁵⁸. Л. Пэтрэшкану констатировал, что царанистская партия пользовалась «широкой популярностью в сельских массах» и представляла собой «реальную политическую силу». Вместе с тем он подчеркивал, что царанизм, как ранее попоранизм, «не представлял крестьянства в целом», что «с самого начала он был политическим выражением сельской буржуазии, через которую сумел привлечь и завоевать на свою сторону часть остального крестьянства». В городах царанистов поддерживали широкие слои демократически настроенной мелкой буржуазии и интеллигенции⁵⁹.

В 1922—1923 гг., при обсуждении парламентом проекта новой конституции Румынии, представленного правительством Брэтиану, царанисты резко критиковали его. Составленный Стере контрпроект предусматривал установление контроля государства за распределением, использованием, оборотом земельной собственности; уравнивание женщин в избирательных правах; гарантии прав и свобод граждан, провозглашенных конституцией; расширение местного самоуправления⁶⁰. Чтобы не допустить широкого обсуждения этих предложений, ослабить их общественный резонанс, либералы вновь инспирировали нападки на Стере по известному уже образцу.

Этот прием был использован и в 1924 г., чтобы сорвать объединение царанистов с Румынской национальной партией, базировавшейся в Трансильвании. Стере считал объединение необходимым для сплочения «позитивных классов общества» против «олигархии» (сиречь либералов) и утверждения в стране «режима конституционной законности». По его настоянию царанисты пошли «националам» на серьезные уступки программного характера. Однако Ю. Маниу и его приближенные заявили, что включение Стере в руководство объединенной партией безнадежно скомпрометирует ее. Поскольку Стере был ведущим теоретиком царанизма, другие лидеры этой партии отказались тогда пожертвовать им (хотя втайне и обсуждали с Маниу такую возможность).

В 1926 г. слияние царанистов с национальной партией произошло, наконец (объединенная партия получила название национал-царанистской). Будучи выражением «политического подчинения кулачества и его представителей буржуазии»⁶¹, объединение было достигнуто ценою новых уступок со стороны царанистов. Поскольку программные были уже сделаны, теперь речь шла о личностях, и прежде всего о Стере. Он не присутствовал на объединительном съезде и, хотя заочно был избран в Исполком, не вошел в состав руководства (бюро). Это мотивировалось возрастом и состоянием здоровья. Правда, Стере утверждал впоследствии: «Я не участвовал в делегации (бюро Исполкома.— С. М.), но со мной не только консультировались по всякому более важному вопросу — я на деле мог придать деятельности партии единую направленность и, в известной мере, уважение к принятой идеологии и программным нормам»⁶². Но — лишь до прихода ее к власти.

В ноябре 1928 г., используя недовольство масс политикой либералов, ослабление позиций НЛП в связи со смертью в 1927 г. короля Фердинанда и И. И. К. Брэтиану, радикализацию общественных настроений вследствие начинающегося экономического кризиса, национал-царанисты организовали массовые антиправительственные манифестации, заставившие кабинет В. Брэтиану (младшего брата покой-

ного) уйти в отставку. Регентство вручило бразды правления правительству НЦП.

Широковетательной программой, полной демагогических лозунгов, обещаний улучшить жизнь трудящихся (Стере впоследствии назвал ее «политической уловкой»), национал-царанисты сумели привлечь на свою сторону массы крестьян, городской мелкой буржуазии, интеллигенции, часть рабочих. Однако вместо обещанных глубоких реформ провели лишь частичную либерализацию режима. Очень скоро дальнейшее усиление борьбы масс заставило национал-царанистов сбросить маску. Расстрел забастовщиков в Лупень летом 1929 г. был первым симптомом. Затем продлевается осадное положение — в «суженной, но эластичной зоне», включающей, разумеется, и Бессарабию,— принимается закон об «охране общественного спокойствия», запрещаются собрания, конфискуются газеты, фактически восстанавливается цензура, проводятся аресты и высылки, возобновляются избиения...

Вопрос об отношениях Стере с национал-царанистским правительством заслуживает особого внимания.

По словам Стере, его контакты с королем Фердинандом, о содержании которых он не считал нужным распространяться, позиция, занятая им во время династического кризиса 1926 г., когда обсуждался вопрос о том, принять ли отречение наследного принца Кароля,— все это способствовало признанию короной царанистов, а затем и национал-царанистов «респектабельной» партией, могущей участвовать в правительстве конституционной монархии.

Немаловажную роль играл Стере во время правительственного кризиса 1928 г. Его участие в будущем правительстве считалось в эти дни само собой разумеющимся. Однако, получив мандат на формирование кабинета, председатель НЦП Ю. Маниу заявил, что «по независящим от него обстоятельствам вынужден отказаться от столь желанного для него сотрудничества со Стере». Последнему был предложен пост посла в Варшаве, который он отклонил, справедливо полагая, что его хотят таким образом удалить из страны.

Для Стере создалась, как он писал впоследствии, парадоксальная ситуация. «С одной стороны, оппозиция оказывала мне честь, избрав основной мишенью своих нападок, как будто я возглавлял правительство,— ибо понимала, что так можно потеснить партию, подорвать позиции правительства. С другой, из самого правительства предпринимались скрытые, но упорные маневры (против него.— С. М.) со стороны членов кабинета, чьи близкие связи с премьер-министром были известны»⁶³.

Стере, конечно, видел и впоследствии признал, что правительство НЦП было не тем, которого ждал народ. Он объяснял его грехи недемократичностью происхождения и состава. Кабинет Маниу, писал он, в соответствии со сложившейся в Румынии псевдоконституционной практикой, был призван к власти короной, после чего «подтвердил» свой мандат на «собственных» выборах — вместо того, чтобы стать результатом свободных выборов, проведенных при нейтральном переходном правительстве. Поэтому Маниу, по-видимому, принял определенные обязательства перед дворцом в смысле состава и программы правительства, в нем не были представлены в должной мере все части страны, все течения в НЦП.

Однако эти соображения (на наш взгляд, верные, хотя и недостаточно) Стере высказал лишь в 1930 г., после разрыва с НЦП. До этого он поддерживал правительство, хотя и критиковал, как выразился в письме к Ю. Маниу, «непрерывные отступления от принципов и серию мер и действий..., несовместимых с демократическим парламентарным правлением, равно как и нашей идеологией»⁶⁴.

Особо следует сказать о роли Стере в управлении Бессарабией. Д. Волтурин, тогда секретарь Бессарабского обкома Рабоче-Крестьянского Блока (массовой политической организации, руководимой из подполья коммунистами.— С. М.), вспоминал, что в беседе с членами обкома Стере говорил: «Бессарабия вся в моих руках. Члены нашей партии в государственном аппарате, когда принимают какое-либо решение, приходят ко мне советоваться»⁶⁵. Через пару лет (в 1930 г.) Стере, однако, утверждал противоположное: «Печать создала легенду, что перед моим уходом из партии я имел «свободу рук» в Бессарабии. Правда же состоит в том, что сограждане в Бессарабии и провинциальная организация национал-царанистской партии оказывали мне, можно сказать, неограниченное доверие (в отношении первых это, конечно, преувеличение; были у Стере и оппоненты как справа, так и слева.— С. М.). Господин премьер и его правительство при всем «благоволении» не могли совершенно игнорировать это обстоятельство. Но я вынужден был вести упорную и в большинстве случаев тщетную борьбу (за права и нужды края.— С. М.), встречая на каждом шагу цепкое и коварное сопротивление». И далее: «Нужно раз и навсегда развеять легенду, что мы, бессарабцы (в НЦП.— С. М.), имели якобы свободу действий, по крайней мере в том, что касается управления нашей провинцией. Большинство членов правительства не считалось с нашими мнениями и рекомендациями — разве лишь тогда, когда иного выхода не было»⁶⁶.

Какое из этих высказываний ближе к действительности? Быть может, в первом случае Стере преувеличивал свое влияние, чтобы придать больший вес своим советам? Или наоборот — во втором преуменьшал его, чтобы умалить и ответственность за политику в отношении Бессарабии? В нашем распоряжении нет сегодня фактов, которые позволили бы доказательно ответить на этот вопрос. Можно высказать лишь одно соображение чисто источниковедческого порядка: в первом случае мы имеем дело с передачей слов Стере по памяти, спустя сорок лет, во втором — с собственным прижизненным текстом.

В 1930 г. произошел известный, нашумевший и оставшийся в истории скандал, который привел к выходу Стере из НЦП. Инспирированный, по всем данным, либералами, инцидент ставил целью скомпрометировать национал-царанистов, самого же Стере, по возможности, выжить с политической арены. К реализации второй цели приложили, как увидим, руку и некоторые коллеги Стере по партии, втайне завидовавшие его репутации «генератора идей», «творца программ», «ментора партии» и т. д.

Фабула инцидента такова: 27 марта 1930 г. в здании бухарестской оперы отмечалась годовщина описанного решения «Сфатул цэрий». Один из ораторов, министр просвещения Н. Костэеску, упомянул о роли Стере в подготовке и осуществлении этого акта. Из зала раздались возглас «Да здравствует Стере!» и аплодисменты. Стере, находившийся в театре (он был вызван туда настойчивыми звонками от имени премьер-министра), поднялся, чтобы раскланяться. В это время три отставных генерала, занимавшие одну из лож, тоже поднялись и демонстративно, сопровождаемые группой офицеров, покинули зал.

Инцидент стал поводом для новой ожесточенной кампании против Стере. Она приняла угрожающий характер, когда военный министр генерал Чихоски в знак солидарности с бунтовщиками подал в отставку. Премьер-министр и глава НЦП Ю. Маниу, собрав на экстренное заседание бюро Исполкома партии, произнес длинную и, как обычно, увертливо-двусмысленную речь, из которой, однако, следовало, что правительство не может идти на риск разрыва с армией, объявившей себя солидарной в этом вопросе; остаются поэтому альтернативы: или уход кабинета в отставку, или ... уход Стере с политической арены.

Впрочем, подумав, Маниу назвал также (по словам Стере, вполголоса и явно для отвода глаз) третью возможность — сопротивление, борьбу.

Стере, с первых минут понявший, чего от него ждут, и предложивший свою отставку, повторил, что не намерен причинять трудности правительству и НЦП. Единственное, что он себе позволил, — категорически отклонить лицемерно-дружественные излияния Маниу и иронически поблагодарить коллег за то, что они не требуют от него самоубийства... На последовавшем заседании правительства уход Стере из партии был признан «делом само собой разумеющимся» и «совершившимся фактом».

Уход из партии деятеля, стоявшего у ее истоков, не остался, конечно, незамеченным. 36 членов национал-царанистской фракции выразили в парламенте коллективный протест, ряд уездных организаций партии потребовал возвращения Стере. Но постепенно шум затих, в том числе и благодаря «умиротворительному» маневру руководства — принятию специальной резолюции с выражением признательности Стере.

Для 65-летнего Стере наступает время мучительной переоценки ценностей: «Какой смысл в существовании национал-царанистской партии, выступающей как дублер либеральной?» Он вынужденно констатирует: «Взяв на вооружение политику «железной руки», партия, руководимая господами Ю. Маниу и И. Михалаке, фатально перестала быть политическим выражением крестьянства» (как обстояло дело с этим, мы уже говорили. — С. М.). И тут же вновь дань иллюзиям: отклонение партии от ее предназначения можно выправить, «если г. Юлиу Маниу и г. Ион Михалаке... осознают свою ответственность перед будущим и возвысятся, наконец, до уровня требований, предъявляемых к подлинным руководителям народных масс...»⁶⁷.

Через год, поняв, видимо, тщетность таких надежд, Стере создает собственную политическую партию — царанистско-демократическую. В том же 1931 г. он последний раз выбирается в парламент. В 1933 г. стеристы сливаются с другой отколовшейся от НЦП группировкой, руководимой Гр. Юнианом. Но и объединенная партия левых царанистов — радикально-царанистская — остается крайне незначительной по численности и влиянию.

В последних газетных статьях Стере ратует за «освобождение крестьян из-под опеки капитала», за союз крестьянства с рабочим классом. Но сам он отходит от политической жизни. Уединившись в имении своей второй жены (Буков, недалеко от Плоешть), он разводит цветы и диктует автобиографический роман «Накануне революции». Его посещают здесь старые друзья, бывшие сотрудники, иногда иностранные дипломаты. В 1936 г. Стере умирает от болезни сердца.

(Продолжение следует)

Note

¹ *Tertulian N. C. Stere — doctri-narul* // *Tertulian N. Eseuri*. Buc., 1968; *Căpreanu I. Ideologia lui Constantin Stere* // *Analele științifice ale Universității „Al. I. Cuza“*. Științe filozofice. Iași, 1972; *Coman I.* Un pretext, un șantaj, o mostră a politicianismului burghez: cazul Stere // *Magazin istoric*. 1972. N 6; *Maștei I. Stere C. (1865—1936)*: om politic și scriitor, ideolog al poporanismului // *Maștei I. Personalități ieșene*. Vol. III. Iași, 1978; *Mușat V.* Stere-scriitorul. Buc., 1978; *Ornea Z.* Doctrinarul Stere pînă în 1916; Stere și problema țărănească // *Ornea Z.* Comentarii. Buc., 1981; *Căpreanu I.*

Eseul unei restituiri: C. Stere. Iași, 1988. ș. a. Когда эта статья была подготовлена к печати, нам стало известно о выходе кн. Ornea L. „Viața lui Constantin Stere“. (Vol. 1. Buc., 1989), однако ознакомиться с ней мы не имели возможности.

² *Ciobanu V.* Poporanismul: geneza, evoluția, ideologia. Buc., 1946; *Micu D.* Poporanismul și „Viața românească“. Buc., 1961; *Enache I.* Contribuții la critica poporanismului. Buc., 1961; *Ornea Z.* Poporanismul. Buc., 1972; *Țărănismul: studiu sociologic*. Buc., 1969; *Scurtu I.* Din viața politică a României: întemeierea și activitatea partidului țărănesc

- (1918—1926). Бус., 1975; Din viața politică a României (1926—1947): studiu critic privind istoria Partidului național-țărănesc. Бус., 1983. ș. а.
- ³ Виноградов В. Н. Очерки общественно-политической мысли в Румынии. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 1975. С. 411—419; Гросул В. Я. Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883—1895 гг. М., 1988. С. 194, 239—240.
- ⁴ Василенко И. Моштенيريا ноастрэ литерарэ: Константин Стере // Култура Молдовей. 1963. 17 януарие.
- ⁵ Вартичан И. Май мултэ матуритате политикэ ши респундере четэценияскэ // Култура Молдовей. 1963. 21 априлие.
- ⁶ Нистру. 1988. № 4. П. 80—83, 122—124.
- ⁷ Бабий А. Концепцииле сочиоложиче ши естетиче але луй Константин Стере // Нистру. 1989. № 4.
- ⁸ Бабиу В. Константин Стере (Ын лок де постфацэ) // К. Стере. Прелудии. Пажинь де прозэ (скице литераре, повестирь) ши артиколе. Кишинэу, 1989. П. 253—262.
- ⁹ Viața românească. 1908. N 4. P. 80.
- ¹⁰ Mușat V. Stere-scriitorul. P. 5—6.
- ¹¹ Стере К. Прелудии. P. 43.
- ¹² Лурье Г. Еще о «Журнале политической ссылки» и о предыстории 1889 года // Каторга и ссылка. 1932. № 3. С. 142—148, 156.
- ¹³ Цит. по: Красная Бессарабия. 1932. С. 27, 28.
- ¹⁴ Каторга и ссылка. 1932. № 3. С. 157.
- ¹⁵ Dimineața. 1932. 26 februarie.
- ^{15a} «Считаю нравственным долгом засвидетельствовать, ... — писал тот в Петербург, — что... он представляется в настоящее время человеком, радикально изменившимся к лучшему, в котором особенно развито сознание обязанности оправдать оказанное ему доверие и снисхождение» (Центральный государственный архив ЦСРМ. Ф. 297. Оп. 1. Д. 19. Л. 2).
- ^{15b} Там же. Л. 80б.
- ¹⁶ Ornea Z. Comentarii. P. 83.
- ^{16a} ЦГА ЦСРМ. Ф. 247. Оп. 1. Д. 19. Л. 11—14, 32, 36—39.
- ¹⁷ Когда произошло его национальное самоопределение, сказать трудно. В автобиографической повести «По воле волн» герой, юный Ион Рэуту, арестованный за революционную деятельность, на вопрос о национальности отвечает: «румын». Но в показаниях Стере от 1884 г., которые хранятся в Центральном государственном историческом архиве УССР. (Ф. 419 Прокурора Одесской судебной палаты. Оп. 1. Д. 1211, Л. 12, любезно указаны В. Я. Гросулом) значится «молдаванин». Возможно, национальное самосознание Стере окончательно оформилось позднее, в годы ссылки. Возможно и иное предположение: на следствии Стере давал «безопасные» ответы. В пользу такого предположения говорит сопоставление по другим пунктам: Ион Рэуту утверждает, что не исповедует никакой религии, не считает себя ничьим подданным, а в протоколе допроса, подписанном Стере, стоит «вероисповедания православного», «русский подданный».
- ¹⁸ Căpreanu I. Eseul unei restituiri: C. Stere. P. 134—135.
- ¹⁹ Dobrogeanu-Chereș C. Opere complete. V. 4. Бус., 1977. P. 174.
- ²⁰ Ornea Z. Comentarii. P. 99, 100.
- ²¹ Căpreanu I. Eseul unei restituiri: C. Stere. P. 121.
- ²² Ornea Z. Comentarii. P. 102.
- ²³ Ornea Z. Poporanismul. P. 283—284.
- ²⁴ Stere C. Documentări și lămuriri politice. Preludii: Partidul național-țărănesc și „cazul Stere”. Бус., 1930. P. 10—11. В начале русско-японской войны 1904—1905 гг. Стере передал королю Румынии Карлу I и руководителям правительственных партий Д. А. Стурдэ и Г. Гр. Кантакузино обширный меморандум, где, предсказывая поражение царской России и возникновение там революции, предлагал использовать эти обстоятельства и международную изоляцию «северного колосса» для давления на него, имеющего целью добиться передачи Бессарабии (Ibidem. P. 8—9).
- ²⁵ Ciobanu Șt. Din istoria mișcării naționale în Basarabia. Chișinău, 1933. P. 5.
- ²⁶ Viața românească. 1937. № 1—3. P. 111. По словам Поповского, «для многих из этих юношей (если не для всех) слова Стере звучали тогда совершенно непривычно».
- ²⁷ Stere C. Documentări și lămuriri politice. P. 9—10.
- ²⁸ Stere C. In preajma revoluției. Vol. VIII. Бус., f. а. P. 229—230. В этом автобиографическом романе Е. Карада фигурирует как Л. Чуладжия, Ем. Г. Гаврилищ — как П. Г. Георгиц. Совпадающие сведения о роли Карады в финансировании «румынского национального движения в Бессарабии», сотрудничестве его со Стере см. в кн.: Teodorian-Carada M. Eugeniu Carada (1936—1910). Бус., 1922. P. 103—104.
- ²⁹ Цит. по кн.: Ornea Z. Poporanismul. P. 298.
- ³⁰ Stere C. In preajma revoluției. Vol. VIII. P. 383.
- ³¹ Viața românească. 1907. N 4. P. 144.
- ³² Viața românească. 1911. N 6. P. 445.
- ³³ Известный консервативный политик А. Маргилومان передает в своем дневнике следующий разговор с королем: «О Стере: он выглядит

совершенно подавленным. Его пакт с Бэдэрэу (руководитель ясских тактистов.— С. М.) не будет нарушен. Брэтиану не захотел ввести его в правительство: нужно еще подождать, сказал он якобы» (Marghiloman A. Note politice 1897—1924. V. 1. Buc., 1927. P. 80).

³⁴ Подробно об этой полемике см. в кн.: Мошану А. К. Рабочее и социалистическое движение в Румынии (1907—1914 гг.). Кишинев, 1974. С. 119—126. Следует сказать, что Стере, видимо, понимал шаткость доводов. В заключение он оговаривался: «Со временем, конечно, выявится, что в них вкрались ошибочные констатации, неоправданные оценки, поспешные обобщения. Истину могут дать нам лишь трудоемкие исследования, настойчивые, неустанные поиски... Но... любой, чья мысль бьется в поисках руководящей нити, движимая нравственной потребностью в ориентации, обязан сказать свое слово» (Viața românească. 1908. № 4. P. 80).

³⁵ Всего должно было быть выкуплено около 1 млн га. Для сравнения скажем, что летом 1917 г., в условиях революционного подъема, закон о пересмотре конституции говорил об отчуждении 2 млн га, фактически же в результате проведения аграрной реформы 1918—1922 гг. от помещиков к крестьянам перешло около 6 млн га, что тоже не решило земельной проблемы полностью (в 30-е гг., по официальным данным, безземельными остались около 300 тыс. крестьянских семей).

³⁶ Ornea Z. Comentarii. P. 130.

³⁷ Iorga N. Istoria românilor. Vol. X. Buc., 1939. P. 359.

³⁸ Архив внешней политики России. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 304. Л. 65. 71. Автор выражает искреннюю благодарность И. М. Лапиной за предоставление архивных выписок по этому вопросу.

³⁹ Bacalbașa C. Bucureștii de altă dată. V. IV. ed. 2. Buc., 1936. P. 171.

⁴⁰ Стере понимал, что исход мировой схватки наперед невозможно знать. Его рассуждения поэтому строились как цепь альтернатив: если победят немцы... если победит Антанта... если Антанта победит с участием России... если она победит, несмотря на поражение России... вывод звучал так: «ни в коем случае не идти с Россией», ибо она неминуемо будет разбита, если же чудом окажется победительницей, то «проглотит» Румынию (подробно см. в кн.: Stere C. Marele război și politica României. Buc., 1918). Помимо политического расчета, в основе этой позиции лежал мотив эмоциональный: «Чтобы я, бессарабец... я, один из немногих выживших среди тысяч товарищей, павших в борьбе против царского деспотизма, вдруг стал на службу тирану моего наро-

да, воплощающему для меня все мрачные силы мировой истории!» (Stere C. Documentări și lămuriri politice. P. 32).

⁴¹ Stere C. Documentări și lămuriri politice. P. 236.

⁴² Sevastos M. Amintiri de la „Viața românească”. P. 99.

⁴³ Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969. С. 284.

⁴⁴ Взаимоотношения Стере с оккупационными властями в связи с изданием газеты до сих пор не прояснены до конца. Представитель Австро-Венгрии в Бухаресте сообщал в Вену: «Несомненно, что Стере обязан немцам с тех пор, как те разрешили ему выпускать газету. Он, однако, избегает прямых вопросов, касающихся этих обязательств» (Цит. по кн.: Mușat M., Ardeleanu I. De la statul geto-dac la statul român unitar. Buc., 1983. P. 545). Впоследствии Стере заявлял, что оккупанты, имевшие свой печатный орган («Gazeta Bucureștilor») относились к «Lumina» без особого энтузиазма, чинили ей цензурные и иные препятствия (Stere C. Un car de conștiință. Cuvântările rostite în ședințele Adunării deputaților din 4, 5 și 9 martie 1921 asupra validării alegerii din județul Soroca. Buc., 1921. P. 51, 60). Известно, что тираж «Лумины» вначале составлял 8 тыс. экземпляров. После заключения предварительного мира в Буффе, когда в Яссах утвердился прогерманский кабинет Маргиломана, газета стала широко распространяться на неоккупированной территории, в связи с чем тираж резко возрос (до 100 тыс. экз.).

⁴⁵ Marghiloman A. Op. cit. V. III. P. 232, 286, 342.

⁴⁶ «Сфатул цэрий» — верховный орган для управления Бессарабией до созыва Бессарабского учредительного собрания, учрежденный по решению I Всероссийского военномолдавского съезда в Кишиневе от 27 октября (9 ноября) 1917 г. Частично (около 25%) был избран на самом съезде, в основном же составлен из представителей, делегированных земствами, городскими думами, кооперативами, профсоюзами, объединениями интеллигенции, женщин, духовенством, Молдавской национальной партией, обществами национальностей, местными организациями общероссийских партий, губисполкомом Советов. Начал работу 21 ноября (ст. г.) 1917 г. 2 (15) декабря провозгласил Бессарабию Молдавской Народной Республикой (в составе «федеративной демократической республики России») и создал свой исполнительный орган — Совет генеральных директоров. В двадцатых числах декабря относительным большинством предоставил Совету генеральных директоров карт-бланш для выбора мер

борьбы с «анархией», на основе чего тот обратился за военной помощью к королевской Румынии. Уже после ввода румынских войск, 24 января (6 февраля) 1918 г. провозгласил Молдавскую республику независимой.

⁴⁷ Marghiloman A. Op. cit. V. III. P. 443—444, 448—449.

⁴⁸ Viața românească. 1937. N 1—3. P. 40.

⁴⁹ Bogos D. La răspîntie. Moldova de la anii 1917—1918. Chișinău, 1924. P. 139.

⁵⁰ Голос народа (Кишинев). 1990. 27 марта. С. 27.

⁵¹ Viața românească. 1937. N 1—3. P. 40.

⁵² Ibidem. P. 112—113.

⁵³ Есть, однако, и иное мнение. Его сформулировал от имени либералов один из их лидеров — И. Г. Дука. Ссылаясь на Инкульца, впоследствии примкнувшего к либералам, и других (неназванных) «бессарабских деятелей», Дука пишет: «Деятельность Стере скорее затруднила, чем облегчила дело объединения»; речи Стере на две трети были бесполезны, ибо адресовались людям, которые и так голосовали бы «за», на треть — даже вредны, ибо могли создать у противников присоединения ощущение, что от их позиции что-то зависит; на заседании «Сфатул țărilor» 27 марта Стере был не более чем почетным гостем. «Такова, если быть вполне беспристрастным, историческая истина», — сентенциозно заключает Дука (*Duca I. G. Amintiri politice. München, 1982. Vol. III. P. 87*) В действительности это пример того, как политическая пристрастность может исказить оценку исторических фактов.

⁵⁴ Schina M. C. Basarabia. Ianuarie 1918—iunie 1919. Buc., 1938. P. 32—33.

⁵⁵ Впрочем, этот орган, распущенный в мае 1918 г. на каникулы, соберется лишь в ноябре, когда в преддверии Парижской мирной конференции румынскому правительству понадобится оформить «безусловное присоединение» Бессарабии, после чего прекратит существование.

⁵⁶ По утверждению В. Мушат, досье Стере впоследствии исчезло из суда, переместившись в письменный стол короля Фердинанда (*Mușat V. Op. cit. P. 47*).

⁵⁷ На профессорскую же должность в Ясском университете Стере так и не смог вернуться из-за ожесточенного сопротивления группы профессоров юридического факульте-

та во главе с небезызвестным А. К. Кузой.

⁵⁸ Căpreanu I. Eseul unei restitui-ri: C. Stere. P. 350.

⁵⁹ Pătrășcanu L. Problemele de bază ale României. Buc., 1945. P. 229, 230; Idem. Sub trei dictaturi. Buc., 1970. P. 86—87.

⁶⁰ Anteproiect de Constituție întocmit de secția de studii a Partidului țărănesc. Cu o expunere de motive de C. Stere. Buc., 1922. P. 16—17, 60, 75, 79, 88, 91, 99—101, 115; В 1921—1924 гг., находясь в оппозиции, Стере активно выступал за отмену осадного положения, освобождение политических заключенных, протестовал против судебных расправ над коммунистами, против зверств сигуранцы и жандармерии; в 1926 г. резко критиковал предложенный либералами избирательный закон, нарушавший принцип пропорционального представительства.

⁶¹ Pătrășcanu L. Op. cit. P. 232.

⁶² Stere C. Documentări și lămuriri politice. P. 70.

⁶³ Ibidem. P. 141.

⁶⁴ Ibidem. P. 254.

⁶⁵ Кодры. 1969. № 9. С. 138. Стере убеждал собеседников, что «крупницы свобод, предоставленных нашим (национал-царанистским. — С. М.) правительством после долгих лет режима олигархии, нужно беречь как зеницу ока и не давать темным силам повода требовать ввести снова осадное положение и другие репрессивные меры». Таким поводом, по его словам, могло стать выдвижение РКБ требования самоопределения Бессарабии вплоть до отделения от Румынии и присоединения к СССР.

⁶⁶ Stere C. Documentări și lămuriri politice. P. 111, 142. Это утверждение Стере подкреплял примерами: в пяти из девяти уездов Бессарабии префектами были назначены лица, присланные из Старого королевства, треть парламентских мест от Бессарабии отдана выходцам из Старого королевства и других провинций; среди председателей судов в провинции нет ни одного бессарабца («после огромных усилий и героической борьбы был, наконец, назначен один»); нет ни одного администратора-бессарабца в финансах, ни одного начальника в какой-либо из отраслей управления; Бессарабия — единственная в Румынии провинция, где министерский директор не из местных жителей. (*Ibidem. P. 110—111*).

⁶⁷ Ibidem. P. 169, 170, 178.

SCHIȚE DOCUMENTARE

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

V. I. Mischevca, I. A. Negrei

MATERIALE DE VEXILOLOGIE HERALDICA (Mențiuni și descrieri de steaguri și drapele moldovenesti din sec. XV — mijlocul sec. XIX)

Până nu demult problema cu privire la culorile drapelelor, la subiectul stemelor și a altor simboluri heraldice ale Moldovei nu s-a aflat în atenția istoricilor noștri. Totodată, începând cu secolul trecut și până în prezent, tematica respectivă a fost obiectivul permanent al investigațiilor în istoriografia română¹.

În condițiile restructurării societății noastre o amploare tot mai mare capătă interesul cercurilor largi ale populației republicii față de tradiția istorică, inclusiv simbolică națională. De aici și reiese una din sarcinile istoriografiei sovietice moldovenesti, ce constă în cercetarea profundă și complexă a disciplinelor istorice auxiliare — heraldica (se preocupă de studierea și elaborarea stemelor, blazoanelor), vexilologia (studiază steagurile și drapelele) și altele.

Primele încercări de a elucidă problema simbolicii național-statale au fost întreprinse în anul 1989 — începutul anului 1990 prin publicarea în presa republicană a unui șir de articole despre drapelele din trecut și cele din prezent ale statului moldovenesc, despre cromatica lor tradițională². La această temă au fost rostite cele mai diverse opinii, uneori chiar contradictorii.

Generalizând cele discutate până acum, putem conchide, că astăzi problema cu privire la istoria steagurilor și drapelelor necesită o abordare nouă, o abordare științifică față de polemica publicistică ce s-a desfășurat în jurul acestei teme importante pe parcursul anului trecut. La cercetarea lor se cere studierea în complex a tuturor mențiunilor despre steagurile moldovenesti pe parcursul secolelor evului mediu și a epocii noi, precum și analiza vastei istoriografii consacrate acestei teme.

Cu alte cuvinte, problema simbolicii național-statale necesită un studiu aparte, pe care, sperăm, îl vom avea în viitorul apropiat. Noi, însă, vom face în comunicarea de față numai o scurtă trecere în revistă a mențiunilor despre steagurile moldovenesti pe parcursul secolelor XV—XIX, atestate la această oră în izvoarele accesibile și literatura cunoscută. Cronologic această perioadă cuprinde intervalul de timp începând cu epoca lui Ștefan cel Mare și până la unirea la 1859 a principatelor Moldovei și Munteniei și formarea statului român modern.

Anticipând, putem constata, că de-a lungul veacurilor drapelele evident au jucat un rol important în viața politică, militară, bisericească a oricărui stat suveran. Moldova medievală era individualizată pe harta politică a Europei și prin culorile sale proprii, care, de altfel, exprimau autoritatea puterii de stat, gradul de independență statală, iar mai târziu autonomia și năzuința spre suveranitatea deplină. Cărturarul și domnitorul muntean Neagoe Basarab (1512—1521), în poveștile adresate fiului său Theodosie, compară importanța drapelului pe câmpul de luptă cu rolul domnitorului aflat în fruntea oștirilor: „minteă stă în trupul omului dreptu, ca și cum stă steagul în mijlocul războiului și caută toată oastea la steag, și până stă steagul în războiu nu să cheamă acel războiu biruit. Măcar de are și năvală grea spre sine, el tot caută steagului și să adună toți împrejurul lui. Iar dacă cade steagul, de aici toate oștile se risipesc și nu să știe unul cu altul cum fac și încotro mergu. Așijderea este și domnitorul: până stă mintea lui întrînsul întreagă, toate oștile se strîngu împrejurul lui, și lui caută, ca și împrejurul steagului...”³.

În Moldova medievală steagurile în evul mediu erau de mai multe feluri: stindardul domnesc sau al țării, steagurile ostășești cu însemne religioase, documentate încă din veacul XV, ale căror culoare, inscripții și reprezentări picturale variaau de la epocă la epocă; steagul (sangeacul) și tuiurile dăruite de sultan la învestirea domnilor, steagurile breslelor de slujitori (oșteni) și cele ale unităților militare, steagurile dregătorilor militari. În sfârșit amintim aici și micile steaguri purtate de boieri spre virful sulitelor (cu stemele lor) și de trupele călări, ale căror culori erau uneori cele ale steagului unității din care făceau parte⁴.

În Moldova feudală din paleta culorilor tradiționale folosite la confecționarea steagurilor a dominat, în fond, cromatica tricoloră în diferite variațiuni: roșu, albastru (azuriu), galben. Uneori apar și alte culori, care erau prezente de cele mai multe ori în detalii (stemă, inscripții). E semnificativ faptul, că culorile menționate mai sus, în următoarea consecutivitate — galben (culoarea aurului), roșu și albastru, — conform tracta-

tului din sec. XIV italianului Bartolo di Sassoferrato „Despre însemne și steme“, sînt cele mai „nobile“ din cromatica heraldică⁵.

Tradițional pe steagurile Moldovei medievale au persistat două însemne: capul de bour (zimbru) — simbolul statalității moldovenești și Sfîntul Gheorghe, considerat purtătorul de biruință al creștinătății asupra păgînismului.

Credem că materialele prezentate, care, sîntem siguri, vor fi în viitor completate cu noi mențiuni și atestări, vor servi la elucidarea problemei simbolurilor național-statale ale Moldovei.

* * *

ANUL 1467. Pe un desen grafic dintr-o cronică ungară (1488), ce reprezintă o scenă de luptă dintre armata moldovenească și oastea ungară în bătălia de la Baia (1467), se vede un steag moldovenesc. Pinza (din păcate „tehnologia“ desenului grafic nu ne permite să ne pronunțăm în privința culorilor) este împărțită în cîteva secțiuni verticale. Lîngă hampă, aproape pe întreaga lățime a pînzei, este zugrăvită stema Moldovei — capul de bour (zimbru).

Romanescu Gh. Marile bătălii ale românilor. — Buc., 1982. P. 88.

A DOUA JUMĂTATE A SEC. XV. Pe o stampă, executată în timpul domniei lui Ștefan cel Mare, este reprezentată o corabie moldovenească ce are ridicat pe catarg un steag. El este de o formă dreptunghiulară, aproape patrată. Pe pînză, în centru, se evidențiază stema Statului Moldovenesc — capul de zimbru, avînd între coarne o stea cu cinci colțuri. În partea stîngă, la nivelul coarnelor bourului, se vede o stea cu cinci colțuri sau o roză cu cinci petale. În dreapta, la acelaș nivel — semnul crai nou (semiluna). Tehnica de executare a stampeii nu ne permite să distingem careva culori. În orice caz, pe pînză nu s-au păstrat urme (semne) de distribuție a cîtorva culori. Mai degrabă pînza pare a fi monocoloră.

Romanescu Gh. Oastea română de-a lungul veacurilor. — Buc., 1976. P. 64.

ANUL 1500. Mai bine de patru secole s-a păstrat în mănăstirea Zografu din Sfîntul Munte Athos (actualmente Grecia) — ctitoria lui Ștefan cel Mare, un steag dăruit de domnitorul Moldovei în 1500. Tradiția mănăstirii spune, că steagul acesta a fost țesut de mîna domniței Elena, fiica lui Ștefan cel Mare. În 1917 drapelul a fost luat de la sînta mănăstire de către armata franceză, adus în România, predat în 1919 Muzeului Militar Național din București, unde se păstrează pînă astăzi. Fondalul drapelului este de culoare roșu-deschis și are mărimea de 1,2 pe 0,9 m. S-a păstrat numai fața ce reprezintă scena — Sfîntul Gheorghe străpunge balaurul. Icoana Sfîntului Gheorghe este artistic brodată pe atlas roșu-deschis, cu fire de aur, argint și mătase: albă, verde și roșie. El este înveșmîntat cu o tunică cu mînci strîmte, și pe de-asupra cu o a doua tunică, mai largă de la mijloc în jos. Haina sfîntului este de culoare cenușie, bălînd în verde, haina de desubt — verde. Sfîntul Gheorghe șade pe tron, pe o perină roșie, trăgînd spada din teacă și zdrobind sub picioarele lui balaurul cu trei capete, ce se încolăcește pe sub tron. Aripile balaurului sînt verzi. Sfîntul Gheorghe cu mîna stîngă ține spada, întinsă paralel cu trupul, iar cu dreapta trage de gardă. Doi îngeri coborînd din cer îi aduc, cel din dreapta capului — o sabie, iar cel din stînga — un scut încrucișat cu pietre scumpe, și-i pun pe cap o frumoasă coroană cu 9 colțuri, împodobită și ea cu două rînduri de pietre scumpe. În jurul capului sfîntului și pe marginea icoanei sale se află următoarea inscripție în limba greacă: „Sfîntul Gheorghe din Capadocia“. Icoana Sfîntului Gheorghe este încadrată pe margini cu următoarea inscripție slavonească în litere de aur (galben): „O, îndelung răbdătorule și de biruință purtătorule, mare mucenice Gheorghe, cea ce la nevoie și în năpaste ești grabnic apărător și fierbinte ajutător, și celor întristați bucurie nespūsă, primește de la noi și această rugăminte a smeritului robului tău a domnului Io Ștefan Voievod, cu mila lui Dumnezeu domn Țării Moldovei, și-l păzește pe el neatins în acest veac și în cel viitor, cu rugăciunile celor ce te cinșesc pe tine, ca să te proslăvim pe tine în veci, amin! Și s-a făcut în anul 7008, iar al domniei lui anul al 43-lea.“

Nicolăescu St. Din daniile lui Ștefan cel Mare făcute mănăstirii Zografu de la Sfîntul Munte Athos. — Buc., 1938. P. 16; Cultura moldovenească în timpul lui Ștefan cel Mare. Culegere de studii îngrijită de M. Berza. — Buc., 1964. P. 506—507.

ANUL 1500. Din daniile făcute de către Ștefan cel Mare mănăstirii Zografu de la Muntele Athos mai face parte încă un steag, dăruit tot în anul 1500. Steagul, de forma prapurilor bisericești, are în lungime un metru, mai tot atîta în lățime și în partea de jos — trei colțuri. Cîmpul pînzei este din atlas roșu.

Pe o față este reprezentată scena botezului Domnului Isus Hristos, cusută cu fir de aur, argint și mătase — albă, galbenă, roșie și verde, purtînd pe margini următoarea inscripție în slavonească: „În Iordan botezîndu-te tu, Doamne, închinarea Treimeii s-a arătat; că glasul părintelui a mărturisit ție, Fiu iubit pre tine numindu-te, și Duhul în chip de porumb a adevărit întrarea cuvîntului. Cel ce te-ai arătat, Hristoase Dumnezeu, și lumea ai luminat, mîrire ție!“

Pe fața a doua este reprezentat hramul sfintei mănăstiri — icoana sfîntului Cheor-

ghe, călare pe un cal alb, omorînd cu sulița balaurul. Icoana sfîntului este bogat lucrată cu fir de argint, aur și mătase — albă, roșie și verde. Mantia sfîntului este roșie. Icoana este încadrată cu următoarea inscripție cu litere de aur în limba slavonească: „Ca un izbăvitor al celor robiți și săraci folositor, neputincioșilor doctor, împăraților ajutor, purtătorilor de biruință mare mucenice Gheorghe, roagă pe Hristos Dumnezeu, să mîntuiască sufletele noastre“.

Năsturel P. V. Steagul, stema română, însemnele domnești. Trofee. Cercetare critică pe terenul istoriei. Buc., 1903. P. 2—3; **NICOLAESCU ST.** Din danile lui Ștefan cel Mare făcute mănăstirii Zografu de la Sfîntul Munte Athos.—Buc., 1938. P. 16—19.

ANUL 1531. Pe o gravură din cartea cronicului polon Martin Bielski, apărută la 1597, este înfățișată poziția de atac a cavaleriei moldovenesti în lupta împotriva forțelor armate polone în bătălia de la Obertyn din 22 august 1531. De asupra corpului de cavalerie din centru, precum și la ilangul stîng, filfie două steaguri moldovenesti de formă triunghiulară. După felul cum sînt reprezentate pe desen par a fi monocolor. Pe pînza steagurilor, lîngă hampă, este stema Moldovei — capul de zimbru, la stînga — soarele sau roza, la dreapta — semiluna.

Bielski M. Kronica Polska. Cracovia, 1597 // Petru Rareș.—Buc., 1978. P. 125.

ANUL 1574. În Polonia la ceremonia încoronării lui Henri Valua (1574) a fost atestat și un stîndard moldovenesc. Italianul A. Guagninus în descrierile sale menționează, că pe acest steag era reprezentat capul de zimbru cu un belciug în nări și o stea între coarne, iar în partea stîngă avînd semiluna — toate fiind plasate pe un cîmp azuriu. („...Palatinatus Walachiae/recte—Moldaviae.—n. n./vexillum, capite bizontis inter cornua stella et latere dextro luna defectioşa ornatum, cum circulo per nares transductio in campo coelestino...“)

Guagninus A. Sarmatiae Europaeae descriptio..., Cracovie, 1587, fsl. 48./Mănescu J. N. Sur l'origine des armoaries des Principautés Roumaines.// Revue Roumaine d'Histoire, XXVI, n. 4, 1987. P. 357.

ANUL 1601. De la începutul sec. XVII într-o bibliotecă din Drezda s-a păstrat o acvarelă cu imaginea steagurilor cucerite de Mihai Viteazul în ultima sa luptă cu I. Movilă și S. Bathory la Guruslău (3 august 1601). Printre cele 110 steaguri dobîndite de M. Viteazul s-a aflat și un steag al domnitorului Moldovei Ieremia Movilă (1595—1600; 1600—1606) — „Moldausche Landts Knechts Fehnlein“. În partea de sus a steagului este o inscripție cu titulatura domnitorului în limba slavonă și data 1601 (7109). În centrul pînzei, pe un fundal roșu este desenat în culori alb-argintii un element al stemei Moldovei (stema tradițională) — capul de bour, care are între coarne o stea cu opt colțuri și în ambele părți semiluna, înconjurată de un cerc cu o cruce în partea de sus. Pe perimetru steagul are un brîu lat de culoare galbenă. Acesta este unicul exemplar al steagului moldovenesc din evul mediu, care-i zugrăvit împreună cu hampa de culoare galben-roșie, ce are la capăt ciucure de culoare albastră. Pînza e fixată de hampă vertical.

Karadja C. I. Steagurile cucerite Mihai Viteazul în lupta de la Guruslău din 3 august 1601.—Buc., 1933; **Rezachevici C.** Steagurile militare ale Țării Românești și Moldovei în veacul al XVII // Revista de istorie, n. 8, 1976. P. 1201.

ANUL 1622. În descrierea primirii soliei ducelui polonez Cristofor de Zbaraz la curtea domnitorului moldovean Ștefan Tomșa al II (1621—1623) se menționează că: „nu departe stătea iarăși domnul ușor înarmat; deasupra lui filfia steagul verde împărtesc cu semiluna otomană și alt steag roșu al Țării Moldovei, cu capul de bour“.

Călători străini despre Țările Române. Vol. IV.—Buc., 1972. P. 500.

ANUL 1636. Într-o descriere a soliei lui Jezzy Krasinsky se spune, că el a fost întîmpinat de domnitorul Moldovei Vasile Lupu, care era însoțit de „numai cîțiva boieri cu două steaguri, dintre care unul era albastru cu o cruce roșie, iar celălalt alb cu o dungă roșie.“ Iar mai tîrziu „pentru a onora soliile, a vrut totuși să arăte că își face datoria și a trimis cîteva zeci de boieri sub un steag albastru, ca să însoțească pe sol.“

Călători străini despre Țările Române. Vol. V.—Buc., 1973. P. 114, 117.

ANII 1663—1664. Descriind tabăra moldovenilor, muntenilor și turcilor de lîngă Ujvar în timpul campaniei din anul 1664 împotriva imperialilor, **Andrea Holț** menționează, că cei 6000 de munteni și 4000 de moldoveni (majoritatea țărani), ce se aflau aici, aveau stegulețe roșii și albe la sulițe și steaguri cu cruci roșii și albe cu chipuri a Sf. Gheorghe, Maica Domnului și alte subiecte religioase, iar înaintea domnitorilor, — **E. Dabija** (Moldova) și **Gr. Ghica** (Muntenia), — au fost purtate două stîndarde cu stemele acestor principate.

Hurmuzaki E. Documente, Vol. IX, P. I.—Buc.,

1897, P. 221 Iorga N. Acte și fragmente.— Buc., 1895. P. 259—260.

ANII 1677—1678. Solul polonez Ioan Gninski, palatin de Culm, relatează despre solia sa în Moldova din anii 1677—1678, că: „...îndată ce am pornit au urmat și boierii și toată curtea sub un steag roșu de stofă de Damasc în chip de insignă militară... Aproape de Iași s-au ivit în câmp steagurile de călăreți moldoveni așezate într-un singur șir, în număr de douăzeci și șase de steaguri de seimeni și alte șase steaguri de pedestrimă moldovenească.”

Călători străini despre Țările Române. Vol. VII.— Buc., 1980. P. 352.

ANII 1664 sau 1683 (?). În a doua jumătate a sec. XIX la unul din muzeele din Drezda a fost descoperit și descris un steag din sec. XVII. Unii autori (T. Codrescu, M. Sturdza-Săucești, A. I. Gonța și a.) susțin, că acest steag i-a aparținut domnitorului muntean Șerban Cantacuzino (1678—1688), fiind pierdut în timpul asediului Vienei la 1683. Atunci, când regele polon I. Sobiesky, venind în ajutorul asediaților, cuceri acest steag și-l duse la Cracovia, de unde sub August al II-lea Electorul de Saxonia, ales de poloni rege, în 1697 steagul ajunsese în muzeul din Drezda...

Însă alți istorici (C. I. Karadja, R. Rosseti, C. Rezachevici și a.) atribuie acest steag istoric lui Istratie Dabija, voievodul Moldovei în 1661—1665, oștenii căruia s-au înfruntat în iulie 1664 cu austriecii în bătălia de la Lewenț (Leva), unde a și fost capturat de către August de Holstein, comandantul infanteriei saxone.

Acest steag militar a fost retrocedat României în anul 1937. Steagul e confecționat din pînză de „damasc” de culoarea galbenă, pe care-i zugrăvită „efigia Salvatorului lumii Isus”, stînd pe un tron împărătesc roșu „și ținînd în mîna stîngă o carte, în dreapta căreia se citesc cuvintele „prindă-se blagoslovenia”, iar în stînga textul fiind indescifrabil, apoi cu mîna dreaptă arată spre cîmpul steagului, pe care se pot citi următoarele cuvinte: „Vitejia dreaptă să biruiască”.

Codrescu T. Uricarul. Vol. VII.— Iași, 1886. P. 240; **Sturdza-Săucești M., Gonța A. I.** Tricolorul românesc simbol al unității naționale sub Mihai Viteazul // Revista arhivelor, 1968, n. 2, p. 71; **Karadja C.** Tot despre steagul lui Istratie Dabija, răscumpărat de Guvernul român în 1937 // Revista de istorie, n. 1—3, 1938. P. 119—122; **Rezachevici C.** Steagurile militare ale Țării Românești și Moldovei în veacul XVII // Revista de istorie, n. 8, 1976. P. 1202.

INCEPUTUL sec. XVIII. Într-un muzeu din Suedia a fost descoperit un steag militar, care aparținea, probabil, unui regiment de „cavalerie valahă”, ce-și făcea serviciul la curtea regelui Carol al XII (1697—1718). Muzeul de istorie din Stockholm l-a obținut de la o biserică din orașul Eksjö (provincia Smaland), unde a fost tocmai sediul unui din cele două regimente de cavalerie ușoară, denumită „valahă”, ostașii cărora l-au însoțit, printre altele, pe Carol al XII în campania lui în Rusia, iar apoi și în sediul său de la Bender (Tighina).

Acest steag, fiind descris în 1929, înfățișează chipul Sfințului Gheorge și are mărimea de 213 pe 96 cm.: „Brodă pe catifea de mătăsă, acum cafenie, pare a fi fost cînd era nou de culoare vinată sau vișinie închisă. Nu este căptușit și prezintă rupturi sus sau urme de rugină după cuie. Este în stare de conservare destul de bună și micile deteriorări ce le arată par a fi mai mult datorită vremii decît întrebuițării prelungite. Marginile fiind încă pe alocuri destrămate, că și cînd ar fi fost descusute, ne închipuim că drapelul a fost cîndva... singura inscripție pe steag, ΟΓΓΙΟC ΓΕΟΡΓΙΟC este în limba greacă... Broderia este de mătăsă și fir, lucrată cu o măiestrie desăvîrșită, direct pe fondul de catifea... steagul... este azi foarte decolorat...”

Karadja C. I. Un steag, poate românesc, în Suedia // Revista istorică, XV, 1929, n. 4—6. P. 145—148.

INCEPUTUL sec. XVIII. D. Cantemir relatează, că domnitorul Moldovei primea de la Poarta Otomană „însemnele domniei, două cozi de cal (tuiuri) și un steag (căruia îi zice sangeac) cu pompă mai mare...” După aceasta el cu o ceremonie deosebită plecă din Istanbul „cu steagu lui înainte”, însoțit de „o muzică creștină, dorobane și trîmbițe, și în urma ei un steag alb, semn al păcii și supunerii... În spatele domnului sînt oamenii lui de casă, după care trei sangeacuri roșii desfășurate, dintre care cel din mijloc are în vîrf o jumătate de lună, sau alem, iar celelalte sînt împodobite cu niște bumbi rotunzi auriți...”

Cantemir D. Descrierea Moldovei.— Buc., 1973, P. 163, 169.

ANII 1806—1807. În 1943 pe adresa Muzeului Național din București a fost trimis de la Odesa un steag domnesc. Examinat în de aproape s-a stabilit că e vorba de un steag al lui Constantin Ipsilanti — „domn amînduror țărilor Moldovei și Valahiei” din decembrie 1806 pînă în august 1807. Steagul e din stofă de mătase, de formă dreptunghiulară, lungă de 0,8 m, lată de 0,67 m, de culoare albă, bătînd în galben, iar de jur împrejur tivită cu un galon de mătase, lat de 0,25 m, cu țesătura deosebită de restul pînzei.

La mijloc se vede o ghirlandă, formată din două ramuri de măsline, cu frunze verzi, ale căror cozi se ating în partea de jos, pe când virfurile doar se apropie, lăsând o mică distanță între ele; ghirlanda este timbrată cu o coroană princiară de culoare roșie cu cruce galbenă.

Cîmpul, aproape circular, închis de ghirlandă, este pictat, jumătatea cea de sus — în culoare albastră, iar cea de jos — în culoare verde; pe jumătatea de sus, și anume în partea dreaptă, se află, pictat în negru, vulturul cu crucea de aur în cioc, conturat spre dreapta și în poziția de a-și lua zborul, iar în stînga, capul de zimbru, în profil spre vultur, în culoare neagră deschisă. Dedeșubtul lor se încrucișează patru fevi de tun, dispuse câte două cu gurile îndreptate spre marginea pînzei steagului, două prăjini, poate chiar sulije — de steaguri, dispuse simetric de o parte și de alta, două goarne și două săbii dispuse la fel, două tobe, precum și două scuturi — toate pictate în culoare cafenie.

Întreaga pictură este pe o pînză de mătase, de forma și mărimea cîmpului, cuprins de ghirlandă, aplicată pe pînza steagului și tivită pe margine cu un șnur subțire de fir galben. Din fiecare colț al pînzei, pornește spre centru, însă numai pînă la ghirlandă, câte o fișie lată de mătase de aceeași calitate, țesătură și culoare ca aceea a galonului mărginaș. Pe aceste fișii la colțurile pînzei steagului, sînt două feluri de monograme, dispuse câte două în sens opus diagonal. Prima monogramă este formată din două litere grecești Κ (kapa) și Β (vita), corespunzătoare lui C și V latin. Aceste două litere formează inițialele cuvintelor Constantin Voievod. A doua monogramă este formată din trei litere — două grecești Υ (ypsilon) și Π (pi), a treia literă este slavonă — С, corespunzătoare literei latine S. Prin urmare, avem literele Y, P, S — Ypsilanti — tocmai numele de familie al domnitorului. Toate aceste litere sînt scrise cu cerneală roșie, peste care s-a aplicat praf auriu, iar deasupra fiecărei monograme se află câte o coroană princiară cu cruce.

La fel pornește înspre centru de la mijlocul fiecărei laturi a pînzei steagului, însă tot pînă la ghirlandă, câte o fișie de mătase de aceeași calitate, țesătură și culoare ca cele diagonale, pe care sînt monogramele.

Pe fața a doua sînt exact aceleași figuri, însă nu pe dosul pînzei primei picturi, ci pe o altă pînza de aceeași mărime și formă, aplicată pe steag pe fața întii. La fel sînt aplicate și fișile care o brăzdează diagonal și cruciș. Deosebirea constă în aceea, că vulturul ia locul capului de zimbru, iar o categorie de monograme ia locul celeilalte.

Velcu A. D. Steagul lui Constantin vodă Ipsylanti // În amintirea lui Constantin Giurescu la douăzeci și cinci de ani de la moartea lui (1875—1918). — Buc., 1944. P. 547—550.

ANUL 1813. Într-un document emis la 1813 de Scarlat Calimahi (1812—1819) în senestra pavilionului domnesc al Moldovei se vede un standard cu bourul pe fond roșu.

Năsturel P. V. Steagul, stema României... — Buc., 1903. P. 43; **Sturdza-Săucești M., Gonța Al. I.** „Tricolorul românesc simbol al unității naționale sub Mihai Viteazul // Revista arhivelor, N 2. 1968. P. 43.

ANUL 1821. La 1821 în ținutul Dorohoi căminarul Ștefanachi Gherghel și paharnicul Gavril Istrati, pornind de la Zvoriștea, izbutesc să ridice vre-o trei mii de săteni împotriva eteriștilor. Țăranii răsculați din ținuturile Dorohoi, Botoșani și a au abordat steaguri roșii — „semn de războiu și de moarte” și au coborît în valea Siretului pînă la Stăuțești, unde și-au pus tabăra pe înălțimile ce domină șesul.

Oțetea A. Tudor Vladimirescu și mișcarea eteristă în Țările Românești (1821—1822). // Balcania, IV. — Buc., MXMXLI, P. 192—193.

ANUL 1834. În muzeul de istorie din România se păstrează un drapel militar al unei unități militare (armate) din timpul domniei lui Mihai Sturdza, domnitor al Moldovei între anii 1834—1849. Pînza drapelului este un pătrat cu latura de 1,44 m din mătasă dublă, avînd culorile dispuse în așa fel, încît pe fondul general albastru culoarea roșie formează, în cele patru colțuri, câte un pătrat cu latura de 0,40 m.

Pe o față, pe fondul albastru din centrul pînzei e pictată stema Țării Moldovei — capul de bour aurit cu o stea de argint cu opt colțuri între coarne și o coroană princiară de asupra. O ghirlandă verde de măsline înconjoară stema. Pe cealaltă parte — Sfîntul Gheorghe călare pe un cal alb, în costum de cavalier, omorînd o scorpie ce se află pe o terasă verde.

În patratele roșii din colțuri se găsesc, pe prima față câte o stea de argint în opt colțuri, iar pe a doua — monograma M. de aur a domnitorului Mihai Sturdza. Din inscripția cu litere de aur n-au mai rămas decît cuvintele „Al Miliției Principatului Moldovei”. Hampa este de lemn negru, fără de vîrf.

Enciclopedia României. Vol 1, Buc., 1938. P. 79; **Pălănceanu E.** Steaguri din colecția Muzeului de istorie a Republicii Socialiste România // Muzeul Național. I. — Buc., 1974. P. 145.

ANUL 1848. La Paris, în martie 1848, delegația revoluționarilor munteni și moldoveni desemnată să prezinte felicitări guvernului Republicii Franceze se înfățișase „cu steagul național în culorile albastru, auriu și roșu, ca semn unirii moldovenilor cu muntenii”.

Gazeta de Transilvania, 26 aprilie 1848/Căzânișteanu C. Trei culori cunosc pe lume. // *Magazin istoric*, 1967, n. 8. P. 36.

ANUL 1848. La festivitățile cu ocazia adoptării Constituției și tricolorului în diferite orașe ale Munteniei „au luat parte și mulți din orașenii moldoveni”. De aceea autoritățile din Iași, ostile revoluției și îngrijorate de extinderea spiritului revoluționar, au ordonat să se ia măsuri pentru „a nu îngădui nici de cum să treacă în pământul Moldovei locuitorii din acest Principat (Muntenia — n. n.), purtând asupra lor cocarde și eșarfe românești, ca semne neîncredințate de Ocîrmuire”.

Anul 1848 în Principatele Române. T. II, Buc., 1902. P. 22, 56; **Dogaru M.** Tricolorul românesc — o istorie glorioasă // *Anale de istorie*, 1988, n. 1. P. 139.

ANUL 1849. În colecția Muzeului Național din București se păstrează două steaguri ce au fost distribuite oștirii moldovenești în anul 1849. Sînt de formă pătrată cu latura de 1,25 m. Compoziția steagurilor este următoarea: în colțuri se alfă patru pătrate roșii, iar în centru o cruce albastră. În centru, pe crucea albastră, este un scut timbrat cu o coroană princiară, iar în mijlocul lui un cap de bour de argint, avînd între coarne o stea cu șase raze din același metal. Ca susținători sînt doi delfini cu ochii roșii, cite unul de fiecare parte a scutului. O ghirlandă de măslin și stejar înconjoară stema.

Pe cealaltă parte, în centru — Sfîntul Gheorghe călare pe cal, iar sub dînsul, cu litere de aur numele unității respective. În patratele roșii — monograma A.

Enciclopedia României. Vol. 1. — Buc., 1938; **Pălănceanu E.** Steaguri din colecția Muzeului de istorie a Republicii Socialiste România // *Muzeul Național*, I, — Buc., 1974. P. 147—148.

ANII 1856—1859. Muzeul Militar din București posedă trei steaguri moldovenești de infanterie. Sînt din mătase de culoare roșie și au forma dreptunghiulară cu dimensiunile 150 pe 126 cm. Colțurile lor reprezintă patru dreptunghiuri roșii, purtînd cite o stea de aur cu șase raze. Pe patruleterul albastru al unui steag se mai pot vedea urmele unei ghirlande poleite cu aur în interiorul căreia se mai poate desluși o coroană.

Pălănceanu E. Steaguri din colecția Muzeului de istorie a Republicii Socialiste România // *Muzeul Național*, I, — Buc., 1974. P. 149.

ANUL 1857. La mijlocul secolului XIX în timpul organizării acțiunilor de masă în orașele Moldovei se folosea deseori cromatica tricoloră în diverse variațiuni. Înainte de unirea principatelor baronul Talleyrand de Perigord, președintele Comisiei europene de supraveghere a constituirii Divanurilor Ad-hoc din București și Iași, cu sediul la București — scrie contelui Walewski, ministrului de externe al Franței, că în drum spre Iași a fost întîmpinat la intrarea în orașul Bacău de cîteva mii de moldoveni. Poporul, după ce l-au oprit, „într-o clipă și pe nesimțite... a deshămat caii de la trăsura comisarului, s-a înghămat cu ștreanguri tricolore naționale ale Unirii, a tras-o cu mîinile...” iar în oraș erau „mai multe demoasele, îmbrăcate în alb cu eșarfe de culoare naționale”. Ajuns la Iași, pentru primirea sa i-au ieșit înainte populația orașului care avea în frunte pe mitropolit cu mulți episcopi și nouăzeci de preoți, toți îmbrăcați în haine negre, purtînd brîie și cocărzi tricolore înfierate de către caimacamul Vogoride ca fiind „de culoare străine” față de steagul Moldovei de pe atunci.

Acte și documente relative la istoria renasterii României // **Petrescu G., Sturdza D. A., Sturdza D. C.** Vol. IV. — Buc., 1889. Pp. 351, 409, 414.

Mijlocul sec. XIX. În „Albumul de stindarde, drapele și fanioane a statelor maritime europene”, alcătuit de francezul Legra și editat la S.-Peterburg în 1861, se menționează, că deși Moldova nu dispune de o flotă militară, unele corăbii comerciale fiind înarmate de către portul Galați, poartă drapele albastre, avînd plasat în centrul pînzei elementul tradițional al stemei — capul de bour (care-i zugrăvit, de fapt, asemănător unui cap de bou), iar în colțul de sus din partea dreaptă (lîngă hampă) avea un patruleter roșu cu trei stele de aur.

Se atestă, de asemenea, că drapelul miliției moldovenești are două fișii orizontale — roșie (cea de sus) și albastră, cu un „cap de bou” pe o cruce albă, plasată în colțul de sus al drapelului lîngă hampă. («Флаг молдавских милиций имеет две горизонтальные полосы, красную (верхнюю) и синюю с бычьей головой на белом крыжъ, расположенном в верхнем углу флага, близ шкаторины».)

Легра. «Альбом штандартов, флагов и вымпелов Европейских морских держав». СПб., 1861.

Note

¹ Vezi: **Cernovodeanu D.** Bibliografia heraldicii românești. Buc., 1977.

² Vezi: Culegerea de articole „Simbol al demnității”. Chișinău, 1990.

³ Învățămintele lui Neagoe Basarab către fiul său Theodosie. Buc., 1984. P. 196.

⁴ **Rezachevici C.** Steagurile militare ale Țării Românești și Moldovei în veacul XVII // *Revistă de istorie*. T. 28, N 8. 1976. P. 1200.

⁵ **Черных А. П.** Трактат Бартололи Сассоферрато «О знаках и гербах» // *Средние века*. Вып. 52. М., 1989. С. 311—312, 319.

⁶ крыжъ — сгусе (Vezi: *Даль Вл.* Т. II).

⁷ шкаторина — din oland. schoot-horn „colțul pînzei“, canat de la marginea pînzei. (Vezi: *Фасмер. Т. IV*).

Резюме

Публикуемые документальные материалы призваны осветить одну из малоизученных тем по истории Молдавии, относящихся к вспомогательным историческим дисциплинам — вексилологии (изучающей знамена и флаги), геральдики (изучающей гербы) и др.

Представленный в хронологическом порядке материал составлен на основании опубликованных источников и доступной исторической литературы. Авторы описывают почти все известные молдавские стяги (знамена), начиная с времен правления Штефана Великого (1457—1504 гг.) и до объединения княжеств Молдовы и Валахии в 1859 г.

В. И. Цвиркун

СТЯГУРИЛЕ МИЛИТАРЕ МОЛДОВЕНЕШТЬ ДИН ПРИМА ЖУМЭТАТЕ А СЕКОЛУЛУЙ XVIII

Ла моментул актуал с'а констатат кэ штинца историкэ молдовеняскэ а омис ну нумай анумите фапте ши евенименте але трекутулуй, дар ши ун шир де дисциплине историче аукзилиаре: женеаложия, сфражистика, хералдика, вексилоложия¹. Липса де черчетэрь ын ачесте домений ши, ын примул рынд, вексилоложие, астэзь есте деосебит де акутэ. Ситуация ну поате фи салватэ нич де презенца лукрэрилор унор ауторь де песте хотаре², нич де апарияция ын ултимул тимп а публикациилор ын преса републиканэ а историчилор советичь³. Де ла саванць се аштыптэ черчетэрь спечиаде, фундаментале ку привире ла история симболичий статулуй феудал Молдовенеск, дар апарияция ачестора ну ва фи посибилэ фэрэ инвестигэриле превентиве ын анализа мултилатералэ а май мултор документе публикате сау пэстрате ын архивеле цэрий ноастре ши песте хотаре.

Материалул пропус есте дедикат уней критичь май пущин студияте дин история симболичий Принципатулуй Молдовей — дескриерий стягурилор милитаре дин прима жумэте а сек. XVIII. Одатэ ку ачаста, скопул презентулуй артикол есте де а комплекта информация екзистентэ деспре кулориле традиционале, фолосите ын трекут ын символика Молдовей.

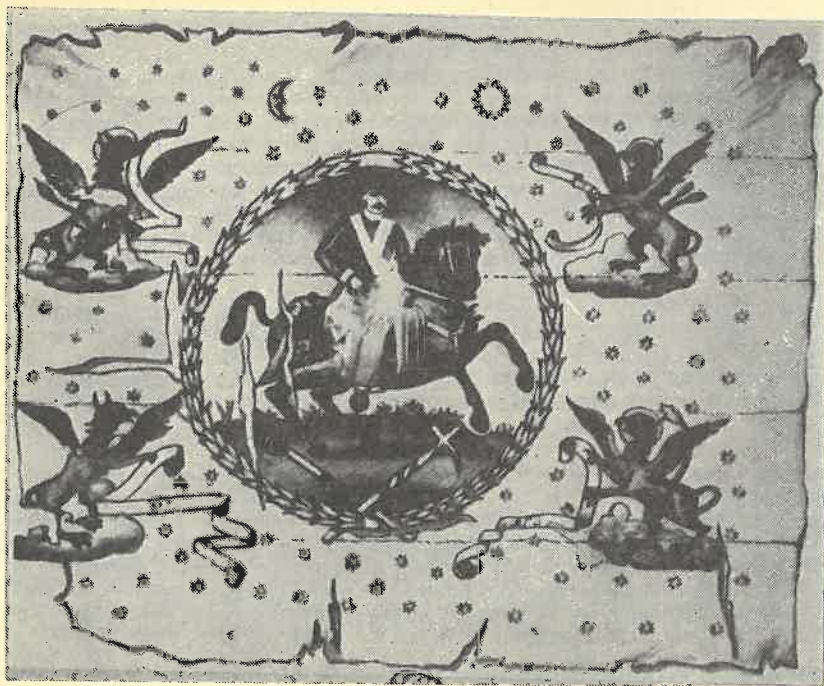
Дин тимпул резбоюлуй русо-турк 1735—1739, пе паркурс де 150 де ань с'а пэстрат ын арсеналул музеулуй де артилерие дин Санкт-Петербург ун стяг милитар молдовенеск. Ел се афлэ принтре стягуриле елвециене ши отомане дин сек. XVIII ши, пробабил де рынд ку ачестя се консидера ка фиинд ун трофеу милитар ал Русией каптурат ын 1739.

Деоарече ануме ын ачастэ периоадэ гувернул луй Г. Гика, рэмынынд крединчос имперулуй Отоман, ера привит де кэтре куртя русэ ка ун инамик ла фел ка ши Поарта Отоманэ.

Репрезентаря ши дескриеря парциалэ а стягулуй а ажунс пынэ ла ной даторитэ лукрэрий директорулуй ачестуй музеу Н. Е. Бранденбург, едитатэ ын анул 1889⁴. Информация датэ ну шы-а пердут ши астэзь импортанца, деоарече ынчеркэриле ынтрепринсе де а гэси стягул каре не интересязэ, ну с'ау ынкунунат де сукчес.

Дупэ дескриеря пэстратэ реесе кэ драпелул ера конфекционат дин мэтасе де кулоаре рошие (ын орижинал — «малиновое»), акоперит ку май мулте стеле де аур ку опт разе⁵. Динтр'о парте а пынзей, ын центру, ера десенат ун черк маре пе каре есте репрезентатэ Сфынта Треиме дин Тестаментул Ноу. Нич фотокопия стягулуй, нич дескриеря пе скурт а ачестуя ну не пермите сэ фачем о оарекаре конклузие деспре кулориле черкулуй ши але фигурилор десенате пе ел. Есте куноскут доар, кэ Думнезеул-Татэл е презентат ку симболул домний ын мынэ, екзекутат ку кулоаре аурие, Думнезеу-Фиул — ку о круче де аур, ынтре ей се афлэ универсул имажинат ка ун симбол ал путерий де кулоаре албастрэ ку круче де аур. Де асупра симболулуй путерий збоарэ ун порумбел, че симболиязэ Духул Сфынт⁶.

Де асупра капулуй луй Думнезеу-Татэл есте фэкутэ инскрипция ССАВАУ(Θ) (Саваоф), де асупра фигурий луй Думнезеу-Фиул читим ынскриеря OWNIC XG (Домнул Исус Христос), де асупра порумбелулуй — ДС (Духул Сфынт). Черкул есте ынконжурат де о пангликэ, пе каре е инскрисэ ку литере де аур кувынтаря дин Сфынта Скриптурэ: «БИНЕ ЕШИ КЪВЫНТАТ ХЪРИСТОЪСЕ Д(У)МНЕЗЕЪ-ЛЕ НОСТРЪ, ЧЕЛЪ НЕХИ АРЪТАТЬ ПРЪРЦЕЛЕПЦИ ПРЪ ВЪНЪ ТОРИ. ТРИМИЦЪНДЪ ЛОРЪ ПРЕ Д(У)ХЪЛЪ СФ(Ы)НТЬ КАРЕ КЪПЪТЪРЪ ЧЪ ДУМНЕЗЕ СКЪ ПРИН ДЪ(Н) ШИИ ЛУМЪ АИ ВЪНАТЬ ЮБИТОРИЮЛЕ ДЕ МЕН МЪРИРЕ ЦЕ: Л[Ъ] (Т) ЗСМВ Ю(Л) [ИЪ]». (Бине еши кувынтаря Христосе Думнезеуле настру, чел нехи арытат прерцелепти пре вынэтори, тримицънд лор пре духул чел сфынт каре ку путеря чя думнезеяскэ прин дынший луме оай



вынат юбиторюле де омено мэрире цие: лята 7242 (1734) юлие). Май жос де черк есте ынкадратэ о кувынтаре дин Сфынта Скриптурэ.

Ной ам реушит сэ дисцифрэм доар примеле трей кувинте дин ачест текст: «Сфынтул Доамне ажутэ...»⁷, рестул, рэмыне деокамдатэ индисцифрабил.

Дин патру пэрць а черкулуй есте пласатэ репрезентаря символикэ а евангелиш-тилор. Ын партя стынгэ а колцулуй де сус се афлэ ун ынжер, каре цине ын мынь о пангликэ, пе каре есте скрис МАӨҢИ (Мафтей). Ын колцул де сус дин партя дряптэ — ун вултур, каре ыл символизяэ пе Иоан (инскрипция де пе пангликэ — IWAHЪ). Ын колцул де жос дин партя стынгэ обсервэм ун леу ку арипэ, циньнд ын лабе о пангликэ ку инскрипция МАРКО (Марк). Ши, ын сфыршит, ын колцул де жос дин дряпта есте репрезентат ун таур ку арипэ, символизынд пе евангелистул Лука (инскрипция де пе пангликэ — ЛУКА). Де асупра Сфинтей Треимь се афлэ соареле ши семилуна, ли се атрибуге семеле фецей умане.

Пынь а трече ла дескриеря урмэтоарей пэрць а стягулуй презентат, требуе де менционат, кэ репрезентаря датэ а Сфинтей Треимь, дакэ ну е традиционалэ, атунч чел пущин ынтылнитэ фреквент пе стягуриле атыт а принчпатулуй Молдовей, кыт ши а Валахией. Ка довадэ поате серви драпелул де луптэ а луй Тудор Владими-реску, арборат ла 1821, пе о парте ал кэруя есте зугрэвит кипул Сфинтей Треимь, симилар челуй дескрис май сус⁸.

Пе чялалтэ парте а пынзей, ын мижлок, обсервэм ун черк ынконжурат де о гирландэ де аур, пе каре е репрезентат ун кэлэрец. Ла пичоареле калулуй сынт ашезате ын круче симболуриле путерничией ши войничией — буздуганул ши чоканул де луптэ. Дин патру пэрць а черкулуй се пласязэ грифоний, каре цин панглич. Пе пангличице де жос есе ын рельеф инскрипция семиштырсэ «въль» ши агъ»⁹. Улти-миле не сервеск дрепт довадэ жустэ кэ стягул анализат апарцине шефулуй дороба-нилор домнешть де ла куртя дин Яшь¹⁰. Де асупра кэлэрецулуй, ла фел ка ши пе чялалтэ парте а стягулуй, сынт репрезентате соареле ши семилуна, доар ын ордине инверсэ.

Дин пэкате, ши ын казул дат, ной сынтемп липсиць де информация че не-ар пермите сэ детерминэм кроматика кулорилор деталиилор ши фигурилор репрезентате пе пынза стягулуй.

Ка сурсэ импортантэ пентру студиеря символичий молдовенешть дин прима жумэте а секолулуй XVIII презинтэ интерес ши репрезентаря стягурилор мили-таре а детаашаментелор ши режиментелор молдовенешть, каре се афлау ла серви-чиу ынтр'ун шир де цэрь еуропене: Полония, Русия, Аустрия, Сuedия. Ла диспози-ция ноастрэ се афлэ ун документ, дескоперит ын Архива чентралэ де стат а акте-лор стрэвекь дин УРСС (ЦГАДА СССР), каре концине дескриеря стягурилор ми-литаре а унуя дин режиментеле креате ын армата русэ дин перноада датэ. Есте vorba де режиментул Молдовенеск а луй Константин Кантемир, формат кэтре сфыршитул рэзбоюлуй русо-турк дин аний 1735—1739¹¹.

Инициинд формаря режиментулуй ын анул 1738, Константин Кантемир а тримис гувернулуй рус пропунериле сале привинд компоненца нумерикэ ши ынармаря луй. Тотодатэ ау фост тримисе десенеле стягурилор де режимент, каре ерау елаборате

потривит обичеюрилор пэмынтулуй лор»¹², адикэ пэстрынд трэсэтуриле стягурилор рэспындите ын Принчипатул Молдовей¹³.

Ку регрет требует сэ менционэем, кэ десенеле ну с'ау пэстрат ши доар нумай дескриеря лор, ажунсэ пынэ ла ной, не дэ урмэтоаря информации (презентэм ын орижинал): «Большое знамя корпуса лазерное (азуриу — В. Ц.) с булавою медною вызолоченною (пе хампэ — В. Ц.). На нем быть написанному кресту, а в стороне двоеглавый орел, и под ногами орла герб земли Молдавской. Другое знамя — красное, с копьем (хампэ — В. Ц.) медным вызолоченным и на копье быть двоеглавому орлу. На том знамени написаны святые Константин и Елена с крестом. С другой стороны знамени — герб земли Молдавской. А быть знамени вызолоченному с бахромой золотой. Знаменам ротным быть белым с написанными на них святым Георгием с крестом»¹⁴.

Женерализынд челе экспусе май сус, ной конкидем, кэ материалул презентат не пермите сэ афирмэем урмэтоареле: кроматика традиционалэ а драпелелор милитаре молдовенешть дин Принчипатул Молдовей дин прима жумэтате а сек. XVIII ера: рошу, албастру ши галбен (ауриу). Требуя де консемнат, кэ дакэ примеле доуэ кулорь се фолосяу май фреквент ын кроматика пынзей стягулуй, апой кулоаря галбенэ (аурие) се ынтылнеште ын эпока черчетатэ ын деталей ши фигурь репрезентате пе стяг.

Тотодатэ, материалул экспус не ворбеште деспре нечеситатя арзэтоаре, ка ла студия ын континуаре а символичий Принчипатулуй Молдовей сэ фие анализате май профунд ши мултилатерал документеле дин архивеле советиче ши челе де песте хотаре. Пынэ акум, ынсэ, ну сынт студияте ши, деч, ышь аштяптэ черчетэторий сэй история формациунилор милитаре де молдовень дин Аустрия, Полония, Сuedия. Студия минуциоасэ а дескриерилор екипаментулуй ши а символичий лор ва контрибуи консидабел ла апрофундаря куноштинцелор ноастре деспре атрибутеле статалитэций молдовенешть.

Note

¹ Сфереле де куноштинцэ енумерате се реферэ ла дисциплинеле историче аукзиляре. Женеалогия — штинца каре се окупэ де студия историй фамилий династиче, провениенца диферитор персоналитэць ши алкэтурия арборелуй женеалогик; сфражистика — се окупэ де студия сижилилор; хералдика — де студия стемелор ши блазоанелор; вексилология — де студия стягурилор, драпелелор.

² Rezachevici C. Steagurile militare ale Țării Românești și Moldovei în veacul al XVII-lea. // *Revistă de istorie*. Buc., 1976. Tom. 29. Nr. 8. P. 1199—1213; Pădureanu A. Tricolorul — conștiința originii stravechi. // *Astra*. Brașov, 1983. Nr. 3; *Strachină* O. A. Tricolorul românesc. Tradiție și permanență. // *Manuscriptum*. Buc., 1986. Nr. 2. P. 148—152; Dogaru M. Tricolorul românesc — o istorie glorioasă. // *Anale de istorie*. — Buc., 1988. Nr. 1. P. 133—148. și alte studii a cercetătorilor români.

³ Цуркану И. Триколул // Литература ши арта. 15 юние 1989; Мискевца В. Кулориле историей, сау деспре стягуриле Молдовей // *Ынвэцэмынтул публик*. 1989 11 октомбрие.

⁴ Бранденбург Н. Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. Спб., 1889. Ч. III.

⁵ Брандебург Н. Е. Оп. чит. П. 407.

⁶ Тот аколо. П. 408.

⁷ Тот аколо. П. 408—409.

⁸ Везь: Istra G. D. Steagul revoluției din 1821. // *Revista arhivelor*. Buc., 1981. Vol. XLIII. Nr. 2. P. 202—212.

⁹ Бранденбург Н. Е. Оп. чит. П. 408.

¹⁰ Везь: Григоре Уреке. Летописецул Цэрий Молдовей. Едиция а доуа. Кишинэу, 1988. П. 75.

¹¹ Всеподданнейшие донесения графа Миниха. Донесения 1737 и 1738 годов // Сборник военно-исторических материалов / Под ред. А. З. Мышляевского. СПб., 1899. Вып. XI. С. 478.

¹² ЦГАДА СССР. Ф. 2486. Оп. 8. Д. 468. — Л. 427—428.

¹³ Требуе де цинут конт, кэ Константин Кантемир а фост невоит сэ фолосяскэ пе драпелеле режиментулуй сэу ымпреунэ ку символика Принчипатулуй Молдовей ши символика Статулуй Рус.

¹⁴ ЦГАДА СССР. Ф. 248. Оп. 8. Д. 468. Л. 427—432.

Резюме

Настоящая статья посвящена рассмотрению одного из малоизученных вопросов в отечественной историографии — описанию и анализу молдавских военных знамен XVIII столетия. Большое внимание уделяется анализу цветовой хроматики знамен и их символике.

MEMORIAL
МЕМОРИАЛДО СИХ ПОР НЕ ЗНАЕМ, ЗА ЧТО
(Вспоминают С. И. и Я. М. Сунишевские)

Мой брат, Сунишевский Владимир Иосифович, был арестован органами НКВД в г. Рыбнице в феврале 1938 г. Наши родители Иосиф Карлович и Юлия Войцеховна, по национальности поляки, были крестьянами-бедняками, а после коллективизации — колхозниками в с. Ержово Рыбницкого района. В 1929 г., когда брату исполнилось 17 лет, он, закончив Молокишскую среднюю школу, пошел вместе с отцом подрабатывать на Рыбницкий сахзавод, таскать носилки с шлакобетоном. Глядя на его кровавые мозоли, отец, помню, говорил ему: «Это будет тебе наука!»

Пройдя эту «науку», Владимир работал учеником в конторе завода, очень прилежно относился к делу и стал счетоводом. Его взяли работать в заготзерно бухгалтером. Женился на Ядвиге Гавлинской, дочери рабочего сахарного завода, которая родила ему двоих детей — дочь Эмму (ныне врач в Рыбнице) и сына Адолика (ныне подполковник в отставке). Жили очень бедно, снимая в Рыбнице крохотную квартирку.

Арест брата сильно потряс нашу семью. Мы не понимали и до сих пор мы не знаем: за что? Я в это время учился в Киеве и с трудом дождался каникул и поехал в Тирасполь, где брат сидел в тюрьме. Просил о встрече с ним, но меня прогнали, грубо и недвусмысленно угрожая.

Тогда я вернулся в Киев и написал заявление Председателю ВУЦИК Г. И. Петровскому с просьбой пересмотреть дело моего брата. Я писал, что он честный труженик и ни в чем не виновен, ходил по приемным, но со мной никто и разговаривать не пожелал, с братом «врага народа».

А на стене в доме родителей всегда висел портрет этого «врага». И все мы — братья, отец и мать, жена — горько оплакивали его судьбу. Мы знали, что еще в рыбницкой тюрьме у брата заболели ноги, не дожить ему до освобождения, не увидеть любимых деток и жену. Так и случилось. Владимир, не отбыв полностью срока заключения, умер где-то в неволе в 1944 г. Его реабилитировали в 1958 г., а где он умер, где похоронен — этого нам не сказали. И нам, его родным и близким, остается только как незаживающую рану хранить в своих сердцах память о нем, о жертве бессмысленной и жестокой тирании сталинских времен, жертве режима, которому нет ни оправдания, ни прощения.

* * *

До ареста мой муж Владимир работал главным бухгалтером в рыбницкой конторе заготзерно. В первых числах февраля 1938 г. он поехал в Тирасполь с годовым отчетом за 1937 г. Вернулся 23 февраля и в тот же день, в 9 часов вечера был арестован.

Я очень плакала. А муж сказал мне: «Ты не плачь и не расстраивайся. Я не виновен ни в чем, разберутся и отпустят. Я скоро вернусь.» Но он не вернулся никогда.

Я осталась с двумя маленькими детьми: дочке в то время было два года, а сынишке — шесть месяцев. Пошла работать на сахарный завод в Рыбнице, где и проработала до самой войны. Было очень тяжело. И не только физически, но и морально. Ведь я была женой «врага народа», а люди были разные в то время. Многие считали: если забрала, значит, виновен. Всех горестей, обид и унижений теперь и не припомнишь, ведь прошло более 50 лет. Только один светлый миг был в той жизни — восток от мужа.

Было это так. В 1938 г., когда заключенных перевозили в поезде из Балты в Тирасполь, Владимиру удалось написать мне записку и выбросить ее из вагона. Письмо было написано на листочках напирсной бумаги и до сих пор хранится у меня. Муж писал мне, чтобы я устроилась на сахзавод, любила и растила наших детей, просил выслать теплые вещи, галоши, сухари и табак, писал, что надеется на скорую встречу. На одном листочке он написал обращение к тому человеку, который найдет это письмо, с просьбой вложить его в свой конверт и отправить детям и жене как лучший подарок. И нашелся добрый человек, который выполнил эту просьбу, прислал по адресу, указанному мужем, его письмо.

Я поехала 31 мая в тираспольскую тюрьму с маленьким ребенком на руках. В те времена был такой порядок: передачи заключенным передавали по буквам, и

31 мая 1938 г. была буква «С». В посылку я вложила махорку, мыло туалетное и одну пару белья,— больше ничего не брали. Расписываясь в получении передачи, муж написал мне что-то, но от меня это скрыли, показав лишь его подпись.

Все эти годы я постоянно обращалась в разные инстанции, писала, не останавливаясь в поисках справедливости и защиты. Отовсюду приходил один и тот же ответ: осужден тройкой на 10 лет без права переписки. Но прошло и десять лет, и пятнадцать...

И лишь почти через двадцать лет после ареста Комитет госбезопасности на мое очередное обращение ответил в 1957 г., что муж мой реабилитирован посмертно. В справке, выданной военным трибуналом Одесского военного округа 30 июня 1958 г., сказано, что «постановление от 3 октября 1938 г. в отношении Сунешевского Владимира Иосифовича отменено и дело о нем производством прекращено за отсутствием состава преступления». В свидетельстве о смерти, выданном Рыбницким райбюро Загс, сказано, что муж умер 11 октября 1944 г. от инфаркта.

На этом все и кончилось. А от чего он в действительности погиб, когда, где покойся,— нам про то не говорят...

СЛОВО О ТОВАРИЩЕ

«Безразлично, умер ли ты юношей в цвете лет или сгорбленным стариком. Но есть разница в том, как ты умер — как лев на воле, или как собака на цепи». Эти строки из стихотворения Кошбука Анатолий Владимирович Аушев записал незадолго до своей внезапной кончины. Накануне он выступил на одной из конференций в театре им. Чехова. Выступил горячо, вложив в слова всю боль своей души. И боль не отпустила. Разрослась, проникла в каждую клеточку его организма. Анатолий Владимирович умер через три часа после выступления от разрыва сердца.

Вся жизнь А. В. Аушева (1914—1990 гг.) была чередой беспредельных испытаний. Родившись в трагический год начала первой мировой войны, он десяти месяцев от роду остался сиротой и воспитывался у бабушки, которая принадлежала к обедневшему молдавскому дворянскому роду. Получив в свое время образование в Лондоне, она старалась и внуку привить любовь к книжкам, тягу к знаниям. Богатейшая библиотека, пополнявшаяся из поколения в поколение, была его любимым местом в доме. А затем учеба в Сорокской технико-экономической гимназии, на химико-технологическом факультете Ясского университета, в Ленинабадском медучилище, во Всесоюзном заочном политехническом институте... Знаний, полученных А. В. Аушевым, хватило бы не на одного человека.

В 1937 г. А. В. Аушев, преследуемый румынскими жандармами за участие в подпольном марксистском студенческом кружке, покидает родную Бессарабию. Провалившись под лед, едва не утонув, декабрьской ночью того печально знаменитого года беглец ступил на берег СССР. И с первого шага начался его долгий — длинный почти в 20 лет — путь по лагерям империи ГУЛАГ. Винницкая тюрьма, лагпункты Соликамска, Абези, Воркуты... Пытки, истязания, смерть, косившая рядом идущих от этапа к этапу. Беспрестанно сверлящие боль и обида. Но не за себя. За первую в мире страну социализма. За бездушие и абсурд, творившиеся именем Советской власти сталинскими опричниками.

В одном из воркутинских лагерей судьба свела его с кремлевскими врачами — «убийцами» Менжинского, Горького, Куйбышева. У этих профессоров Аушев прошел школу высочайшего медицинского профессионализма и гуманизма, у них постигал тайны врачевания и исцеления страждущих. Наконец, там, в лагере, он познакомился с той, которая преданно ждала его освобождения и разделила впоследствии годы ссылки в Таджикистане, прошла рука об руку с ним до своего последнего вздоха. Вырвав его из костлявых лап голодной смерти в лагерную пору, она помогла Анатолию Владимировичу врачевать жителей глухих кишлаков об болезней, принимать роды, делать прививки. Ни днем, ни ночью не прекращал прием «русский доктор». Даже почтенные муллы прониклись уважением и доверием к нему, доверяя доктору — «гяуру» свои горести и страдания.

На исходе 50-х гг., А. В. Аушев возвращается к родным бессарабским холмам, куда все долгие и тяжкие годы рвалась его душа.

Подвижник, бесребреник, человек чести, истинный интеллигент — таким запомнился он тем, кому довелось с ним соприкоснуться. С 26 мая с. г., со дня создания Кишиневского городского историко-просветительского общества «Мемориал», Аушев стал одним из самых активных и деятельных его членом; был избран председателем Объединения незаконно репрессированных. За это время он успел немного. Но сколько планов зарождалось в этой светлой голове! Многие из них предстоит воплотить нам, чтобы исполнить перед великими мучениками хотя бы частичку гигантского неоплаченного долга. Остались ненапечатанными рукописи книг, статей, разрозненные листки некогда созданных и теперь уже неведомо кем и когда присвоенных научных трудов.

И еще осталась память об этом Человеке...

Он умер, как лев. На свободе.

В. Андриевский, Н. Бабиунга, А. Хействер — сопредседатели КО «Мемориал»

PLAI NATAL КРАЕВЕДЕНИЕ

И. Г. Киртоагэ

ПАЖИНЬ ДИН ИСТОРИЯ УНОР ЛОКУРЬ МЕМОРАБИЛЕ

Ын периоада актуалэ а реструктурэрий урмязэ сэ се ликидезе петеле албе дин история цэрий ноастре, се пречизязэ мулте дате ши евенименте меморабиле, анте-риор трекуте ку ведеря.

Ын кроника луй Мирон Костин се менционязэ, бунзоарэ, кэ ын 1649 оастя молдовеняскэ а здробит о хоардэ тэтэрэ «ла Брэтулень пе Прут». Апаре, деч, ынтре-баря лежитимэ, унде а авут лок ачастэ бэтэлие — пе рыул Брэтулень сау лынгэ сатул ку ачелаш нуме? Дин релатаря кроникарулуй, с'ар пэря кэ евениментеле мен-ционате с'ау десфэшурат лынгэ сат «ла ун сату ануме Брэтулений, ла Резина...»¹. Дар интеркаларя аич ши а сатулуй Резина (дин актуалул район Унгень), каре се афлэ ла кытева зечь де километри де сатул Брэтулень ши рыул ку ачелаш нуме, трезеште недумерире. Топонимул Резина презинтэ мулте екивокурь ши ын алте до-кументе. Спре екземплу, ла финеле рэзбоюлуй русо-турк дин 1787—1791, кынд ын Яшь се дучау тратативеле де паче, командантул де ошть Г. А. Потьомкин грав болнав с'а ындрепат спре Николаев, унде доря сэ'шь алине ултимеле зиле але веций сале. Дин ынсемнэриле шефулуй канцеларией луй Потьомкин, В. С. Попов ши дин скрисоаря дипломатулуй А. А. Безборотко адресатэ сенаторулуй П. В. Завадов-ский се веде, кэ ла 4 октомбрие, анул 1791, ла ора 8 диминяца, болनावул ши ынсоцито-рий сэй с'ау порнит ла друм ши де акум песте 6 оре ау ажунс ла прима поштэ, пе каре Безбородко о нумеште «пошта Резина», яр Попов — «сатул Пунчешть», адикэ Унчешть². Асеменя менциунь контрадикторий се репетэ ши ын документеле рефе-ритоаре ла визита луй М. И. Кутузов ла ачастэ стацие. Ын журналул де кэзэторие а солией русе, каре атунч се ындрепат спре Константинопол, се менционязэ кэ ла 21 юние 1793, ла ореле 8, солия русэ а сосит ын локалитатя Резина ши а плекат де аич песте доузэ зиле³. Ынсэ скрисоаря, адресатэ де Кутузов дипломатулуй рус ын Константинопол А. Хвостов, е локализатэ ын «Ончести», адикэ Унчешть. Ла ынтоар-черя са ын Патрие М. И. Кутузов ла 15 май 1794 адресязэ женералулуй И. П. Сал-тыков о скрисоаре дин «Резина». Ачесте индикаций трезеск недумерире ши дин кауза кэ ын актуалул сат Резина, пласат ын центрул пэдурий ши легат ку Унчеш-тий прин интермедиул сатулуй Четирень ши потень, ын 1817 авя нумай 10 фамилий де рэзешть⁴, каре ну ерау ын старе сэ гэдзуюскэ 650 мембри ай солией русе⁵.

Пентру а пречиза, унде а авут лок бэтэлия ку тэтэрий ши ын че лок се гэся «пошта Резина», се чере о черчетаре маре амэнунцитэ а трекутулуй ачестор лока-литэць, каре, ынтр'о оарекаре мэсурэ, рефлектэ история мултпэтимитулуй меляг молдовенеск.

Ашезаря сателор, менционате аич, ын инчинта пэдурий, е фирыскэ, фииндкэ ын трекут асемня локурь, спре деосебире де степеле ынтинсе, офирая локунторилор ун шир де авантаже: лемн де конструкции ши де фок, умидитате май абундентэ пен-тру културиле агриколе, ун сол май акчесибил пентру фолосиря унелтелор прими-тиве медиевале, пэшунь ши апе пентру вители, че презентау о адевэратэ богэцие а ачестулуй пэмынт. Ын асеменя кондиций натурале ау апэрут локалитэць, че атиг вьрсте де суте де ань.

Ынтемееря ачестор сате се перде ын негура трекутулуй ындепэртат. Ын лежэнда Четиренилор се менционязэ деспре партичипаря унор стрэмошь де ай лор ла лу-теле луй Штефан чел Маре (1457—1504) ку турчий, яр ынтр'ун документ дин сек. ал XVII-ля се афирмэ, кэ ла ынтэриря уней очинь дин Унчешть с'ар фи претат ши ун урик, елиберат пе тимпул луй Штефан Водэ чел Бэтрын, адикэ Штефан чел Маре⁶. Ынсэ липса ачестуй урик, кыт ши але алтор документе ку ун атаре конци-нут, ну пермите сэ конфирмэм сау сэ негэм екзистенца ачестор локалитэць пе тим-пул марелуй домнитор. Се поате афирма ку чертитудине кэ ын а доуа жумэзатэ а сек. ал XVI-ля Четирений де акум екзистау ши дезволтаря луй се датора стабили-рий курций домнешть ла Яшь пе тимпул челей де а доуа ынкороуэрэ а луй А. Лэпушняну (1564—1568), ынчепутэ ку сынжеросул масакру ал марилор боерь, пе каре К. Негруци л-а дескрип ын куноскута нувелэ историкэ «Александру Лэпушняну». Кэтре тимпул ачела, пробабил, а апэрут ын сат ши нумеле де фамилие Горинчой (ынтре локалничь зис ши Хоринчой вениць де пе мелягуриле базинулуй инфериор ал

Сиретулуй, менционат пентру ултима датэ ын документе ла 1566 ын кроника молдо-полона ка цинутул Горинчов⁷. Контрибуабилый сатулуй, каре ынкэ ну нимерисе ын супушения директэ а феудалилор, ау примит ынсэрчинаря сэ асигуре куртя домняскэ ку череале, фрукте, легуме ш. а.

Ын тимпул нэвэлирилор турко-тэаре, каре десеорь се абэтяу песте капетеле оаменилор пашничь, популяция ышь гэса адэпост ын пэдуре. Дупэ рэзбоюл де ели-бераре дус де Иоан Водэ чел Кумплит дин 1574, о маре парте дин териториул динтре Нистру ши Прут а фост жефуйтэ, мульць фий ай ачестуй пэмынт ау нимерит ын склавие, сателе рэмынынд фэрэ локуиторь. Пробабил, ачест трист евенимент е визат ши де аминтита лежендэ а Четиренилор, ын каре се спуне кэ ун груп де бэець рэ-пиць де турчь ау фост едукаць ын спиритул исламик ши инклучь май тырзиу ын корпул еничерилор, каре тимп де доуэ секоле се комплекта ку копий крештинь, фу-раць, орь луаць ка «трибут де сынже» де ла попоареле супсе. Ачест систем крунт ши перимат, а фост дисфинчат ла ынчепутул секолулуй ал XVII-ля. Унул динтре копийй рэпиць де турчь ну шь-а уйтат лимба матернэ, локуриле натале ши дупэ май мульць ань, ынторкынду-се ла баштинэ, а реушит ку greu сэ-шь конвингэ бэтрына мамэ, кэ и с'а ынторс фечорул ей адевэрат пе каре-л кредя пердут пентру тотдауна.

Ситуация материалэ а локуиторилор ера инфлуенцат путерник де жугул тур-ческ, стабилит ын Молдова кэтре 1538. Ан де ан се мажора куантумул трибутулуй ши ал алтор престаций ын фавоаря Империиулуй Осман. Пентру ындеплиниря черин-целор крескынде фацэ де Поартэ ши а интереселор лор де класэ, демнитарий де стат ай принципатулуй, ла рындул лор, интенсификау эксплуатаря маселор популяре. Пентру куртя домняскэ де ла локуиторий сатулуй се перчепяу, ын примул рынд, зе-чуяла де пе грыне, продусе виниколе ши алте импозите. Ынкасаря лор се фэця де кэтре аженць специалэ. Ынтр'ун документ де ла 6 май 1591, практик прима атестаре документарэ а сатулуй, сынт менционаць Пырву-питаул ши Тоадер-пахарникул. Ей ерау ынсоциць де форце милитаре цинутале ын фрунте ку вэтавул ши се компортау брутал фацэ де популяцие, деоарече, потривит документулуй ын каузэ, Пырву-пита-рул, Тоадер-пахарникул ау плэтит амендэ пентру учидеря уной контрибуабил дин Четирень⁸.

Ынсэ жугул турческ штирбя субстанциал ши интереселе класелор доминанте ын примул рынд але мичилор боерь, нумиць куртень, каре авяу венитурь де ла анумите сектоаре де сате ши ерау даторь сэ партичипе ла апэаря интереселор класелор до-минанте ши а статусулуй. Куртений плэтяу импозите греле, май алес, пе тимпул луй Петру Шкьопул (1574—1577, 1578—1579, 1582—1591) ши мульць динтре чей каре ну екзерчитау функций де стат легате ку перчепция импозителор, пердя дин проприетэ-циле лор фунчiare⁹. О жумэтате дин сатул Унцешть а луй Тудор Аливан, примитэ де стрэмоший луй де ла домние, пе тимпул луй Иеремия Мовилэ (1595—1606) а фост ымпэртиць ын трей пэрць: уна, адикэ о шесиме дин сат, а фост вындутэ луй Голия, урядник дин Бакэу, яр рестул доуэ шесимь й-ау ревенит луй Горовицэ ши Епуре, верий луй Тудор ка мошенире¹⁰.

Уний домниторь ау ынчеркат сэ опряскэ прочесул де сэрэчире а куртенилор, каре дучя ла слэбиря форцелор милитаре а принципатулуй. Штефан Томша (1611—1615), каре ын лупта ку урмаший луй И. Мовилэ ши а марий боеримь, се база пе куртень ши оръшень, а оферит ачестора моший дин проприетатя са¹¹. Пробабил атунч сатул Четирень се афла ын стэпыниря луй Ион Чимпоешу¹². Дар май тырзиу, одатэ ку крештеря импозителор, прочесул де филиере а проприетэций куртенилор се рея дин ноу. Ын анул 1647 фечорий луй Голия, Григорашку ши Константин, вынд партя моштеняскэ де ла пэринтеле лор Ионашку Перченку дин Унцешть. Тот пе атунч Го-ровицэ ши Епуре, де асемения, вынд партя лор дин ачелаш сат Унцешть унуя дин демнитарий луй Василе Лупу (1634—1643), луй Ионашку Хынкану (урмашул Хын-кулуй, каре, пробабил, пе времуре деция ши о парте дин пэмынтул Четиренилор, унде дин стрэбунь се нумеште Хинчий). Скимбул, атестат документар ла 1649, динтре Варвара, непоата луй И. Чимпоешу, ку веришоара Маринкуца а уней шесимь дин пэмынтуриле Четиренилор не конфирмэ, кэ прочесул де фэрымицаре а мичий про-приетэць феудале ын ачест сат ера ын плинэ десфэшurare¹³.

Ын асемения кондиций креште ролул капулуй сатулуй, а ворникулуй, ын ком-петинца кэруя се афлэ перчепция импозителор де ла локуиторий сатулуй, а алтор мембри май ынстрэньць ай комунитэций рурале. Пе диферите проблеме, май алес ла ындеплиниря престаацийлор де стат, ей контактау директ ку администрация цинуталэ ши кяр ку репрезентаций путерий централе. Ын 1644, ла стабилиря хотарелор унор моший дин апропиеря Пругулуй де кэтре Раковицэ Чехан ши Матияш Стурза, демни-тарь ай луй Василе Лупу, партичипэ ка марторь: дин Четирень — Дрэган Пелин, Леу ши ворникул сатулуй Тома; дин Унцешть — Василе Марин ши Тоадер Миронич, яр ла скимбул Варварей ку Маринкуца — слуга луй Тома ворникул Григоре Бэлтяну¹⁴. Ултура мэртурне не аратэ, кэ ворникул ну нумай кэ ера скутит де импозите (кота луй се плэтя де кэтре комунитатя руралэ), дар путя сэ-шь пермитэ ши луксул де а диспуне де сервиторь.

Дупэ кэдэря луй Василе Лупу де ла путере, пэрташул ачестуя Ионашку Хынкану ынчепе сэ сэрэчяскэ. Ын 1668, ын урма черчетэрий ефектуате де кэтре репрезентан-тул путерий централе, Поятэ урикарул, а неынцележерий динтре Ионашку Перченку ши резеший сатулуй с'а констатат кэ Перченку ши Хынкану стэпыняу де акум нумай

кыте о дойспрезечиме дин пэмынтул сатулуй спре кэтунул Сэгияна ши ну се деосебя ку мулт де рэзеший уней локалитэць де 20—30 фамилий дин тимпул ачела¹⁵. Яр ын Четирень унул дин стрэнепоций луй, Ион Чимпоешу, пентру а скэпа де облигаций ши де даря куртеньяскэ, каре ера май маре декыт чя цэрэняскэ, шы-а лэсат сурплусул де пэмынт, титул де куртян ымпреунэ ку нумеле де фамилие¹⁶, ынрежистрат ын канчелария домняскэ, ши, ынделетничинду-се ку пескуитул, шы-а ынсушит нумеле де фамилие Паскару, деши традиция оралэ й-а пэстрат ачестей фамилий ши векул нуме, девенит неофициал.

Мажоритатя цэранилор дин Унцешть ши Четирень ау евитат асервирия фацэ де боериме, прочес, каре пе атунч се ынтеця ын царэ. Ачаста се експликэ ши прин фаптул кэ пе лынгэ еле тречя ун друм, импортанца кэруя пе ла мижлокул секолулуй ал XVII-ля крештя тот май мулт ши, прин урмаре, домния авя невое де контрибуабиль пентру десервирия луй. Ка урмаре директэ а споририй нумэрулуй нохаилор ын степа Бужякулуй ши де лэржире а арий лор де пэшунат пынэ ла Троянул де Сус пе линия Леова — курсул инфериор ал р. Ботна, а декэзут ун векь друм, че дучя де ла четатя де скаун а Молдовей — песте трекэтоаря де ла Цуцора, пе ла Лэпушна ын лунгул Ботней ши а Ниструлуй пынэ ла Четатя Албэ, нумитэ де турчэ Акерман¹⁷. Ын урма ачестуй евенимент де ла Цуцора кэлэторий преферау сэ урмезе курсул рыулуй Бык пынэ ын апропиеря Ниструлуй, де унде плекау ла Бендер, Четатя Албэ, кум а прочедат ын 1655 фэймосул кэлэтор турк Евлия Челеби¹⁸, каре ын релатэриле сале десеорь скимонося унеле топониме. Дупэ Цуцора ел а трекут «мунтеле Дилсева», апоий «мергынду спре ест принтре дялурь ши мунць» афлаць ын Кодру а урмат май департе тимп де 11 оре курсул рыулуй Бык, ажунгынд ла Кишинэу.

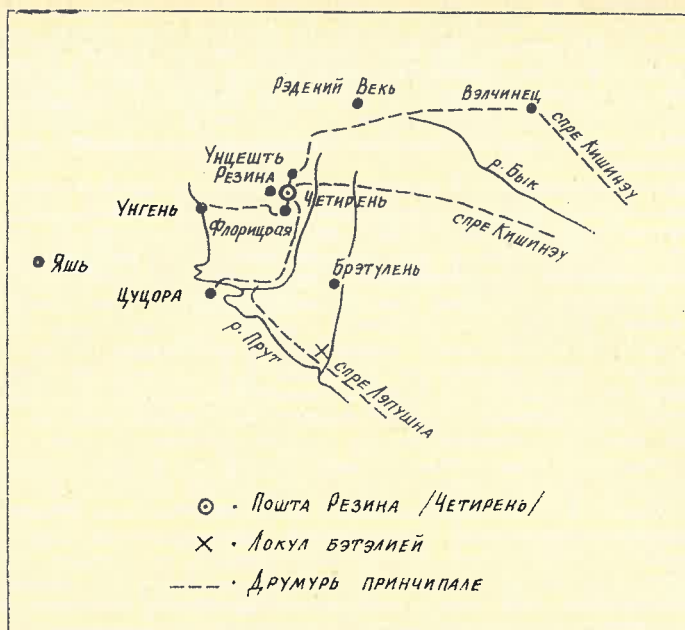
Интенсификария трафикулуй пе ачастэ рутэ а инфлуенцат контрадикториу асупра стэрий материала а локуиторилор де ла сателе ашэзате ын лунгул ей. Фурнизынд кэлэторилор сурплусуриле де продусе алиментаре, де обичей ын асемения казурь ку прецурь май мажорате, уний динтре локалничь бенефицияу де венитурь суплиментаре. Ынсэ комунитатя руралэ ера невоитэ сэ асигуре персоанеле официале ку челе нечесаре пентру кэлэторие фэрэ нич о ремунераре ши ачаста конституя о престацие, каре апэса greu асупра цэранилор. Кынд пресиуня фискалэ с'а амплификат ку жафуриле турко-тэтаре дин а доуа жумэте а секолулуй ал XVII-ля, пауперизаря маселор популяре ши а мичилор феудаль а девенит женералэ. Пентру а се ескива де ла акитаря ненумэраторелор импозите май мулць динтре цэрань орэшень ши фошть куртень ышь скимбау локул де трай, се ындосяу ын пэдуре ши кяр песте хотареле цэрий¹⁹. Пробабил, кэ де пе атунч, пэрэсинду-шь лэкашуриле лор, десеорь се стрэмутау ку траюл ын мижлокул кодрулуй ши локуиторий с. Четирень, каре ын документеле де май тыриу фигурызэ ымпреунэ ку цэраний унуи мик кэтул де пэдуре Резина, ынтемеят, пробабил, кяр пе тимпурь де гря кумпэнэ. Уний динтре чей афлаць ын кодру девеняу хайдучь ши ачест титул нобил де рэзбунэтор популяр с'а пэстрат ка нуме неофициал пентру унеле фамилий дин Четирень.

Дар кондучеря цэрий континуа сэ консолидэзе сервичиул де легэтурэ а центрулуй ку периферииле статусулуй. Ын 1678 ау фост стабилите сате, каре требуе сэ асигуре куриерий домнешть ку кай де скимб пе рутеле принципале але цэрий²⁰. Пробабил кэ атунч с'а хотэрыт ка дупэ тречеря песте Прут, скимбул де кай сэ се факэ пе контул сателор мениционате ши ынтрукыт цэраний локалничь пе тимпуриле ачеля преферау сэ локуяскэ май мулт ын пэдуре, каре ымпрежмуя кэтунул май сус мениционат, прима стацие дин апропиеря Прутулуй а ынчепут сэ поарте нумеле челей май апропийате локалитэць — а Резиней.

Спре мижлокул секолулуй ал XVIII-ля сервичиул поштелор дин Молдова а кэпэзат о базэ социалэ. Ынкэ дин анул 1700 кэлэраший, каре де ун секол авяу ын темей функций милитаре, ау фост пласаць ын локурь де импортанцэ деосебитэ, яр ын резултантул реформей луй К. Маврокордат дин анул 1741, сервиторий де ла поште, нумиць кэлэрашь, ерау скутиць де импозите, пречизынду-ле функцииле лор²¹. Ачаста а авут реперкусиунь позитиве ши асупра стэрий сервиторилор де ла пошта Резина. Ын пофида фаптулуй кэ дин пункт де ведере сочиал ей континуау сэ фие цэрань, пласаць пе пэмынтул статусулуй (адикэ рэзешь), кэлэраший се консидерау служиторь милитарь суб команда директэ а путерий централе.

Ын урма реформей луй К. Маврокордат с'а ымбунэтэцит оарекум ши ситуация мазилиор, адикэ а десценденцилор динтре боерий демисионаць дин постуриле де стат. Ей плэтяу импозите фиксе ши ын локул престациилор ын мункэ, ындеплиняу унеле сервисий де ордин милитар. Ын Унцешть трептат с'а формат ун груп де мазиль. Принтре ей ау нимерит атыт десценденць ай куртенилор Тудор Аливан ши Ионашку Хынкану (ын презент ачештя поартэ нумеле де фамилие Тодорой ши Хангану), кыт ши ай фостулуй демитар де стат — ай урикарулуй Поятэ (ын презент — Поя). Мазилий континуау сэ фие проприетарь ай унор теренурь де пэмынт, пе каре ыл лукрау де обичей персонал ку ун нумэр редус де цэрань²².

Астфел ла пошта Резина, унде дупэ релатаря дипломатулуй рус И. Я. Булгаков да диспозиция куриерилор ши алтор персоане официале локалничий пуняу 60 кай де скимб, ерау 64 де кэлэрашь хэтмэнешть, мениционаць ын реченсэмынтул де ла аний 1772—1773²³. Ла ачастэ поште секуритатя ера асигуратэ ши де 6 пандиурь, милитарь супушь ауторитэцилор цинутале, ши де 24 мазиль ши рупташь дин Унцешть. Пе ачастэ рутэ, ын сателе апропийате май ерау кэлэрашь ын сателе Милешть, Бэлэнешть,



Болдурешть ш. а. Пентру ултимул сат се спечификэ, кэ ын афарэ де 21 де мазиль ши рупташь май екзистау 52 фамилий, ынкадрате «ын десервирия поштей»²⁴.

Ынролара ын рындуриле кэлэрашилор се фэця принтр'о хотэрыре ынскрисэ а домнитурулуй, копия кэрея се ынмына нойй кандидатурь. Ун атаре документ а фост елиберат ла 19 май 1793 луй Ионицэ Скарлат²⁵. Чирка 50 де милитарь формау ун стяг, ын фрунтя кэруя се афла хотногул, аджунктул сзу кехая нумит ын унеле локалитэщ ши чауш (ын Четирень персоане ку нумеле де фамилие Горинчой се май нумеск ши Чаушу).

Одатэ ку адоптаря статулулуй де кэлэраш, скутит де унеле импозите, с'а аме-лиорат старя лор материалэ, а секуритэций локалничилор ши а аверий лор. Ла пошта Резина, де фалт Четирень (пе о хартэ милитарэ де ла анул 1789 ынтре Унцешть ши Резина есте пласат с. «Сипирень»). Тот ын ачелаш ан а фост конструитэ ши о бисерикэ де лемн, ун аргумент еловкент кэ сатул ера дестул де маре. Ын 1772 ла «Резина» локуяу 68 фамилий (64 — де кэлэрашь, 3 — де скутелничь, цэрань скутиць де импозите пентру десервирия унор курць боерешть ши уна де волонтир ынролат ын армата русэ); ын 1803 аич се нумэрау 76 фамилий де кэлэрашь, яр ын анул 1871-91 фамилий де рэзэшь екзистау ын Четирень ши 10 — ла аша нумита «пошта Резина», каре се гэся ла о орэ де мерс де ла Пырлица, адикэ ын кэтунул Резина²⁶. Популяция сатулуй се комплекта пе база флукусулуй мигранцилор, май алес дин пэрициле судиче але статулуй, унде май екзиста примеждия турко-тэтарэ ши кяр доминация лор директэ. Деспре ачаства не мэртурисеск нумеле де фамилие: Сэлкуцану, (дин Сэлкуца), Бужак (нумеле де фамилие диспэрут), Тэтару, Булгару; нуме де фамилие де орижине турчикэ — Делиу, Буланча ш. а.

Крештяу репедэ ши Унцештий. Дакэ ын 1772 аич се нумэрау 31 де фамилий, апой ын 1817 популяция ачестуй сат ера форматэ дин 40 де фамилий де мазиль, 18 служиторь ай култулуй ши 2 де рупташь. Венитэ дин пэрициле судиче але статулуй поате фи консидератэ фамилия ку нумеле де орижине турчикэ Дубанжну.

Рута ку трафик ын асценсиуне, легатэ ку интенсификария релациилор комерчиале молдо-русе, а девенит ун импортант елемент де урбанизаре ал амбелор локалитэщ. Дупэ ынтродучеря сервисулуй де кэлэрашь ын Четирень ла маржния де норт-вест а векий ветре, нумитэ «Фундэтурэ», паре кэ се стабиленше пошта ку чей 60 де кай де скимб, девенинд пунктул де урбанизаре де репер. Кэтре ынчепутул анилор 70 ай секолулуй ал XVIII-ля, локуинцеле се конструяу ын лунгул друмурилор принципале: примул динтре еле де ла поштэ урма пе малул дрепт ал пырэулуй дин вечинэте спре Цуцора, (трекындр прин локуриле унде акум е ситуат с. Флорицоая Ноуэ); ал дойля дупэ тречеря песте подул дин апропиере се ындрепта прин Болдурешть спре Кишинэу²⁸. Песте доуэ дечений де ла пошта дин Четирень прин Унцешть, Вэчинец ши Кэлэрашь а трекут Кутузов. Тот ын ачешь дирекция се порнисе ши Потьомкин. Ын легэтурэ ку ноуа модификаре а рутей, сурвенитэ ынтре аний 1772 ши 1791, Унцештий се ынтинсесе ын амбеле пэрь: де ла века ватрэ а сатулуй дин вырфул дялулуй махалауа мазиллор де акум атинжэ ла пошта, пе каре ей требуяу с'о апере, яр ын дирекция опуэ, май алес дупэ анул 1812, се лэржя кышла боерулуй Карастаки, каре претиндя ла унеле пэмынтурь рэзэшешть але амбелор сате²⁹.

Уните территориал, ачесте доуэ сате продучяу импресия уней локалитэць дестул де марь, а унуй «орэшел» кум е нумит ын журналул де кэлэторие а солией луй Кутузов³⁰. Еле ынтруняу песте о сутэ де фамилий, яр ын тимпул ачела унеле орэ-шеле ка Бэлций, бунзоарэ, ну нумэрау май мулт. Ку ноуэ морь (доуэ де апэ ын Четирень ши 7 де вынт — ын Унцешть), 25 де сектоаре витиколе ши 30 де ливезь ын Четирень ши респектив «20 вий ши ливезь деажунс» ын Унцешть. Економия ачестор сате авя ун характер субурбан, менитэ сэ сатисфакэ ши черинцеле кэлэтори-лор ын пыне, фрукте ши легуме. Ачесте сервисий, кыт ши плата пентру кай ши ки-рие, адучяу локалничилор венитурь, че ну путяу фи неглижате, деоарече пе фунда-лул алтор локалитэць але цинутулуй сателе Четирень ши Унцешть ын ансамблу ну арэтау сэрак. Май мулт ка атыт ын анул 1817 Четирений ау фост евалуаць принтре пучинеле локалитэць але Басарабий ку ун нивел ридикат де трай³¹.

Дин челе релатате се веде, кэ пошта «Резина», де фапт, ера форматэ дин доуэ сате межиеше — Четирень ши Унцешть. Кыт привеште бэтэлия ку тэтэрий дин анул 1649, еа а авут лок пе друмул векь, каре шерпуа спре Бужяк ын лунгул Пру-тулуй, май пречис — ла скуржеря ын ел а афлуентулуй сэу Брэтулень, пе малул кэруа е ситуат сатул ку ачелаш нуме. Пе атунч адоlescентул Мирон се афла ын Полония ши а ынштиннат деспре бэтэлие дин аузите. Ын «Летописецул Цэрий Молдовей...» шы-а гэсит о рефлектаре парциалэ ситуация анулуй 1675, анул скриерий лукрэрий³², кынд пе ноуа рутэ, прима стационаре дупэ тречеря де ла Цуцора се фэчя ну ын апропиери Брэтуленилор, чи а Резиней, адикэ ла Четирень. Астфел ши с'а фэкут ачастэ парадоксалэ контопире ын кроникэ а доуэ локалитэць.

Се май чере де адэугат, кэ дупэ анул 1812 друмул дин Четирень спре Цуцора, деспре каре ын конштинца оаменилор ау рэмас нумай унеле реминисценце важь, а декэзут. Дар се ридикэ импортанца алтуй друм спре тречеря песте Прут пе лынгэ Скулень. Ши сатул континуэ сэ се ынтиндэ май репедэ ын лунгул ачестуй друм каре трече пе лынгэ с. Флорицоая Веке. Тимп де ун секол дистанца динтре еле с'а редус де доуэ орь, рэмынынд ын 1923 нумай ун километру. Ын ачастэ периоадэ крештеря популацией а акчелерат ши ла ынчепутул анилор 70 ай секолулуй трекут ла ачест капитал локалитатя окупа локул патру ын цинутул Бэлцилор дупэ центрул цинутал Фэлешть ши Скулень. Одатэ ку дескидеря ын анул 1875 а кэий ферате Кишинэу-Унгень, века кале де комуникаре а декэзут, пошта а фост десфиннатэ ши с'а ре-дус ритмул де крештере а популацией Четиренилор.

Ын презент ну департе де локул унде се афла ачастэ поштэ се конструеште о касэ де културэ, ын инчинта кэрея й-ар ста бине уней камере-музеу, експонателе кэруа ар илустра трекутул цинутулуй, уней плэчь меморабиле, яр пе локул бэтэлией ку тэтэрий — унуй монумент.

Note

¹ Костин М. Летописецул Цэрий Молдовей де ла Аарон-Водэ ынкоа-че.— Кишинэу, 1972. П. 165, 175.

² Брикнер А. Потьомкин. Спб., 1891. С. 220; Записки Одесского общества истории и древностей. Том. XI. Одесса, С. 504.

³ Архива Политичий Экстерне а Русней. Ф. Релацииле ку Турция. Ин. 69/8. Ф. 777. П. 43.

⁴ Труды Бессарабской ученой архивной комиссии. Том III.— Кишинев, 1907. С. 214, 335; Там же. С. 113.

⁵ Кутузов М. И. Документы. Том. I. М., 1950. С. 665; Молдова ын эпока феодализмулуй. Вол. V.— Кишинэу, 1987. П. 220.

⁶ Documente privind istoria României. Veacul al XVI, Vol. IV.— Бус. 1955. Р. 18 /DIR/.

⁷ Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв.— М., 1976.

⁸ DIR. Veac. XVI. Vol. IV. Р. 18.

⁹ Советов П. В. Типологические пути развитого феодализма и турецкое завоевание Юго-Восточной Европы /к вопросу о типологических сдвигах Молдавии/ — Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Резюме докладов Кишиневского симпозиума. 1973. — Кишинев, 1973. С. 88—90.

¹⁰ Молдова ын эпока феодализмулуй. Вол. IV.— Кишинэу, 1986. П. 170. /МЕФ/.

¹¹ Костин М. Оп. чит. П. 90—96.

¹² Молдова ын эпока феодализмулуй. Вол. V.— Кишинэу, 1987. П. 220.

¹³ Тот аколо; Uricarul. Vol. XII.— Iași, 1889. Р. 277.

¹⁴ МЕФ. Вол. IV. П. 100.

¹⁵ МЕФ. Вол. IV. П. 72.

¹⁶ Uricarul. Vol. XII. Р. 277. Ун каз аналог везь: Советов П. В. Исследования по истории феодализма Молдавии. Том I.— Кишинев, 1972. С. 464.

¹⁷ Киртоагэ И. Г., Дмитриев П. Г. Изменения в административно-территориальном делении Центральной части Днестровско-Прутского междуречья в XVII—XVIII вв. // Известия АН МССР. Сер. Общест. наук. 1989. № 1.

¹⁸ Эвлия Челеби. Книга путешествий. Вып. I.— М., 1961. С. 189.

¹⁹ Драгнев Д. М. Сельское хозяйство феодальной Молдавии.— Кишинев, 1985. С. 176.

²⁰ Некулче И. О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовей.— Кишинэу, 1974. П. 110.

²¹ Тот аколо. П. 182.

²² История Молдавской ССР.

Том I (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции).— Кишинев, 1965. С. 286; *Некулче И.* Оп. чит. П. 387.

²³ Библиотека Унионалэ де Стат В. И. Ленин. Секция де манускрипсе. Ф. 41, инв. 5, д. 16.

²⁴ МЕФ. Вол. 7. Партя I.— Кишинэу, 1975. П. 33, 196.

²⁵ Архива Централэ де Стат а РССМ. Ф. 88. ин. I. Д. 23. Ф. 271.

²⁶ Труды Бессарабской ученой архивной комиссии. Том III. С. 108, 275; Архива Историко-Милитарэ

Ченталэ де Стат. Ф. ВУА. Д. 2523.

²⁷ МЕФ. Вол. 7. П. 1; Труды Бессарабской ученой архивной комиссии. Том III.

²⁸ МЕФ. Вол. 7. П. II.; АВПР. Сношения России с Турцией, оп. 89/8, д. 777, л. 43.

²⁹ *Гросул Я. С.* Крестьяне Бессарабии. Кишинев, 1956. С. 187.

³⁰ АВПР. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8, д. 777. Л. 43.

³¹ Труды Бессарабской ученой архивной комиссии. Том III.

³² *Костин М.* Оп. чит. П. 6, 22.

ACORD DE COLABORARE

În virtutea discuțiilor, organizate la Chișinău (24—29 aprilie 1990) și Iași (24—28 iunie 1990) între conducerea Institutului de istorie „I. S. Grosul” al A.Ș. a R.S.S.M. și Institutului de Istorie „A. D. Xenopol” al Academiei Române, s-a convenit asupra unui program comun de colaborare ce prevede următoarele forme de activitate științifică:

— organizarea de reuniuni științifice pe teme de interes mutual în cadrul unui program acceptat de ambele părți;

— schimb de cercetători pentru anumite specialități și stagii documentare, îndeosebi pentru tinerii cercetători;

— colaborarea la revistele de specialitate și la ediții tematice de interes comun, schimb regulat de publicații;

— întocmirea edițiilor comune de documente referitor la Moldova medievală, a enciclopediilor istorice, ce se vor edita în R.S.S.M. și România;

— studierea în comun a unui șir de teme istorice: „Moldova — puncte de legătură între spațiile baltic și pontic (sec. XIV—XVIII)”; „Evoluția statutului politico-juridic al Moldovei și Țării Românești (sec. XIV—1828). Teorie și practică politică”; „Trăsăturile feudalismului în Moldova și Țara Românească”; „Populația Moldovei în sec. XIV—XIX (Studii și documente)”.

Programul se va perfecționa pe măsura desfășurării colaborării, reieșind din cerințele științei istorice în R.S.S. Moldova și România.

D. Dragnev

IN AJUTOR PROFESORILOR DE ISTORIE В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ИСТОРИИ

ДИН «ИСТОРИЯ Р.С.С. МОЛДОВА»

Конкомитент ку едитаря примулуй волум ал историей РСС Молдова (ын шасе волуме), Институтул де историе «Я. С. Гросул» ал АШ а РССМ прегэтеште пентру типар ши волумул II ал ачестей едиций консакрат историей Цэрий Молдовой ын перноада феудализмулуй тырзиу (дин секолул XV пынэ ла ынчепутул секолулуй XIX). Ачест волум есте скрис де ун колектив де ауторь (колабораторь ла Институтул де историе ши алте институций штиинцифиче але Секцией де штиинце социале а АШ а РССМ ку конкурсул оаменилор де штиинце де ла институцииле де ынвэцэмынт супериор дин републикэ).

Решинд дин нечеситатя депистэрий профунде але «петелор албе» ын историе, депэширий унор тратэрь унилатерале але трекутулуй историк, колективул де ауторь ши колежиул редакционал а супус уней реведерь мигэлоасе ун шир де аспекте ши констатэрь дин ачест волум прегэтит пентру едитаре.

Редакция ревистей а гэсит де кувинице сэ адукэ ла куноштинце чититорилор, май алес а професорилор де историе, унеле фрагменте дин лукраря индикатэ, спэрынд ши пе ачэстэ кале сэ контрибуе ла о куноаштере май профундэ а историей плаюлуй ностру.

Публикаря (че ва континуа ын нумереле урмэтоаре але ревистей) о ынчем ку дескриеря уней пажинь глорюасе дин история Цэрий Молдовой ын аний домний воеводулуй Штефан чел Маре.

Штефан Водэ, фиул луй Богдан воевод, непотул луй Александру чел Бун, вине ла домние дупэ че ла 12 априлие 1457 ыл ынвинже ла Должештий де пе Сирет пе Петру Арон, учигашул луй Богдан Водэ, фиинд ажутат ын луптэ де оштений домнулуй Мунтенией, Влад Цепеш ши де мулць молдовень дин Цара де Жос (партия де суд а Молдовой), де унде дупэ традиции ышь трэжя обыршия ноул воевод. Ако-ло пе Сирет, пе кымпия нумитэ Дрептате, «цара» л-а алес пе воеводул молдовян домн ал Молдовой.

Домния де апроале о жумэтате де вяк а луй Штефан Водэ а пус капэт рэзбоаелор феудале интерне, а адус Принципатул Молдовой ла ун авынт политик де маре амплоаре. Файма воеводулуй молдован эра куноскутэ департе де хотареле цэрий. Даторитэ ролулуй ексчеptionал ын калитате де ом де стат, маре дипломат, ктиор ал културый, ноул домн а фост нумит ултериор Штефан чел Маре.

Десигур, кэ ын чей патрузечь ши шапте де ань де домние Штефан чел Маре (фиу ал эпочий сале) а куноскут ну нумай сукчесе ши глорие, чи ши моменте де греле ынчеркэрь, а фост невоит сэ акцепте компромисе, ренунцэрь. Ши тотушь, резултателе ачестей домний ну путяу сэ ну импрессионезе атыт пе контемпораний сэй, кыт ши пе премергэторий зилелор ноастре. Евениментеле дескрисе май сус ле путем урмэри, луынд куноштинце де компартиментул волумулуй менционат, унде се дескриу релацииле Молдовой ку цэриле вечине дин перноада домний марелуй воевод.

АКТИВИТАТЯ ЕКСТЕРНЭ А СТАТУЛУЙ МОЛДОВЕНЕСК ЫН АНИЙ ДОМНИЕЙ ЛУЙ ШТЕФАН ЧЕЛ МАРЕ (1457—1504)

§ 1. Политика екстернэ а Статулуй Молдовенеск де ла сфыршитул дечениулуй ал 6-ля ши ынчепутул дечениулуй ал 8-ля ал секолулуй XV (Аутор П. Ф. Параска)

Одатэ ку мэсуриле мените сэ стабилизезе ситуация политикэ интернэ ын примий ань де домние, Штефан чел Маре ынтрепринде ши о серие де акциунь пе тэрымул политичий екстерне, урмэринд сэ превинэ аместекул цэрилор вечине ын вяца интернэ а Молдовой сау кяр инвазия лор, феномене дестул де фреквенте ын перноада рэзбоаелор феудале ши а луптелор интерне, каре ну демулт бынтуисе цара. Ла алежеря ориентэрий ын домениул политичий екстерне Штефан циня сама де ситуация ла моментул дат. Ын нонле кондиций ел ну май путя сэ контезе пе контрадикцииле полоно-лигуаниене сау пе конкуренца унгаро-полонэ, аша кум прочедау предечесорий

сэй. Кэч режеле полон Казимир ал IV акум ера тотодатэ ши маре княз литуаниян. Ын афарэ де ачаста, ла ынчепут ел ыл адэпостисе пе Петру Арон, чел май ынрэнт душман ал луй Штефан чел Маре. Ситуация конкретэ ексклудя ши посибилитатя ка Штефан сэ се базезе пе сприжинул Унгарией, деоарече режеле ей, Матей Корвин, ну ренунцасе ла интенция константэ а политичий Регатулуй Унгар де а се ынтэри ын Молдова. Гарнизона маярэ стациона ын Четатя Килия, пункт фоарте импор-тант дакэ цинем конт кэ валул агресией отомане а ажунос ла малуриле Дунэрий. Примеждия дин партя османилор пуня проблема рекучерий Килией де кэтре Мол-дова, яр рекэпэтаря Килией ну путя сэ ну провоаче ун конфликт милитар ку Унгария.

Прегэтинду-се де конфрунтаре ку Унгария, Штефан ну путя ынсэ сэ ну-шь аси-гуре спателе динспре Полония. Резолвынд ачастэ сарчинэ домнул Молдовой а цинут конт, кэ Полония ера окупатэ де ындедунгатул ши истовиторул рэзбой ымпотрива ординулуй теуонилюр. Штефан ынцележя кэ режеле полон Казимир ал IV ар фи путут сэ факэ уз де презенца ын Полония а луй Петру Арон ши а грудулуй сэу де боерь. Штефан хотэрэште сэ инфлуенцезе асупра Полонией прин форца армелор. Ын 1458 оштиря луй инвадыэз Покуция, лимитрофэ ку Молдова. Аменинцат сэ дукэ рэзбой пе доуэ фронтурэ, Казимир ал IV се веде невоит сэ рекургэ ла паче, трататул финнд семнат ын 1459 де ымпутерничий режелуй полон ши чей ай домнито-рулуй-молдав. Солий Молдовой ау фэгэдуит кэ домнул ва депуне персонал омажиу режелуй Полонией ши Короаней полоне. Ла рындул сэу, режеле шы-а луат obligация де а-л онора ши а-л апэра пе Штефан, ши ка ынчепут й-а интерзис луй Петру Арон сэ се афле ла хотареле Молдовой ши ну май апроапе декыт орашул Смотрич дин Подолия. Трататул пурта ун характер де компромис: ера амынатэ фэрэ термен дата депунерий омажиулуй персоналу ал луй Штефан режелуй полон. Регатул Полон, ынсэ, континуа сэ-шь менциэ контролул асупра четэций Хотин. Ынкееря уней пэчэ атыт де рапиде ера индикатэ ши де нечеситатя резолвэрий де кэтре амбеле пэрчы а унор сарчинь май урженте. Пентру Полония ачаста ынсемна лупта ымпотри-ва ординулуй, яр пентру Молдова — фортификаря хотарелор де суд але статулуй ын легэтурэ ку аменинцаря експансиуний османе.

Ноул тратат молдо-полон, де курынд ынкеят ын 1462, конфирма принципалеле тезе але ынцележерий пречеденте ши куприндя тотодатэ obligация пэрций молдове-нешть де а ну ынкея ку чинева алианцэ фэрэ консимцэмынтул режелуй полон сау ымпотрива луй, де а ну ынстрэина проприиле пэмынтурь ши а ну обцине пэмынтурь ной фэрэ штиря ачестуа. Яр унеле пэмынтурь, пе каре Молдова ле пердусе ын тре-кут, урмау сэ фие реынтоарсе. Ера vorba, ын примул рынд, де четатя Килия, каре а фост чедатэ Унгарией ын тимпул рэзбоаелор феудале. Тоате ынцележериле ынкеяте ын трекут де Молдова ку алте статэ ышь пердяу валабилитатя дакэ ерау ориентате ымпотрива Полонией. Режеле а ынторс Молдовой четатя Хотинулуй. Де курынд ши Петру Арон а фост липсит комплектаменте де сусцинеря режелуй ши с-а вэзут фор-цат сэ-шь кауте азил ла режеле маярэ.

Сприжинул дипломатик акордат де Полония политичий промовате де Цара Мол-довой ну ера, тотушь, ынсоцит де ун ажутор милитар конкрет. Дипломация полонэ евита о конфрунтаре директэ ку Империял Отоман, ын тимп че Молдова ера коин-тересатэ ын консолидаря хотарелор ей судиче, унде агресия отоманэ девеня иминентэ. Ынкееря пэчий ку Полония ануме ши й-а пермис луй Штефан чел Маре сэ пурчадэ ла реализаря принципалей сале сарчинь ын политика екстернэ ла етапа датэ — рестабилиря капачитэций де апэраре а цэрий динспре суд прин реадучеря Килией суб стэпыниря Молдовой.

Политика промоватэ де Штефан ын ведеря ынтэриий хотарелор де суд але Молдовой, май алес пентру релуаря Килией, путя сэ провоаче немулцурия султа-нулуй турческ ши май алес сэ дукэ ла о чокнире арматэ директэ ку Унгария, каре ышь дизлокасе ын Килия уна дин гарнизона. Ын вара анулуй 1461 Штефан хотэ-рэште сэ ынтрэприндэ ун атак сурпринзэтор асупра секуилор дин Трансильвания, каре формау детаашаментеле де фронтале арматей режелуй унгар ын тимпул акциунилор луй милитаре де ла суд-ест де Карпаць. Ачастэ кампания а слэбит капачитатя секуи-лор де а ынтрэпринде операций милитаре ымпотрива Молдовой.

Штефан ынчепе акциуниле милитаре ымпотрива гарнизонаей дин Килия ын вара анулуй 1462. Еле ау коинчис ын тимп ку нэвэлиря ын Валахия а уней марь оштирь а отоманилор ын резултатул кэрея а фост детронат Влад Цепеш, васалул режелуй унгур. Ку ажуторул отоманилор пе тронул Валахий сэ уркэ Раду чел Фрумос, о унялтэ дочилэ ын мыниле султанулуй. Оштилиле отомане ынчаркэ сэ кучеряскэ чета-тя Килия, асалтынд-о динспре Дунэре. Екзистэ дате, кэ ын вара ачелуащ ан ши Штефан асалтязэ четатя де пе ускат. Деоарече оштилиле домнулуй ну ерау бине прегэтите пентру асалт ши ну диспунау де тунуриле нечесаче, ну ау фост ын старе сэ пунэ стэпынире пе четате, вэзынду-се невоите сэ се ретрагэ. Ын януарие 1465 Штефан се прегэтеште май темейник де луптэ пентру четате. Ел ынзестряэ оастя ку тунурь ши, тотодатэ, стабилеште легэтурь ку локуиторий Килией, каре ерау гауа сэ дескидэ порциле орашулуй ын фаца оштирий молдовене. Фапул ачеста а ушура-ту луаря четэций: партя неынтеритэ а фост кучеритэ фэрэ лупте, читадела кэзынд а доуа зет. Домнул а пус ын четате пыркэлабь молдовень ши, ка сэ ле факэ пе плакул локуиторий каре л-ау ажуат, а организат сербэрь.

Луаря Килией а стырнит немулцурия султанулуй, а домнулуй Валахий ши,

май алес, а режелуй унгур, каре пердусе ун импорант аванпост пе Дунэре. Релацииле молдо-магяре се ынрэутэцеск ын деосебь кынд Штефан ынчепе сэ сприжине позиция дин Трансильвания ымпотрива режелуй Матей Корвин, каре, ла рындул сэу, реушеште сэ ыннэбуше темпорар ачастэ оппозиции, ши, прин урмаре, апропие ши май мулт чокниря ку Штефан.

Ла сфыршитул тоамней дин 1467 Матей Корвин нэвлеште ын Молдова ку о арматэ нумероасэ ши пуне стэпынире пе орашеле Бакэу ши Тротуш. Дупэ девастаря лор комплектэ арматэ магярэ ынаинтизэ спре норд ын дирекция Сучевей, котропинд орашеле Роман ши Нямц, пынэ че ау ажунс ла Бая, фоста капиталэ а Молдovej, унде режеле дечиде сэ се опрыскэ. Ануме аич домнул Молдovej а прегэтит арматей магяре о курсэ. Ын ноаптя де 14—15 дечембрие оамений сэй ау инчендиат май мулте касе дин ораш. Лукрул ачеста а бэгат гроаза ын остайши магярэ, каре кефуяу. Гроаза а луат ши май марь пропорций, кынд оштириле молдовенешть нэвлэирэ асупра лор дин амбускадэ. Ын тимпул бэтэлией ноктурне арматэ магярэ а фост здробитэ. Рэнит, режеле ажунжэ ку маре греутате ын Трансильвания, пэрэсинд караванеле ку провизий ши арме, инклузив тунуриле. Кроникарул Гр. Уреке сублиниязэ, кэ ын урмэриря душманулуй с'ау евиденцият ын специал цэраний². Нумай дин кауза трэдэрий унор боерэ молдовень, инклузив а ворникулуй Краснэш, Матей Корвин а реушит сэ скапе де принсоаре.

Виктория репутатэ де оштиря луй Штефан чел Маре ла Бая а ынтэрит престижиул Молдovej ши а фэкут сэ кряскэ ауторитатя домулуй ын фаца монархилор дин цэриле вечине. Молдова с'а доведит а фи унул динтре путерничеле стате дин Еуропа де Суд-Вест. Преокупат де лупта ымпотрива оппозиций дин интериорул цэрий, Матей Корвин ренунцэ ла о ноуэ кампания ымпотрива Молдovej. Астфел се креасе о ситуацие интернационалэ релатив фаворабилэ, пе каре Штефан а фолосит-о пентру а ынтэри ши май бине хотареле де суд.

Консолидаря позициилор Империиулуй Осман ын Валахия конституя о примеж-дие сериоасэ пентру Молдова. Штефан хотэрэште сэ слэбьаскэ ачесте позиций але султанулуй. Прегэтинду-се де о кампание ын Валахия, ел ынтрепринде акциунь ын ведеря асигурэрий фланкулуй дрепт дин партия секуилор дин Трансильвания. Суб претекстул педенсирый лор пентру партиципаре ла кампания режелуй унгур ын Молдова домнул рэзбате ын доменииле секуилор, силинду-й сэй-й плэтыскэ трибут. Ын 1470 Штефан девастязэ четатя Брэила, импорант пункт де сприжин ал Валахийей ын рэсэрит, кэутинд сэ скоатэ ачест принципат де суб инфлуенца отоманилор ши сэ ну-й ласе пе ачештя сэ-шь консолидэзе аич позиции. Ка рэспунс ла о нэвалэ асупра Молдovej, Штефан кэута сэ-л детронезе пе Раду чел Фрумос, креатурэ а султанулуй, ши сэ-л ышлокускэ ла тронул Валахийей ку протежатул сэу Лайотэ Басараб.

Ын 1471 Раду чел Фрумос се прегэтя сэ атаче Молдова ка рэспунс ла девастаря Брэилей. Превенит дин тимп, домнул Молдovej ый курмэ интенцияле, ачеста финнд невоит сэ се ретражэ. Нэвлэиря татарилор ын Молдова а ымпедикат десфэшураля викториоасэ а евениментелор дин кадрул конфликтулуй ку Валахия. Тэтарий трекусерэ хотареле Молдovej ынкэ ын 1469. Деоарече домнул ера преокупат ла суд, ачештя прадэ либер ын царэ, причинуинд марь дауне популяций. Дар, кынд тэтарий фэчяу кале ынтоарсэ, Штефан ле ынтрегате каля ла Липник, лынгэ Нистру, ши-й здробеште дефинитив. Тотуш, ей континуэ сэ атаче Молдова ши ын аний урмэторь, чей че комплика консидерабил акциуниле луй Штефан ла суд.

Ын тоамна анулуй 1473 а авут лок о бэтэлие ынтре молдовенешть ши челе валахе пе териториул душманулуй. Раду чел Фрумос суферэ ынфрынжере ши се ретражэ ын четатя са де скаун — Дымбовица. Курынд ел пэрэсеште капиталэ, каре есте окупатэ де оштириле молдовенешть. Пе тронул Валахийей а фост ашезат Лайотэ Басараб. Фапул ачеста дуче ындатэ ла чокнире директэ ынтре Штефан ши отоманий вениць ын ажурот домулуй валах детронат. Ын асемения ымпрежурэрь ун рол импорант ау авут релацииле динтре Молдова ши путерничеле стате феудале вечине — Унгария ши Полония.

Ла ынчепутул дечениулуй ал 7-ля ал секолулуй XV контрадикцииле магяро-полоне ау девенит май акуте ын легэтурэ ку ривалитатя ла тронул чех. Обцинынд короана чехэ пентру фечорул сэу Владислав, Казимир ал IV ынчяркэ сэ фолосяскэ оппозиция магналилор унгур фацэ де Матей Корвин пентру а-л рэстурна.

Симцинд примеждия уней чокнирь директе ку отоманий, Штефан чел Маре скимбэ акцентеле ын ориентаря политичий сале екстерне. Ел авя невое ну нумай де паче ку Полония, дар ши де партиципаря ей ла луптэ ымпотрива периколулуй отоман, каре девеняше тот май аменинцэтор. Ка ши ын трекут, ынсэ, Регатул Полон се ескива де ла операций милитаре директе ымпотрива Империиулуй Отоман. Релацииле динтре Молдова ши Полония се ынрэутэцеск. Ка рэспунс ла пропунеря режелуй Полонийей, ын 1471 Штефан чел Маре рефузэ сэ-шь тримитэ фечорул ын фрунтя а о мие де кэлэрець пентру а-л ынсоци пе Владислав ын Чехия ку оказия коронэрий сале.

Рефузул Полонийей де а акорда ажурот Молдovej ын лупта ымпотрива отоманилор ыл силеште пе Штефан сэ кауте модалитэць де контакт ку режеле унгур. Фапул кэ домнул Молдovej ну а интервенит ын контрадикцииле полоно-магяре дин кауза Чехией ши кэ Штефан а ынтрепринс акциунь активе ын Валахия ымпотрива фаворитулуй отоман Раду чел Фрумос, а фост апречият позитив де Матей Корвин. Позицииле ачестя ын интериорул цэрий с'ау консолидат. Ел а обцинут посибилитатя де а акорда май маре атенцие конфликтелор ку Полония. Ау урмат операций

милитаре ымпотрива луй Владислав, каре окупасе тронул чех, ын курсул кэтора армата унгарэ а дат о серие де ловитурь серноасе оштирилор полоне.

Ынтэриря позициилор луй Штефан чел Маре ын интериорул цэрий ши креаря уней ситуацией интернационале май фаворабиле пентру Молдова оферэ луй Штефан посбилизатя де а трече ла акциунь ындрэзнице ла хотареле де суд ымпотрива експансионий османе.

§ 2. Лупта Статулуй Молдовенеск ымпотрива експансией османе (аутор — Г. В. Гонца)

Апропията конфрунтаре а Молдовой ку османий импуня луй Штефан чел Маре сарчина де а-шь кэута алианц. Ын скопул ачеста ел стабилеште легэтурь ку микул принципат Мангоп дин Кримея. Дупэ че прима са содие Еудокия, сора князулуй кне-вян Семьон Оленькович моаре, Штефан чел Маре се кэсэтореште ын 1472 ку Мария, сора луй Исаак ши Александру, кырмуиторий Мангопулуй. Ын ачелаш ан Штефан дуче тратативе ку султанул вастулуй стат туркоман Ак-Коюнлу дин Ориентул Миж-лоциу Узун-Хасан, каре с'а ридикат ымпотрива Империиулуй Осман. Прин интер-медиул солулуй сэу Исак-бег Узун-Хасан а стабилит релаций дипломатиче ку лига стателор еуропене кондусе де Венеция, каре де асемения се прегэты сэ се ридиче ымпотрива Империиулуй Отоман. Ла тратативеле дин Венеция ши ку Ак-Коюнлу я парте ши Молдова, ынкадрынду-се ын ачастэ коалицие антиосманэ. Стателе еуро-пене, ынсэ, ну й-ау венит ын ажутор луй Узун-Хасан, яр ла 10 август 1473 султанул турк Мехмед ал II-ля здробеште оастя ачестуя ын луптеле де ла Ерзерум. Ын континуаре стэпынириле статулуй Ак-Коюнлу ау фост инклусе ын Империиул Отоман.

Ын тимп че султанул десфэшура операций милитаре ын Асия, Штефан ынчеты-зэ де а май плэти трибут Империиулуй Отоман. Ын ачелаш ан, ынсэ, дупэ че ре-пуртасе виктория ын Асия, Мехмед ал II-ля ышь ындряптэ принципалеле форце ын Еуропа. Ын конформитате ку диспозиция луй, санжакбей турч де лынгэ хотар-л-ау изгонит дин тронул валах пе Лайота Басараб ши л-ау рестабилит пе фавори-тул султанулуй, Раду чел Фрумос. Астфел с'а ынчепут жефуирия ши а пэмынтури-лор де суд але Молдовой.

Ын тоамна анулуй 1474 Штефан реушеште сэ ынтоаркэ ла тронул Молдовой пе Лайота. Ын ачелаш тимп Раду фуже ын Трансильвания. О периоадэ оарекаре Лайота а дус политика антиосманэ ын ынцележере ку домнул молдовян, ынсэ ын курынд суферэ ынфрынжере ын бэтэлия ку оштите луй Раду чел Фрумос ши е невоит сэ пэрэяскэ пара. Астфел Штефан ынчаркэ сэ реадукэ Мунтения ын сфера политичий антиосмане, дар фэрэ реушитэ. Експансионя османэ, каре аменинча тот май мулт Молдова, л-а импус пе Штефан сэ се дезикэ де плануриле сале ын Мунтения ве-чинэ. Ын кондицииле ескалэрий луптей антиосмане ла норд де Дунэре Поарта тот май инсистент се прегэтеште пентру дистружэря ши акапараря Статулуй Молдове-неск, чел май актив ын коалиция антитуркэ дин ачастэ режииуне ши каре презента ун обстакол ын реализаря планурилор експансионисте але Порций.

Ынтре тимп ла Истамбул а фост ынтокмит планул де супунере а Молдовой Империиулуй Осман. Ын а доуа жумэате а анулуй 1474 Мехмед ал II-ля а ордонат луй Штефан чел Маре сэ адукэ персонал трибутол ла Истамбул, прекум фэця дом-нул валах, ши сэ чедезе турчилор Килия ши Четатя Албэ. Султанул ыл превеня, кэ дакэ ну се ва супуне, ыл ва сили ку форца. Домнул Молдовой а респинс череря сул-танулуй. Ка рэспунс, Мехмед ал II-ля а ордонат луй Хажжи-Сулейман-паша, бейлер-бегул Румелией локцииторул султанулуй ын Балкань, окупат ку акциунь милитаре ын Албания, сэ се ындрепте спре Молдова. Дупэ кум атестэ контемпораний ачелор евенименте групеле османе нумэрау песте 100 де мий де оамень. Лор ли с'ау алипит ши деташаментеле домнулуй валах, Раду чел Фрумос, каре се цифрау ла 17 мий де оамень. Ымпотрива ачестей армате колосале Штефан чел Маре опуя оастя чя маре, ку ун ефектив де пынэ ла 40 де мий де оамень. Ын ажутор й-ау венит доар деташа-ментеле релатив мичь дин Унгария ши Полония.

Рэзбоюл ымпотрива Молдовой се пэря путерникулуй Империиу Отоман а фи пе кыт се поате де ушор ши, реешинд дин ачаста, султанул а хотэрыт с'о атаче ын тимпул ерий, деши кампанииле милитаре, де регулэ, ерау ынтрепринсе де обичей вара. Потривит ачестей дечизий, армата туркэ, ынтрынд пе териториул Молдовой ла сфыршитул луний дечембрие, ынтымпинэ дификултэць ын апровизионаря ку алимен-те ши фураж, деоарече Штефан чел Маре а прочедат ла апликаря тактичий «пэ-мынтулуй пыржолит». Астфел ын каля арматей отомане сателе фусесе пэрэсите, апа дин фынтынь ера отрэвитэ, грывеле, фуражеле аскурс. Домнул рекурже ла маневре искусите пентру а-л атраже пе душман, ынаните де бэтэлия дечисивэ, пе позиций авантажосе арматей молдовенешть, каре с-л липсыскэ де посбилизатя де а про-фита де супериоритатя са нумерикэ. Локуиторий сателор ши орашелор молдове-нешть, ынармаць ку че авяла ла ындемынэ, нимичяу трутеле душмане, каре се ын-депэртау де унитэциле принципале але арматей ын кэутаре де алименте ши фураж. Фланкуриле ши колоанеле де апровизионаре але отоманилор ерау меруе атакате прин суприндере. Ка урмаре, ын табэра душманулуй а ынчепут фоаметя. Пе мэсурэ че армата отоманэ ынанита ын адынкул Молдовой капачитатя ей де луптэ скэдя, деши континуа сэ репрезинте, тотушь, о форцэ дестул де маре.

Концентрынду-шь оастя ын интериорул цэрий, лынгэ орашул Васлуй, Штефан а хотэрыт сэ дее инамикулуй бэтэлия дечисивэ. Ын скопул ачеста ел а алес локул, унде ваяя малулуй стынг ал Бырладулуй ера май ынгуствэ ши протежатэ де амбеле пэрць ку колине ымпэдуриле. Аич трупеле молдовенешть ау ши окупат позициле. Апроапе де кымпул де луптэ, дупэ дялуриле дин дряпта, домнитурул шы-а ситут ын калитате де резервэ кавалерия. Ын диминяца чедоасэ де 10 януарие 1475 Штефан чел Маре ыл ынтымпинэ аич пе душман, респингынд примеле луй атакурь. Ын спателе трупелор османе, песте рыул Бырлад, домнул а тримис ун груп де трымбичашь, каре ын тоюл бэтэлией ау дат семнале де атак, креынд апаренца ымпресурь-рий инамикулуй. Хажы-Сулейман-паша а фост купринс де паникэ ши ынчеркэ сэ трякэ Бырладул пе подул дин режиуне. Де аич бэтэлия се май нумеште лупта де ла Подул Ыналт. Кэлэрымя ши педестримя душманулуй, ынгесуите пе ун сектор ынгуствэ де териториу, ну ау авут посибилитате де а се десфэшура ын позиций де луптэ, кэзынд астфел суб ловитуриле греле але аркашилор ши тунурило молдовенешть. Оштириле османе, ынчеркате ын мулте лупте, ну май ерау ын старе се резисте юрешулуй трупелор молдовенешть ын маре парте формате дин цэрэнь, каре луптау ку бэрбэцие пентру мелягул лор. Искусииц аркашь молдовень ау рупт дефенсива душманулуй. Ын моментул хотэрытор, кынд османий се гэсыу ын старе де дерутэ, Штефан а порнит ла атак ын фрунтя кавалерией сале дин резервэ, форцынд армата инамикэ сэ се ретрагэ ын дезордине. Ынтр'ун тимп релатив скурт еа а фост здробитэ дефинитив ын тимпул тречерий песте Дунэре.

Бируинца репутатэ де молдовень ымпотрива турчилор ла Васлуй а продус о путерникэ импресие асупра популацией бэштинаше. Пе неаштептате тоць с'ау конвинс кэ мика Молдовэ а фост ын старе сэ здробяскэ о колосалэ арматэ а османило, каре ынфрынсесе пынэ атунч челе май буе трупэ де кавалерь дин Еуропа. Виктория ачаста а фост сэбрэторитэ ла Краковия, Рома, Виена, Венеция ши ын алте капитале еуропене. Куноскутул кроникар полон Ян Длугош, мартор ал евениментелор дескри-се, скрие плин де адмираще: «О, бэрбат демн де адмираще, каре пе дрепт кувынт поате фи пус ынтр'ун рынд ку ремаркабилией ерой, кондукэторь де ошть, чел динтый дентре принчипий лумий, каре а репутат ын зилеле ноастре о викторие атыт де стрэлучитэ ымпотрива османило! Дупэ пэреря мя ел есте чел май вредник сэ и се ынкрединчезе... кондукэря жэнералэ а луптей антиосмане». Ын Еуропа дэйнуща сперанца кэ се ва организа о кручиадэ ымпотрива османило.

Ачештя ау фост невоиць сэ-шь рекуноаскэ ынфрынжеря, лукру фоарте рар ын-тылнит. Кроникарий турчь менционау, кэ ын бэтэлия датэ а фост нимичитэ ынтрагя оштире османэ. «Сулейман греу а скэпат ку фуга», скрия кроникарул Саадеддин.

О апречиере ыналтэ ачестей викторий ши ролулуй маселор популяре ын репутаря ей а дат Карл Маркс: «Армата молдовеняскэ компусэ дин 40000 де цэрэнь молдовень, каре фусесерэ луашь апроапе директ де ла плуг, 5000 де солдаць магарь, ын чя май маре парте секуй, ши 2000 де полонезь, мулт май слабэ декыт чя турьяскэ, а здробит-о тогуш комплект; нумай пущинь турчь ау скэпат ку вяцэ; ау фост оморыте патру пашале, ау фост каптурате 100 де стягурь»³. Маркс ыл нумеште пе Штефан «витазул домн молдовенеск»⁴. Ануме суб импресия ачестей викторий улте-риор ел а ынчепут сэ фие нумит Штефан чел Маре.

Ынфрынжеря де ла Васлуй а спулберат сперанцэле султанулуй ла супунеря рапидэ а Молдовэ. Тотодатэ, здобриря арматей турчешть ну ынсма кэ лупта ымпотрива Имперулуй Осман а луат сфыршит. Фиинд конштиент де фаптул ачеста, Штефан ынчеле прегэтириле де ной бэтэлий. Ел се аштепта, кэ дупэ виктория де ла Васлуй, монархий еуропен ый вор акорда ажуторул милитар нечесар. Ын скрисоаря, пе каре домнитурул о адресизэ ла 25 януарие 1475 кондукэторилор де стате дин Еуропа, ый превине, кэ Молдова есте о «поартэ а крештинэтьей», яр дакэ ачастэ поартэ ва кэдя, тоатэ Еуропа се афлэ ын примеждие, фиинд невоитэ уна сингурэ сэ цинэ пьепт Имперулуй Осман⁵. Ау фост тримисе солий але Молдовей ла Рома, Бахчисарай, Кафа, Буда ши ын алте капитале. Ынсэ стателе феудале дин Еуропа, сфы-шияте де дезбинэрь, ну ерау ын старе сэ се уняскэ ши сэ лупте ымпотрива периколулуй осман. Деачея, ын афарэ де фэгэдуель вербале ши феличитэрь ку прилежул викторией де ла Васлуй, Молдова ну обцине нич ун ажутор милитар реал нич чел пущин дин партя цэрилор каре фэчяу парте дин лига антиосманэ. Нимик конкрет ну й-а фэгэдуит режеле полон, каре ера сузеранул домнулуй.

Ын кондициле креате ын Молдова континуэ сэ се интенсифиче ориентаря спре Унгария, коинтересатэ сэ стэвиляскэ ынаинтаря османило спре норд. Ын вара ану-луй 1475 Штефан чел Маре ынкее ун тратат де алианцэ ку режеле унгур Матей Корвин, прин каре рекуноаште сузеранитатя короаней магаре. Домнул Молдовей ышь асума облигация де а акорда ажутор режелулуй унгур ымпотрива адверсарилор луй, ку ексчеппия режелулуй полон. Ын скимб режеле унгур урмязэ сэ акорде ажутор Молдовей ын примул рынд ымпотрива османило.

Ка рэспунс ла ынкееря алианцей молдо-унгаре ын черкуруле гувернаментале але Полонией се урзеште планул трансмитерий тронулуй молдовенеск унуй принц полон, суб претекстул трансформэрий Молдовей ынтр'ун аванпост антиосман. Планул ачеста, елаборат де шефул дипломатической полоне Филипп Буонакорси Калимак, урмэря, де факт, котропиря Молдовей ши ынтэриря Полонией ын Маря Нигрэ. Веста ачестуй план се рэспындеште курынды ши ын Молдова. Дар гувернуул полонез ну с'а дечис деокамдатэ сэ реализезе планул ын вяцэ.

Ынцелегынд кэ ну май аре рост сэ аштепте ажутор дин партия Регатулуй Полон, Штефан депуне ефортурь ын ведеря креэрий уней коалиций антиосмане а цэрилор де пе литоралул де норд ал Мэрий Негре, фэрэ сэ прежете апликаря ын ачест скоп кя ши форца. Астфел, кынд князул Исаак, домниюр ал миклулуй принципат Мангоп дин Кримея а трекут де партия османилор, Штефан тримите аич ошты молдовенешть. Еле л-ау рэстурнат пе Исаак ши ау трансмис тронул фрателуй ачестуя, Александру, каре декларасе кэ ва опуне резистенцэ османилор. Домнул Молдовей спера, кэ прин интермедиул луй ва путя сэ инфленцезе асупра лунтей пентру путере дин ханатул Кримеей ын фавоаря луй Менгли-Гирей, каре де асеменя ера ымпотрива османилор. Домнул нэдеждуя, кэ ши колония женовезэ Кафа ва фи антреназэ ын пресупуса коалиция, ынсэ кондукэторий ей ау рефузат сэ се уняскэ ку Штефан ши сэ лупте ымпотрива отоманилор, кэч сперау сэ ынкее ку ей ун акорд комерциал конвенабил. Ынтре тимп, ын вара анулуй 1475 о енормэ флотэ османэ с'а апропийат де Кафа, каре дупэ кытева зиле де аседиу а капитулат. С'а скимбат ситуация ши ын ханатул Кримеей, унде Менгли-Гирей а фост невоит сэ скапе ку fuga, яр ноул хан с'а супус османилор.

Супунеря дефинитивэ а ханулуй дин Кримея Ыналтей Порцэ а ынрэуэтэцит ку мулт ситуация интернационалэ а Принципатулуй Молдовенеск, деоарече куртя де ла Бахчисарай с'а трансформат ынтр'о армэ путерникэ ши сигурэ а султанулуй турк ын политика са экспансионистэ дин Еуропа де Суд-Ест ши Рэсэритяне. Цара Молдовей есте ымпусэ ын континуаре сэ цинэ пепт душманилор дин доуэ пэрць: динспре Дунэре атакэ пэмынтурыле стрэмошешть османий, яр одатэ ку ей ка де обичей трек Нистру кэлэрымя рапидэ тэтарэ. Спре сфыршитул анулуй 1475 турчий ау котропит ши Мангопул. Корэбниле османилор атакэ курынд ши орашеле молдовенешть Четатя Албэ ши Килия, дар ау фост респинсе де гарнизоанеле четэцилор. Ынкеинд ун тратат де паче, ын примэвара анулуй 1476 султанул турк обичине де ла режеле полон гаранций кэ Полония ну ва луга парте ла ноул конфликт молдо-осман гата сэ избукияскэ. Молдова а рэмас дин ноу сингурэ ын фаца Империиулуй Осман. Релациониле молдо-османе ау девенит екстрем де ынкордате, май алес кынд домнул а примит ла Четатя Албэ о корабие турчяскэ, каптуратэ де призоинерий рэскулаць дин Кафа, ши кынд а трансмис вистерией молдовенешть объектеле де прец гэсите пе корабие, каре фусесе предасте де османь ла Кафа. Ун вэдит карактер антиосман л-ау авут ши ноиле ынчеркэрэ але луй Штефан де а ынтоарче Валахия ын сфера политичий сале. Ынсэ Лайота Басараб, адус дин ноу ла тронул валах де кэтре Штефан, суб пресиуня курчий де ла Истамбул се супуне султанулуй. Акциуниле домнулуй молдовиян ау акцелерат дезнодэмынтул конфликтулуй молдо-осман.

Ын 1476 султанул концентрязэ пентру кампание о арматэ колосалэ. Ажунгынд ла Дунэре, дупэ кум релатязэ контемпораний евениментелор, ел тримите ла Штефан ун сол, черынду-й сэ плэтыскэ трибут пентру ултимий трей ань, сэ-й дя Килия, сэл тримитэ ын капитала Империиулуй Осман пе фечорул сау ка остатек ши сэ-й ынтоаркэ корабия ымпреунэ ку чей рэскулаць. Рефузул луй Штефан а сервисит претекст пентру о ноуэ кампание османэ ын Молдова, ын фрунтя кэрея а хотэрыт сэ порняскэ кэ ынсущэ султанул Мехмед ал II-ля. Ла 10 юние 1476 армата отоманэ, ла каре с'ау алипит детаашаментеле валахе але луй Басараб Лайота, че трекусе де партия султанулуй, прекум ши трупе дин Кримея, нэвэлеште пе териториул Молдовей. Дупэ кум релатязэ сурселе, армата ачаста ар фи авут чирка 150—200 мий де оштень. Ын ачелаш тимп флотэ османэ атакэ ши Четатя Албэ.

Штефан а фост ын старе сэ опунэ форцелор отомане ун эффектив де апроапе 40 мий де оамень ай «оштий марь» а цэрий, фэрэ а обичине вре-ун оарекаре ажутор дин афарэ. Ажуторул фэгэдуит де режеле унгул ынтырзия. Ын тимп че армата османэ пэтрундя ын Молдова, аич дау нэвалэ ши тэтарий дин Кримея, каре ши ынчеп сэ девастезе сателе молдовенешть. Штефан с'а вэзут невоит сэ ынгэдуе цэранилор дин оастя чя маре сэ-шь организезе сингурэ алэраря проприилор касе ши сэ се асигуре ку де але мынкэрий.

Акциуниле цэранилор ымпотрива тэтарилор с'ау ынкунунат де сукчес ши даторитэ ситуацийей интернационале приелниче; ын ачелаш тимп, асупра Ханатулуй дин Кримея нэвэлеск ши душманий лор вешничь — тэтарий дин хоарда де Аур. Еминек Мурза, кондукэторул милитар ал крымленилор, пэрэсеште де урженцэ Молдова, фиинд урмэрит де кэтре молдовень. Дин пэкате, оштений цэранэ н'ау избутит сэ се ынтоаркэ ын лагэрул оштий домнулуй, каре фусесе невоитэ сэ се ретрагэ ын фаца инамикулуй мулт май нумерос. Ятэ де че ла ынчепут Домнул а рэмас доар ку «оастя чя микэ» де чел мулт 10—12 мий де оштень. Ачесте форце, бинесынцелес, ну ерау сфичиенте пентру а да о луптэ дечисивэ. Астфел, оштира молдовеняскэ континуа ретражеря ын адынкул пэрий, апликаынз тактика ынчеркатэ де слеире а форцелор инамикулуй. Ка де обичей ын тимпул ретражерий молдовений дэдяу фок ланурилор, отрэвляу фынтыниле, популяция се рефужия ын пэдурь ши ын мушць. Штефан кэута ун лок потривит пентру лупте, унде сэ поатэ рекурже ла маневре ши сэ парализезе инициатива форцелор, супериоаре нумерик, але душманулуй.

Ку тоатэ супериоритатя нетэ а оштирий османе Штефан Водэ се хотэрэште сэ дя о бэтэлие дечисивэ ку султанул. Ын ачест скоп ел а алес о вале ынгустэ, ынконжуратэ ку пэдурь, че се нумя Валя Албэ, ну департе де орашул Нямц. Ын каз де ынфрынжере оастя молдовеняскэ авя посибилитатя сэ се ретрагэ репедэ ын кодри, унде османий девеняу непутинчошь. Позицииле оштирилор молдовенешть ау фост

фортификате ку траншее, валури де пэмынт, трукюрь де копачь, ши кэруце легате ынтре еле, дуэз тактика хуситэ. Бэтэлия а ынчепут ла 26 юлие 1476 принтр'ун атак ал трупелор молдовене ымпотрива авангэръий османилор, кондусэ де Сулейман-паша, каре суферисе ын трекут, ла 1475, ынфрынжэре лынгэ Васлуй. Де дата ачаста, ынсэ, трупеле де авангардэ але луй Сулейман ау резистат атакулуй. Суб пресиуня арматей османе, кондусэ де ынсущэ Мехмед ал II-ля, молдовений ау фост невоищэ сэ се ретрагэ, яр спре сфыршитул зилей, суб протекция нолпий, с'ау рефужият ын пэдури. Еле ау пердут ын луптэ песте о мие де оамень. Турчий ау пердут пе кымпул де луптэ чирка 30 де мий де оамень, чэя че а слэбит консидерабил оастя султанулуй. Деоарече принтре чей кэзуць ын луптэ ерау мулць боерь де вазэ ши службашь, кроникарул молдован, репрезентант ал класей доминанте, дескрыя ынфрынжэря ку о деосебитэ амэрэчуне. «Ши мултэ дурере а погорыт пе пэмынтуриле молдовенешть»⁶, астфел ынкее ел релатаря са амэнунцитэ деспре ачастэ бэтэлие. Доуэзэч де ань май тырзиу Штефан чел Маре ктитореште пе локул бэтэлией о бисерикэ, ын зидуриле кэрея а фост чоплитэ о инскрипцие деспре тристул евенимент — ынфрынжэря оастей молдовенешть ши пердэря мултор оасты де вазэ. Денумиря локулуй унде с'а дат бэтэлия а фост скимбатэ ын Рэзбоень.

Дупэ луптеле дин Валя Албэ султанул консидера кэ ачастэ кампание а луат сфыршият. Ынтре тимп, ынсэ, ын мулць ши ын пэдури ын журул домнулуй ынчепе сэ се адуне оастя чя маре, форматэ дин цэрань. Ынчеркэриле турчилор де а кучери четэциле де пятрэ Сучава, Нямц ши Хотин, але кэрор гарнизоане се ымпотривяу еронк, ау ешуат. Флота отоманэ, каре аседиясе Четатя Албэ ши Килия, а фост сурпринсэ де о фуртунэ путерникэ. Душманул с'а вззут невоит сэ ынчезезе аседиул ачестор четэць. Чокниря перманентэ а трупелор турчешть ку мичиле детаашменте молдовенешть мобиле, липса де хранэ ши де фураж, молимеле каре се рэспындяу, вестя деспре апропьеря оштилор тримисе де Унгария ын ажутор Молдовей — тоате ачестя л-ау фэкут пе Мехмед ал II-ля пе ла мижлокул луний август 1476 сэ ордоне ретражэря. Домнул, каре реушисе сэ концентрезе «оастя чя маре», ынчепе сэ урмэряскэ душманул ши-л атакэ, причинуинду-й марь пердэрь, кынд ачеста се прэгэтя сэ трыкэ Дунэря. Штефан избугеште сэ ынтоаркэ о парте дин авуция прэдатэ ымпреунэ ку драпелеле каптурате де турчы.

Ын ансамблу кампания арматей османе ын Молдова дин 1476 с'а ынкеят пентру султан ын мод рушинос ши фэрэ нич ун резултат. Деши ау репутат викторие, форцеле Молдовей ау фост сечэтуенте, пе кынд Импернул Осман май диспуня де колосале ресурсе милитарэ ши оменешть. Прин урмаре домнул Молдовей а фост невоит сэ гэсяскэ модалитэць пентру а превени евениментеле кампанией османе ымпотрива цэрий сале.

Деоарече липся ун ларг фронт антиосман ал стателор еуропене, Штефан ынчаркэ сэ гэсяскэ о оарекаре модалитате де а менцине статалитатя Молдовей ши интегритатя ей территориалэ пе каля тратативелор ку ануимте кончесиунэ економиче фэкуте султанулуй. Конформ унуй документ осман, домнул Молдовей се ынвоеште сэ плэтяскэ дин ноу трибут ын 1476 ши кяр сэ-л мажорезе ла сума де 5000 де галбень ануал ын локул челор 3000 акитаць май ынаинте. О асемэня скимбаре а позицийей луй Штефан ера детерминатэ ну нумай де ситуация екстернэ, чи ши де чя интернэ а цэрий. Боерий, немулумиць де сустражэря перманентэ а цэранилор де ла мунчиле агриколе, ау черут сэ се ынкее паче ку султанул.

Деши Штефан ера деченционат де политика монархилор еуропень фазэ де Импернул Осман, ел май нэдэждуя сэ ындуплече чел пущин унеле цэрь сэ акорде кыт де кыт ажутор Молдовей ын лута контра отоманилор. Ын скрисоаря тримисэ ын 1477 сенатулуй венециан Домнул сублиния, кэ фэрэ ун ажутор екстерн Молдова ва фи невоитэ сэ се супунэ султанулуй. Ын ачастэ ситуации Штефан ынчаркэ сэ коинтересезе Венеция ын рекучерия фостелор ей факторий комерциале, ын примул рынд а Кафей. Дар пентру реализаря ачестей проблеме, менциона Штефан — требуе ка прин путерь уните «сэ цинем ын мыниле наостре Килия ши Четатя Албэ». Ынгрижораря домнулуй пентру четэциле молдовенешть де пе Дунэре ши де ла Маря Нягрэ, ну ера фэрэ темей. Ын плануриле сале де експансиуне спре норд де Дунэре ши де трансформаре а Мэрий Негре ынтр'ун «лак осман» султанул атрибуя ачестор четэць о импортанцэ примордиалэ. Деосебит де акут с'а пус проблема четэцилор ын тимпул домнийей султанулуй Баязид ал II-ля (1481—1512). Ачеста консидера Килия «кее пентру Молдова», яр Четатя Албэ — «кезэшине а бируиншей асупра полонезилор, чехилор, рушилор, унгурилор ши ун центру де комерц ку цэриле вечине».

Кыштыгынд ун мик рэгэз пашник, Штефан чел Маре флосеште ситуация интернационалэ приселникэ ши ынтрепринде ной кампаний милитарэ ын Валахия, финд сусцинут де унгури. Ка резултат Лайота а фост мээзилит, яр домн ал цэрий а девенит лежендарул Влад Цепеш. Ынсэ кэтре сфыршитул анулуй 1476 Лайота се ынтоарчэ ку оасте ын цэрь ши-л учиде пе Влад Цепеш. Астфел се курмэ вяца веститулуй ши мултпэтимитулуй домн мунтян. О ноуэ рундэ милитарэ ын Валахия а домнулуй молдован ынчепе ын тоамна анулуй 1477. Лайота есте изгонит дин цэрь, яр ын домние есте ридикат ун алт адепт ал луй Штефан, Цепелуш, каре дупэ ун тимп релатив скурт се супуне султанулуй. Ын континуаре домнитурул ынчаркэ сэ-л инстурезе ын Мунтения пе Влад Кэлугэрул, дар ярэшь суферэ ешек. Деч, май мулте ынчеркэрь але луй Штефан чел Маре де а инклубе Валахия ын сфера политичий сале антиосмане ши с-о рупэ дин супунэря Порций ну с'ау ынкунунат де сукчес.

Реешинд дин интереселе де класэ, маря боериме мунтянэ мерже ла компромис ку Поарта ши ну рискэ сэ скимбе политика екстернэ а цэрий.

Ын дефавоаря курций де ла Сучава се декланшазэ ши ситуация интернационалэ, кыт ши эволюция консолидэрий форцелор антиосмане. Ын сулунеря султанулуй интрэ ши ероика Албание. Реешинд дин конфрунтэриле ку цэриле вичине, о парте дин путериле еуропене, ынкее паче ку турчий. Динтре вечинь Полония есте прима царэ, каре ынкее паче ку Истанбулул. Ын аний 1477—1479, кынд се ынрэутэцеск симцитор релацииле ку ымпэратул хабсбургик Фредерик III, Режеле унгур Матиаш Корвинул дуче тратативе интенсе ку Поарта. Унеле сперанце ле авя Штефан де ла Венеция ши Папа де ла Рома, каре фэгэдуя ажутоаре ын евентуалеле лупте ку турчий. Ынсэ ын 1479 сенатул венециан се дезиче пе ун оарекаре тимп де политика антиосманэ ши ынкее паче ку султанул.

Дынду-шь сама де интенцииле османилор де а се ынтэри пе литоралул нордик ал Мэрий Негре, домнул Молдовей пурчеде ын 1479 акциунь пентру а консолида четэциле судиче. Нумай ла лукрэриле де фортификаре а Килий ын луат парте 800 де петрарь ши 17 мий де лукрэторы аукзилиарь. Дупэ че, ын 1479, а фост ынкеят ун армистициу ынтре Венеция ши Поарта Отоманэ, диспар ши сперанцеле домнулуй де а прими ажутор дин партя цэрилор коалицией антиосмане, каре се дестрамэ. Ятэ атунч, ла ынчепутул анулуй 1481, Штефан се веде невоит ка ын скимбул прелунжэрий пэчий, сэ фие де акорд ку череря султанулуй де а мэри трибутол де ла 5000 ла 6000 де галбень. Че-й дрепт, прегэтинду-се де кампание ын Асия ын ачелаш ан, султанул Баязид ал II-ля ынкэ ну черусе сэ и се плэтыскэ трибутол ын пропорций мэри-те, лэсынду-л ын сума де 5000 де галбень, деоарече ну доря деоакмдатэ сэ ынсэпряс-кэ релацииле ку Молдова, дин кауза операцией милитаре ынтрепринсе ын Асия.

Ын 1483, дупэ че а резолват проблемеле милитаре ын Асия, Баязид ал II-ля ре-вине ла проблемеле еуропене ши ынкее ун тратат де паче ку режеле Унгарией Матей Корвин. Трататул ну привя Молдова ши нич орашеле ей Килия ши Четатя Албэ, деши ынчепынд дин анул 1475, режеле унгур ера консидерат сузеран ал домнулуй Молдовей. Ын тратат Молдова ера нумитэ царэ, че плэтеште трибут султанулуй. Султанул турк цине конт де ачест лукру ши ын примэвара анулуй 1484 ынчепе сэ прегэтыскэ о кампание ымпотрива Молдовей. Штефан ышь стрынже оасте, аштеп-тынд султанул лынгэ Облущица, унде се афлэ о тречере песте Дунэре. Османий, ынсэ, ну шы-ау ындрепат ловитура принципалэ ын интериорул цэрий, чи ымпотрива Килий ши Четэций Албе. Ын вара анулуй 1484, май ынтый Килия, яр апой ши Четатя Албэ, ау фост аседияте де нумероаселе трупе педестре ши де флота османэ; ла аседиу ау партиципат ши контингенте милитаре але ханулуй Крымей ши але домнулуй Валахий. Дупэ о скуртэ ымпотривире ероикэ а гарнизоналор дин четэць, амбеле кэзурэ. О парте дин популяция Четэций Албе, чирка 20 де мий де персоане а фост стрэмутатэ ын адынкуриле Империиулуй Осман, 200 де бэец рекрутаць ын рындуриле еничерилор, яр 2000 де фемей ши фете тинере ау фост тримисе ын харе-муриле дин Истанбул. Четэциле котропите ау фост инклуе ын компоненца санжя-кулуй Силистрия ал Империиулуй Осман. Пердеря Килий ши а Четэций Албе а авут консечинце граве пентру ситуация економикэ ши политикэ а Молдовей. Еа а фост изолатэ де mare, принципатул ну май контрола комерцул де транзит пе «друмул молдовенеск», че-й адучя марь венитурь. Популяция Молдовей ера мереу ын аштеп-таря инкурсунилор кавалерией турчешть ши тэтэрешть, че се афлау акум ын апропиере.

Штефан ынчепе дин ноу сэ-шь кауте алияць пентру ашь реынтоарче четэциле. Деоарече Унгария авя ынкеят ун тратат де паче ку Империиулуй Осман, май мулт ка атыт, потривит кондицийлор трататулуй османо-магар, реынноит ын 1485. Килия ши Четатя Албэ ерау рекуноскуте стэпынирь османе, Штефан май фаче о ынчеркаре де а атраже Полония ла луптэ контра Порций. Реешинд дин фаптул, кэ ын урма куче-рий четэцилор молдовенешть де суд турчий с'ау апропийат де хотареле Регатулуй Полон, режеле я дечизия сэ ынкее легэтурь май стрынсе ку Штефан ши ла 15 сеп-тембрие 1485 примеште ла Коломея омажиул персонал ал домнулуй Молдовей, ынкеинд астфел альянца молдо-полонэ. Пентру а ымпедика о апропиере ынтре Мол-дова ши Полония, кяр ын моментул ын каре Штефан се афла ла Коломея ши депуяя омажиу режелулуй полон, султанул а ордонат санжякбеилор де ла границэ, суб кон-дучеря луй Балибей Малкоч Оглу, сэ атаче Молдова. Османий ау трекут прин фок ши парэ о mare парте а Молдовей, ажунгынд суб зидуриле четэций Сучава. Ын легэтурэ ку ачест евенимент контемпораний менционау ши казуриле де трэдаре дин партя унор боерь, немулцумишь де континуаря конфрунтэрий ку османий, ын виртута кэруй фапт цэраний лор ерау сустрашь де ла ындеплиниря престациилор дин очиниле феудале. Режеле полон ый акордэ ажутор луй Штефан доар нумай де 3000 де ка-валерь. Ку тоате ачестя домнул Молдовей реушеште сэ здобыскэ оастя османэ ла 26 ноембрие 1485 ын бэтэлия де ла Кэтлэбуга. Ун ан май тырziu, отоманий, акор-дынд сприжин луй Петру Хронод, претендент ла тронул Молдовей,—нэвэлеск дин ноу ын царэ. Ынтр'о бэтэлие гря де ла Шкея, лынгэ орашул Роман, Штефан реу-шеште дин ноу сэ бире душманул, дупэ каре Хронод финид каптурат ши оморит.

Слэбрия ресурселор оменешть ши материале але Молдовей, немулцумиря боери-мий, липса унуй ажутор реал дин партя алтор цэрь—тоате ачестя л-ау силит пе Штефан сэ ынчетезе де а се май конфрунта ку Империиулуй Осман. Ын октомбрие 1486 эл ынкее паче ку султанул. Ла Истанбул а сосит о солие молдовеняскэ, каре а адус

трибутул даторат пентру дой ань пречеденць. Молдова а фост констринсэ сэ се ресемнезе ку пердера Килией ши а Четэций Албе.

Конвингынду-се кэ есте импосибилэ ретроцедаря ачестор четэцень Молдовей, ынкэ ынаните де ынкеея пэчий ынтре османь ши молдовень, режеле полон рекурже персонал ла тратативе ку султанул прин мижлочирия унор дипломаць венециенъ. Трей ань май тырziu, ын 1489, ынтре Полония ши Империил Осман есте ынкеят ун тратат де паче, ын урма кэруя Килия ши Четатя Албэ ерау рекуноскуте посесиунъ османе. Прин актул ачеста Полония дин алиат с'а трансформат ын душман, чей че ыл силеште пе Штефан сэ кауте ярэшъ апропиере ку Унгария, ынтымпинат финнд ку бунзвойнцэ де режеле унгул. Ын анул 1489 пентру а-л коинтереса пе Штефан ын стабилирия унор легэтурь стрынсе ку короана магарэ, Матей Корвин ый ремите ын калитате де рекомпенсаре пентру пердера Четэций Албе ши а Килией доуэ четэць трансилванене ку дрепт де феудэ — Чичеул ши Четатя де Балтэ ку сателе дин жур. Тратативеле динтре Молдова ши Унгария с'ау ынкунунат ку сукчес ши ын ачелаш ан се ынкее трататул де алианцэ молдо-унгар, конформ кэруя Штефан рекуноаште сузеранитатя режелуй унгар. Ка рэспунс ла апропиеря динтре Молдова ши Унгария, Полония ынчепе сэ се прегэтыскэ де векул ей план де котропире а Молдовей ши де ремитере а тронулуй унуй фечор ал режелуй полон. Пентру а зэдэрничя планул ачеста, Штефан стабилиште легэтурь ку партичипаний ла коалиция дин дечениул ал 9-ля ал секолулуй XV ымпотрива режелуй полон, аша-нумита коалиция антияжеллонэ, ын каре ун маре рол й-а ревенит Статулуй Рус.

§ 3. Ситуация политикэ екстернэ а Молдовей ын ултимеле дечений але секолулуй XV ши ла ынчепутул секолулуй XVI (аутор Г. В. Гонца)

Ын ултимеле дечений але секолулуй XV с'ау креат кондиций фаворабиле пентру стабилирия контактелор политиче ынтре Русия ши Молдова. Статул рус опта пентру реунирия пэмынтурилор русе, украинене ши белорусе, каре де акум ын секулул XVI интрасерэ ын компоненца Марелуй Кнезат Литуаниян ши, каре, дупэ униуния полон-литуаниянэ дин 1386 имерисерэ суб доминация династией Яжеллонилор. Ын кэутаре де алианцэ дипломаций рушь ышь ындряптэ привиря ши асупра Молдовей, пе каре режий полонезь май интенционау с'о котропяскэ ку тимпул. Ын прочесул де апропиере а Молдовей де Русия ун ануит рол а авут ши комунитатя релижий, прекум ши легэтуриле династиче але луй Штефан ку кнежий Киевулуй ши Московей. Прима соция а луй Штефан чел Маре, Еудокия Олелкович, ера рудэ а марелуй княз ал Московей Иван ал III-ля. Ла сфыршитул дечениулуй ал 8-ля ал секолулуй XV Штефан пропуне моштениторулуй тронулуй рус Иван чел Тынэр сэ я ын кэсэторие фий-ка са ши а Еудокией — Елена. Иван ал III-ля а акцептат пропунеря ши ын аний 1479—1480 ау фост дусе тратативеле респективе, каре с'ау ынкеят ын 1482.

Дупэ кум релатязэ кроника дин Лвов ла сфыршитул анулуй 1482 о маре солие русэ ын фрунте ку Андрей ши Петру Михайлович Плешчеев, прекум ши о солие молдовеняскэ, дин каре фэчяу парте май мулць боерь ку социиле ши служиле лор, плякэ дин Сучава ла Москва, пентру а ынсоци миряса. Ын январе 1483 ла куртя дин Москва а авут лок нунта помпоасэ а луй Иван Иванович чел Тынэр ши Елена, нумитэ ын Молдова Елена Волошанка, сау а луй Штефан. Ултернор ей й-а ревенит ун рол импорнтант ын вяца политикэ а курций де ла Москва.

Ынтеририя легэтурилор династиче а контрибуит ла апропиеря политикэ динтре Молдова ши Русия. Черчетэторий ну диспун де мэртурий че ар конфирма, кэ ачастэ кэсэторие ар фи фост ынсоцитэ де вре-ун тратат русо-молдовенеск скрис. Конкомитент, ынсэ, сурселе не ворбеск деспире акциунъ комуне але Русией ши Молдовей ымпотрива Яжеллонилор, ынтрепринсе дежа ын 1483, кылд, прин мижлочирия луй Штефан чел Маре, солул московит Фьодор Курицын дуче тратативеле ла Буда ку режеле унгул, каре с'ау ынкеят прин адераря Унгарией ла алианца антияжеллоникэ. Ачесте акциунъ комуне пе тэрымул политичий екстерне ау маркат ынчепутул конституирий трептате а унор релаций де алианцэ молдо-русэ. Ын 1500 Штефан чел Маре дэдя де штире Московей прин интермедиул солулуй сэу диакул Константин, кэ ын релацииле ку Литуания ед а прочедат «...де потривэ ку текстул ынцележерий ши а ажутат аша прекум ви с'а журат пе круче...»⁸. Мареле княз ал Московей Иван ал III-ля фаче куноскутэ Литуанией апропиеря са де домнул Молдовей, релатынд кэ «Штефан-воевод есте ынрудит ши ын алианцэ ку ной»⁹.

Дупэ че Молдова а пердут Четатя Албэ ши Килия, яр ситуация политикэ екстернэ сэ ынрэзупеште, Штефан чере луй Иван ал III-ля ажутор прин интермедиул луй Фьодор Курицын, каре ын 1484 се ынтоарче ын Унгария. Ын хрисовул сэу домнул скрия: «Ам рэмас сингул аич ынконжурат дин доуэ пэрць де пэгынъ, яр ын трей пэрць де крештинъ, каре сынт май рэй декыт пэгыний. Ши ну май пот сэ-й суфэр май мулт, доар думнезеу те ва ындемна, луминэция та, сэ не милуешть ши сэ не окротешть»¹⁰. Османий ау каптурат солул рус ла Четатя Албэ ши ел а реушит сэ дукэ хрисовул домнесс ла Москва доар ын 1486.

Ын 1484—1486 ла Москва а фост тримисэ о солие молдовеняскэ ын фрунте ку И. Туркул, каре ла рындул сэу л-а ругат пе Иван ал III-ля сэ акорде ажутор Молдовей ымпотрива османилор. Русия, ынсэ, ну путя атунч сэ дее ажутор милитар Молдовей, деоарече экспансиуния османэ ну дэуна ын ачел тимп интереселе немиж-

лочите але Русией, ши Москва кэута сэ ынтречинэ релаций пашниче ку Поарта. Дар ын анул 1486 мареле княз московит, ла черинца луй Штефан чел Маре, тримите ла Краковия солул сэу Фьодор Мансуров ку мисиуна де а атраже ле Казимир IV де партя Молдовой ын лупта контра експансионий османе. Фьодор Мансуров урма сэ-й декларе режелуй полон, кэ «мареле княз ынтречине легэтурь апропийате ку домнул крештин, каре дореште сэ сэвыршаскэ исправа са, пе каре оръче домн крештин требуе с'о окротяскэ ши сэ лупте пентру крештинизм»¹¹. Режеле а рэспунс кэ е гата сэ-й акорде ажутор луй Штефан. Ел, ынсэ, нич ну авя де гынд сэ-шь ын-деплиняскэ фэгэдуинца, деоарече дучя де акум тратативеле ку Имperiул Осман.

Ла ынчепутул ултимулуй дечениу ал секолулуй XV, дупэ моартя режелуй унгур Матей Корвин, ситуация интернационалэ ын Еуропа Централэ а суферит унеле скимбэрь. Пентру тронул магар луптау: Максимилиан — фечорул ымпэратулуй Фредерик ал III-ля де Хабсбург — режеле чех Владислав Яжелло ши Ян Олбрахт — ун алт фечор ал режелуй полон Казимир ал IV-ля. Кяр де ла ынчепутул луптей пентру тронул Унгарией Иван ал III-ля ши Штефан чел Маре с'ау пронунчат ын фавоаря луй Максимилиан, деоарече алежеря луй Ян Олбрахт ар фи дус ла униря Унгарией ши Полонией суб облэдурия Яжеллонилор, чэя че ар фи конституит о примеждие атыт пентру Молдова, кыт ши пентру Русия. Кынд с'а ынцелес, кэ Максимилиан аре пущине шансе пентру а фи алес, ей ау сусцинут режеле чех пе Владислав Яжелло, каре промова о политикэ екстернэ де сине стэтэтоаре, индепендентэ де татэл сэу Казимир ал IV-ля. Пентру а асигура бируинцэ луй Ян Олбрахт, режеле полон ыл тримите пе ачеста ын Унгария ын фрунтя уней армаде де шляхтич, каре требуя сэ лупте ымпотрива луй Владислав. Ануме ын тимпул ачеста Штефан чел Маре, пробабил ку асентиментул гувернулуй рус, нитрэ ын Покуция. Ян Олбрахт есте невоит сэ се ынтоаркэ пентру а-л респинже. Астфел реже ал Унгарией девине Владислав ал II-ля (1490—1516) каре ултериор ынтречине релаций де алианцэ ку Штефан чел Маре ши Иван ал III-ля.

Дин кауза ынрэутиций релациилор динтре Молдова ши Полония се продук оserie де чокнирь ла хотаре. Бн 1491 оастя молдовенилор порнеште дин ноу о кампание ын Покуция. Домнул Молдовой ынчаркэ тотодатэ сэ фолосяскэ ын интересул сэу рэскоала цэранилор украинень ши молдовень де суб кондучеря луй Муха, каре а избукнит ла хотарул динтре Регатул Полон ши Молдова.

Деоарече конфликтеле динтре Молдова ши Полония путяу сэ се термине ку чокнире арматэ, Штефан я мэсурь ка сэ евите нэвлэрия динспре суд а тэтарилор дин Кримея. Реглементаря релациилор молдо-тэтаря а фост мижлочитэ де Иван ал III-ля. Бн ачастэ периоадэ ынтре Молдова, Москва ши Кримея аре лок ун скимб интенс де солий. Бн 1492 солул молдовенеск Митя Гомза трансмите ханулуй дин Кримея адресаря луй Штефан «Деспре вечинэте ши унитате»¹². Ка урмаре а фост о алианцэ ынтре Молдова ши Кримея, чэя че ый пермите луй Штефан сэ-шь концентрезе ефуртириле пентру а здэрнич плануриле експансионисте але Яжеллонилор ымпотрива Молдовой, ши а салва цара де инвазииле перманенте але тэтарилор. Дупэ моартя луй Казимир ал IV-ля ын 1492, ноул реже ал Полоний Ян Олбрахт я дечизия сэ традукэ ын вяцэ планул луй Калимах де котропире а Молдовой. Штефан кэута сэ се апропие де фрателе луй Олбрахт, Александру, каре, дупэ моартя луй Казимир ал IV-ля, девине княз ал Литуаний. Кяр ла ынчепутул анулуй 1493 Александру а дат ун рэспунс афирматив ла пропунеря луй Штефан де а се ынкея о ын-цележерэ молдо-литуаниянэ.

Дин инициатива режелуй полонез ын априлие 1494 ын орашул Левоче ын нордул Регатулуй Унгар а фост конвокат ун конгрес ал фракцилор Яжеллонь. Александру а тримис ла конгрес нумай соль. Ла шединцеле секрете але конгресулуй Ян Олбрахт а пропус ка сэ се дукэ лупта пентру еширя Полонией ла Маря Нягрэ, яр домнул Молдовой сэ фие детронат ши ын локул луй сэ фие пус Сижизмунд Яжелло, фечорул май мик ал луй Казимир ал IV-ля. Режеле унгур Владислав Яжелло а рефузат сэ партичипе ла о кампание ымпотрива Молдовой, яр солий луй Александру ау рэспунс афирматив ла ачастэ пропунере. Афлынд деспре интенцииле режелуй полон, Штефан я мэсурь де грэбире а ынкеерий унул тратат молдо-литуаниян, ын виртутя кэруя Литуания н'ар май путя луа парте ла кампание ымпотрива Молдовой. Бн ачастэ акциуне Штефан примеште ажутор дин партя марелуй княз ал Московей. Бн 1495 солий рушь ын Литуания Б. В. Кутузов ши А. Ф. Майк примеск мисиуна де а комуника ын нумеле луй Иван ал III-ля марелуй княз урмэтоареле: «Яр цие, фрате, ам вря ка Штефан воевод сэ-ць фие ши цие, аша кум не есте ши ноуэ, приетен приетенилор ноштри ши душман душманилор»¹³. Ынцележеря динтре Молдова ши Литуания а фост ынкеятэ ын 1496. Александру скрия домнулуй Молдовой кэ с'а ынвоит сэ семнезе трататул, деоарече «...фрателе ши сокрул ностру ши кускрул тэу, мареле княз Иван Васильевич не-а спус сэ фим ку тине ын паче ши унитате...»¹⁴. Яр атунч кынд режеле полон атакэ Молдова, солий рушь ын Литуания — Лобан Заболотский ши Волк Курицын — ый черу луй Александру: «...ынцележеря сэ ну о ын-калчь ши ку оасте ымпотрива луй Штефан воевод, кускрул марелуй княз сэ ну порнешть»¹⁵. Князул литуаниян ну с'а хотэрыт сэ интре фэиши ын конфликт ку Москва ши а фэгэдуит сэ ну тримитэ трупе ымпотрива луй Штефан. Бн тайнэ, ынсэ, ел а тримис тотуш, фрателуй сэу, режеле, ун ажутор неынсемнат, дар а ынтырзият.

Концентрынд о маре оштире де шляхтич ши ынармынд-о ку артилерие, ын аугуст 1497 режеле полон а декларат кэ се порнеште сэ елиберезе Килия ши Четатя

Албэ де суб османь. Ел, ынсэ ну шы-а ындрептат оштиря спре суд, де-а лунгул фронттиерей молдовенешть, аша кум й-а черут Штефан сэ факэ, чи а порнит ын дирекция Сучевей. Солий молдовень, логофэтул Тэуту ши вистиерул Исак, тримись ын лагэрул полон сэ афле интенцииле режелуй, ау фост ынкэтушаць ши тримись ла Лянов. Домнул а стрынс оастя чя маре ши с'а ындрептат спре Роман, локул де адунаре ал форпелор сале. А лэсат гарнизоане путерниче ын четэциле дин нордул цэрий Сучава, Нямы, порунчиуду-ле сэ хэрцуяскэ душманул. Прин ынциележера ку Буда соси ши ажуторул тримис де алиатул режелуй унгул — 12 мий де остаць ын фрunte ку воеводул Трансильванией Бартоломео Драгфи — ун мик деташамент дин Валахия ши ун нумэр неынсемнат де солдаць османь. Дипломат искусит, Штефан чел Маре й-а инвитат пе ачешть дин урмэ кэ сэл сперие пе режеле полон ку посибилитатя унул конфликт ку Империял Осман.

Ла 26 септембрие армата полонэ а аседият Сучава. Деши полонезий ау арункат асупра четэций фок дин тунурь греле, гарнизоана се ымпотривя ку ынвершунаре. Ындатэ че се лэса ынтунерикул нощий аседияций репарау спэртириле дин зидуриле четэций. Непрегэтите сэ дукэ ун аседиу ынделунгат, трупеле полонезе суфэре фоаме ши дин кауза липсей де фураж. Ын кондицииле кынд аседиул Сучевей се прелунжя, яр оштириле магаре, вените ын ажутор луй Штефан, путяу сэ се ынкадрезе ын луптэ, Ян Олбрахт с'а афлат невоит сэ чарэ армистициу, каре а фост ынкеат ла 16 октомбрие прин мижлочирия воеводулуй трансильванян. Ын конформитате ку кондицииле армистициулуй трупеле полонэе требую сэ се ынтоаркэ пе ачелаш друм, пе унде ау венит ши сэ ну адмитэ прэдэчушь. Неавынд, ынсэ, провизий ши фураж, трупеле луй Олбрахт ау скимбат каля, ындрептынду-се спре Чернэуць, песте Сирет ши Кодрул Козминулуй. Атунч армата молдовеняскэ ажунже дин урмэ трупеле режелуй ши ле-а ынтинс о курсэ ын кодрул Буковиней. О парте дин оастя полонезэ ын фрunte ку режеле ей трекусерэ пэдуря Буковиней. Ын фаца оастей че рэмасе ын табара веке ын ноаптя де ла 25 спре 26 октомбрие молдовений ау тэят динаинте пынэ ла скоарцэ копачий де-а лунгул друмулуй кэ абя се май циняу ын позиции вертикалэ. Ла 26 октомбрие, ындатэ че трупеле полонэе дин групаря а доуа ау ынтраг ын пэдуре, молдовений ау ынчепут сэ добоаре асупра лор копачий тэяць, каре стэвильау друмул ши ле нимичяу. Осташий молдовень ушор ынармаць, о скотяу ла капэт дестул де бине ын лупта ку шляхта полонезэ ымбрэкатэ ын армуриле лор греоае. Оастя молдовеняскэ а репутат о виктории деплинэ, еа а кэпэтит о ынтрагэ артилерие а инамикулуй. Ынчеркаря режелуй де а вени ын ажутор оштий сале ынконжурате ын пэдуре с'а скандат ку ун ешек. Оштений молдовень ну нумай кэ опреск полонезий, чи ый ши пун май тырзиу пе фугэ. Кытева зиле дупэ ачея а фост здробит ла Ленцешть ши ун деташамент де кэлэрець дин Мазовия, каре веня ын ажутор режелуй. Салвынду-се аневойос ку ун мик деташамент Ян Олбрахт рэзбате пынэ ла Чернэуць ши де аколо се ретраже ын Полония.

Пентру а превени о ноуэ инвазие а трупелор полонезе, Штефан чел Маре сэвыршеште ынсушь ын 1497—1498 о серие де инкурсиушь ын териториул Покуций, ындемынду-й пе османь ши пе тэтэрий дин Кримея сэ атаче пэмынтуриле Регатулуй Полон. Ын май 1498 трупеле пашей Малкоч-Оглу дин Силистрия ау нэвэлит пе териториул Регатулуй. Ын урма лор ау сэвыршит о кампание де жаф тэтэрий. Тоате ачестя акциушь ау фэкут ка Полония сэ слэбяскэ консидерабил. Тотуш режеле полон авя де гынд сэ окупе Молдова ку ажуторул князулуй литуаниан Александру. Афлынд ачесте планушь, Иван ал III-ля тримите де урженцэ ын Литуания солий сэй В. Ромодановский ши В. Кулишин, каре урмау сэл превинэ пе князул литуания: «Ши ту, фрате, сэ ций минте ынциележера ноастрэ, ка ымпотрива луй Штефан, воеводул волошилор, сэ ну те дучь ши нич пе оамений тэй ын ажутор фрателуй тэу сэ ну тримись, дакэ ну вросешть вяцэ ря ку ной сэ ай»¹⁶. Пентру а инфлуенца асупра князулуй литуаниян, Иван ал III-ля с'а адресат ши ханулуй Кримей. Ын тимпул уней аудинце, акордате солилор литуаниень, ханул Кримей а сублиният де ненумэрате орь кэ есте легат ку домнул Молдовей прин алянцэ ши журэмынт, авертизынд, кэ «...пе Штефан воевод ну-л вом лэса ын сингурэте. Дакэ вей порни ымпотрива луй Штефан воевод, атунч ши ной вом порни ымпотрива та». Позиция фермэ окупатэ де алияций Молдовей констрынже Литуания ши Полония сэ ренуше ла плануриле лор де а атака цара.

Ын периоада дестул де компликатэ ши де гря кумпэнэ пентру Принципатул Молдовенеск релацииле политиче молдо-унгаре ши молдо-русе дин ултимеле дечений але сек. XV, ын спечиал демерсуриле дипломатиче ши акциуниле курций де ла Москва ын аний 1497—1498, ау контрибуит ла консолидаря позиций интернационале а цэрий ын режуне ши ау пермис луй Штефан чел Маре сэ промовезе о политикэ екстернэ ефективэ.

Неавынд посибилитатя де а континуа о политикэ де офенсивэ ымпотрива Молдовей ши темынду-се кэ Штефан ыл поате пуне ын релаций де контрацичере ку султанул турчешк, режеле Полоний ынкее ла 1499, прин мижлочирия Унгарией, ун тратат де паче ши алянцэ ку домнул Молдовей. Ла база ачестуй тратат а фост пус проектул молдовенеск, каре преведя ынкееря уней алянцэ ынтре Молдова, Полония ши Унгария ымпотрива тутурор душманилор ши се сублиния фалул, кэ Штефан чел Маре есте гата сэ континуе лупта ымпотрива османилор. Тотодатэ Молдова есте датоаре сэ се ридиче де сине стэтэтор дакэ ефективул оштий османе ну-л ва депэши пе чел ал арматей молдовенешть. Ын каз контрар девеня облигато-

рие партичипаря Полонией ши Унгарией. Дакэ алияций ну вор вени ла тимп ын ажуртор, се преведя кэ трататул ну поате фи консидерат ынкэлкат, кяр дакэ Штефан ва фи невоит сэ ажуе темпорар османилор. Уна дин кондициле трататулуй ындеплиня ши долеанцеле домнулуй ши боерилор луй фидель. Астфел, конформ трататулуй Полония есте облигатэ сэ ынтоаркэ боерий рефужиаць ын регат ши сэ ну ле презинте ын виитор азил политик. Трататул молдо-полон а конституит ун маре сукцес дипломатик пентру Молдова. Амбеле пэрць ерау пе личор де егалитате.

Ка резултат плануриле експансионисте але Полонией ши ын парте але Литуаний ау фост контрамандате ын ача периоадэ. Тотодатэ трататул дин 1499 а консфинцит ын кадрул релациилор интернационале политика антиосманэ де сине стэтэ-тоаре а домнулуй Молдовей, че реешя дин ситуация интернэ ши май алес екстернэ а Принчипатулуй. Пентру а пэстра индепенденца цэрий ши а о салва де окупация османэ, домнул ши боерий ерау гата сэ факэ ной кончесий економиче, территориале ши кяр политиче атуңч, кынд алте форме де резистенцэ ерау инутиле, яр алияций — инактивь. Ла рэскруча секоделор XV—XVI ын Еуропа апаре дин ноу идея организэрий уней кручаде ымпотрива Империулуй Осман. Молдова ну путя сэ рэмынэ пасивэ ла ачастэ идее. Се проекта ка ла коалиция антиосманэ сэ фие атрас ши Статул Рус. Требуяу, ынсэ, резолвате контрадикцииле русо-литуаниене, каре се ынэсприсерэ. ын 1500, ла ругэминтя Унгарней ши а Полонией, Штефан тримите ла Москва ши Вилно солий, каре ну ау фост ын старе сэ апланезе конфликтул русо-литуаний, каре а дурат пынэ ын анул 1503.

Прегэтинду-се де акциунь антиосмане, Штефан рефузэ сэ май плэтыскэ трибут Порций, яр ун деташамент ал луй суб кондучеря ворникулуй Бордур атакэ Четатя Албэ ши Килия, фэрэ а реуши, ынсэ, сэ скоатэ де аич гарнизонаеле турчешть. Дин кауза пасивитэций алияцилор Молдова есте невоитэ сэ ренуңце ла лэр-жиря конфликтулуй ку османий. ын юние 1501 солул Молдовей а сосит ла Станбул ши а ынтэрит пачя ку Империул Осман. Курынд коалиция антиосманэ с'а дестрэмат, фэрэ сэ се конституе дефинитив. ын 1502 Венеция ши Полония ынкее паче ку османий, яр ла ынчепутул анулуй 1503 ши Унгария. ын текстул трататулуй магаро-осман Молдова ера консидератэ трибутарэ а султанулуй.

Ла ынчепутул секолулуй XVI, дупэ дестрэмаря коалиций антиосмане, релацииле динтре Молдова ши Полония се ынрэутэцеск. Штефан а декларат дин ноу деспре дрептуриле сале ла Покуция. ын курынд труцеле молдовенешть окупэ териториул Покуцией. Ноул реже ал Полонией Александру I (1501—1506), антериор маре княз ал Литуаний, ынчаркэ сэ организесе о кампание ымпотрива Молдовей, дар ынтымпинэ резистенцэ хотэрытэ дин партя режелуй Унгарией Владислав ал II-ля ши есте констрынс сэ ренуңце ла интенция са.

Ла 2 юлие, дупэ о боалэ гря ши ынделунгатэ Штефан чел Маре дечедязэ. ын чей 47 де ань ай домний сале Статул Молдовенеск феудал а атинс кулмьа путерий. Ши ын а доуа жумэте а секолулуй XV Статул Молдовенеск а жукат ун рол консидерабил ын вяца интернационалэ а Еуропей. Лупта ероикэ а попорулуй молдовенеск ымпотрива душманилор стрэинь, май алес ымпотрива експансионий османе, активитатя политикэ, дипломатикэ, милитарэ ши културалэ а домнулуй с'ау букурат де ыналта апречиере атыт а контемпоранилор, кыт ши а женерациилор де май тырзиу. Нимень ын история Молдовей н'а избутит сэ концентрезе армониос ын персоана са ынсуширь атыт де вариате ши сэ реализезе опере атыт де ынсемнате.

Григоре Уреке ын кроника са дескрие дестул де реушит портретул литерар ал домнулуй: «Фост-ау ачесту Штефан-Водэ ом ну маре де статус, мыниос ши де грабу вэрэстор де сынже невиноват: де мулте орь ла оспене омория фэрэ жудецу. Аминтриля ера ом ынтрег ла фире, неленешу, ши лукру сэу ыл ития а-л акопери ши унде ну гындяй, аколо ыл афлай. Ла лукрурь де рэзбоае мештер, унде ера невое ынсушь се вырыя, ка възынду-л ал сэй, сэ ну се ындепэртезе ши пентру ачя рару рэзбой де ну бируя. Ши унде-л бируя алций, ну пердя нэдежда, кэ штинду-се кэзут жос, се ридикэ де асупра бируиторилор... Ярэ пре Штефан-Водэ лау ынгропат цара ку мултэ жале ши плынжере ын мэнэстрия Путна, каре ера зидитэ де дынсул. Атыта жале ера, де плынжяу тоць ка дупэ пэринте ал сэу, кэ куноштяу тоць кэ с'ау скэпату де мулт бине ши де мултэ апэрэтурэ»¹⁷.

ын легэтурэ ку дечедаря домнулуй Молдовей ун кроникар рус ал времий скрия урмэтоареле: «Ши а мурит Штефан-Воевод ал Молдовей, брав оштян аидома ку Александру (Мачедон — аут.), каре де мулте орь л-а бэтут пе султанул турчешк ку маря луй путере, ашиждеря ши пе тэтарь, ши пе Матей, край ал Унгарией, ши пе режеле Полонией Олбрахт»¹⁸.

Илуструл историк рус Н. М. Карамзин скрия ын монументала «Историе а Статулуй Рус» деспре Штефан чел Маре урмэтоареле: «Ку бэрбэние ла примеждий, неклитит ла невой, ку modestie ла феричире... Ел стырня мираря ымпэрацилор ши а попоарелор, фэкынд фапте марь ку мижлоачеле мичь»¹⁹.

Мерителе ши фаптеле луй Штефан чел Маре ау фост семналате ши ын алте цэрь еуропене, аша кум ну с'а май прочедат ку вре-ун алт домн ал Молдовей. Мулць демнитарь де стат дин ачеле тимпурь апречияу персоналитатя воеводулуй. Е семнификатив фаптул, кэ контемпораний луй ыл нумеск Штефан чел Маре. Астфел режеле полонез Сижизмунд I де акум ын 1531 менцияэ ын актеле официале

домнул вечин — Штефан чел Маре. Е нумит Штефан чел Маре ши де ауторул жерман ал лукрэрий «Ынсемнэрь деспре Москова» С. Гербенштейн, кынд ел се афла ын Русия ын калитате де сол ал Аустрией²⁰. Кяр ши кроникарий турчь сынт невоиць сэ менционезе ероизмул попурулуй молдовенеск ши талантул домнулуй цэрий. Е дрепт, кэ ей ыл ынтитулау пе домн ку алте титуль, нуминду-л унеорь ши «кондукэтор ал дяволилор молдовень»²¹, чей че е лесне де ынцелес, деоарече ей се афлау суб импресия ыифрынжерилор катастрофале але османилор ын Молдова.

Фигура луй Штефан чел Маре, мерители луй сынт инклузе ын кынтечеле популаре, прин каре стрэмоший ноштри шы-ау експримат атитудиня лор фацэ де веститул ши лежендарул домн:

«Штефан-Водэ чел вестит,
Штефан чел небируит,
Каре вешник стэ кэларе,
Ку торбица ын спинаре,
Пентру-а цэрий апэраре.
Ши де-атунч де ла попас
Нумеле ши й-а рэмас
А луй Штефан-Водэ Маре,
А луй Штефан чел Бэрбат,
Фие вешник лэудат»²².

Деши сочиетатя феудалэ, ын каре а активат Штефан чел Маре а лэсат ампрента асупра политичий сале интерне ши екстерне глория луй ва стрэлучи вешник ын история Молдовей.

NOTE

¹ Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. М., 1976. С. 26, 63, 69.

² *Уреке Гр.* Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу, 1971. П. 88.

³ Архив Маркса и Энгельса. Т. 7. С. 203.

⁴ Тот аколо. В. 8. П. 157.

⁵ *Bogdan J.* Documentele lui Ștefan cel Mare. Vol. II. Buc., P. 319—321.

⁶ Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. С. 29.

⁷ Тот аколо. С. 52.

⁸ Исторические связи народов СССР и Румынии. Т. 1. С. 83.

⁹ Сборник РИО. Т. 35. Спб., 1853. С. 268.

¹⁰ Исторические связи народов СССР и Румынии. Т. 1. С. 68.

¹¹ Тот аколо.

¹² ЦГАДА. Ф. 389. Д. 4, Л. 120об, 154; Исторические связи... Т. 1. С. 63.

¹³ Исторические связи... Т. 1. С. 72—74; ЦГАДА. Ф. 389. Д. 5. Л. 190—190об.

¹⁴ ЦГАДА. Ф. 389. Д. 5. Л. 212об, 216—217об.

¹⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 11—12. С. 245; Т. 20. Ч. 1. С. 365; Т. 28. С. 329.

¹⁶ Исторические связи... Т. 1. С. 78.

¹⁷ *Уреке Гр.* Оп. чит. П. 115.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. Петроград, 1923. С. 363.

¹⁹ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV. Спб., 1842. С. 195.

²⁰ *Гербенштейн С.* Записи о Московии. Спб., 1866. С. 21.

²¹ *Cronici turcești privind Țările române.*—Buc., 1966. Vol. 1. P. 321.

²² Ла поале де кодру верде.—Кишинэу, 1982. П. 57.

ИНФОРМАЦИЯ ДЕСПРЕ АУТОРИИ АКТУАЛУЛУИ НУМЭР АЛ РЕВИСТЕИ

Павел В. Советов — мембру-кореспондент ал АШ а РССМ, доктор ын штинце историче, професор ын дрепт, шеф де секция ла Институтул де историе «Я. С. Гросул» ал АШ а РССМ, специалист ын история медиевалэ а Молдовей. Оп. принч.: «Исследования по истории феодализма в Молдавии», Кишинев, 1972; «Развитие феодализма и крестьяне в Молдавии (Очерки истории ренты в XVI — начале XVIII в.)», Кишинев, 1980; «История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.)» (ын кол.); компартименте ын лукрэрэ колективе де синтезэ, кулежерэ де документе ш. а.

Юрий П. Датий — кандидат ын штинце историче, колаборатор штинцифик супериор ла Институтул де историе «Я. С. Гросул» ал АШ а РССМ, специалист ын история аграрэ а РСС Молдова дин периода постбеликэ. Оп. принч.: «Колхозное крестьянство Молдавской ССР. Изменения численности и состава (1965—1980)». Кишинев, 1985; артиколе ш. а.

Самсон А. Мадиевский — доктор ын штинце историче, колаборатор штинцифик координатор, специалист ын история модернэ а Румынией. Оп. принч.: «Политическая система Румынии. Последняя треть XIX — начало XX в. (Монархия, парламент, правительство)». М., 1980; «Политическая система Румынии. Последняя треть XIX — начало XX в. (Состояние прав и свобод)». М., 1984; компартименте ын лукрэрэ колективе де синтезэ, брошуры ш. а.

Владимир И. Мискевка — колаборатор штинцифик инфериор ла Институтул де историе «Я. С. Гросул» ал АШ а РССМ. Се специализязэ ын история политикэ а Молдовей де ла ынч. сек. XIX, аутор де артиколе, консакрате ачестей теме.

Ион А. Негрей — колаборатор штинцифик инфериор ла Институтул де историе «Я. С. Гросул» ал АШ а РССМ. Се специализязэ ын история социалэ а Молдовей дин сек. XVII—XVIII, аутор де артиколе, консакрате ачестей теме.

Виктор И. Цвиркун — кандидат ын штинце историче, лектор суперниор ла Институтул педагожик де Стат «И. Крянгэ», се специализязэ ын история политикэ а Молдовей ла ынч. сек. XVIII, аутор де артиколе, консакрате ачестей теме.

Ион Г. Киртоагэ — колаборатор штинцифик ла Секция де этнографии ши студиул артелор а АШ а РССМ. Се специализязэ ын история териториилор Молдовей медиевале, инклузе ын райалеле турчешть (сек. XV—XVIII); аутор де артиколе, консакрате ачестей теме.

SUMAR

Studii

- Sovetov P. V.* Miron Costin și epoca sa 3

Istoriografie

- Datiu I. P.* Probleme actuale cu privire la istoria colhozurilor din R.S.S. Moldova în anii 60 — începutul anilor 80 16

Portrete istorice

- Madievschi S. A.* Calea politică a lui Constantin Stere (I) 27

Schițe documentare

- Mischevca V. I., Negrei I. A.* Materiale de vexilologie heraldică (Mențiuni și descrieri de steaguri și drapele moldovenești din sec. XV — mijlocul sec. XIX) 48

- Țvircun V. I.* Steagurile militare moldovenești din prima jumătate a secolului XVIII 54

Memorial

- Nici până acum nu știm, pentru ce? (Amintiri de S. I. și I. M. Sunișevski) 57

- Cuvînt despre camarad 58

Plai natal

- Chirtoagă I. Gr.* Pagini din istoria unor locuri memorabile 59

- Acord de colaborare 64

În ajutorul profesorilor de istorie

- Din „Istoria R.S.S. Moldova”: Activitatea externă a Statului Moldovenesc în anii domniei lui Ștefan cel Mare (1457—1504) 65

- Informație despre autorii actualului număr al revistei 78

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования	
<i>Советов П. В.</i> Мирон Костин и его эпоха	3
Историография	
<i>Цатий Ю. П.</i> Актуальные проблемы истории колхозов ССР Молдова в 60-е — начале 80-х гг.	16
Исторические портреты	
<i>Мадиевский С. А.</i> Политический путь Константина Стере (I)	27
Документальные очерки	
<i>Мискевка В. И., Негрей И. А.</i> Материалы по геральдической вексилологии (Данные и описания молдавских флагов и знамен XV — середины XIX в.) . . .	48
<i>Цвиркун В. И.</i> Молдавские военные флаги первой половины XVIII в.	54
Мемориал	
До сих пор мы не знаем, за что (Вспоминают С. И. и Я. М. Сунішевские) . . .	57
Слово о товарище	58
Краеведение	
<i>Киртоагэ И. Г.</i> Страницы истории некоторых памятных мест	59
Соглашение о сотрудничестве	64
В помощь преподавателям истории	
Из «Истории Молдавской ССР». Внешнеполитическая деятельность Молдавского государства в годы правления Стефана Великого (1457—1504 гг.) . . .	65
Информация об авторах настоящего номера журнала	73

CHIȘINĂU „ȘTIINȚA” 1990

REVISTA DE ISTORIE A MOLDOVEI

Redactori P. M. Andrieș, G. N. Suruc

Pictor V. M. Șisko

Redactor artistic E. B. Mulină

Redactor tehnic V. I. Meriacre

Corectori: V. I. Pastuh, V. I. Seneuțcaia

Dat la cules 20.06.90. Bun de tipar 02.08.90. Formatul 70×108²/₁₆. Coli de tipar conv. 7,0. Impr. conv. 7,7. Coli editoriale 8,47. Hîrjile pentru cărți și reviste. Tipar înalt. Caracter literar. Tirajul 5575. Comanda 257. Prețul 65 cop.

Editura „Știința”, 277028, Chișinău, str. I. S. Grosul, 3

Adresa colegiului de redacție: 277612, Chișinău, str. Lenin, 1.

tel. 26-26-84; 26-06-17

Tipografia editurii „Știința”, 277004, str. Berzarin, 8